

ВЕСТНИК Сибирского юридического института МВД России

**№ 2 (35)
2019**

ISSN 2542-1735

Научно-практический журнал

Подписной индекс «Роспечать» 70589

С 1 июля 2019 года подписной индекс «Пресса России» 33356

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель

Сибирский юридический институт МВД России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки),

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки),

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки),

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки),

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки),

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки),

12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки).

Включен в систему РИНЦ (договор № 207-05/2017).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Редакционный совет:

председатель – Медведев Игорь Анатольевич, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник отделения (редакторское отделение) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Авакьян Сурен Адибекович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) (по согласованию);

Адольф Владимир Александрович – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания и Сибирской академии наук высшей школы, действительный член Академии информатизации образования Российской Федерации, заведующий кафедрой педагогики, директор института физической культуры, спорта и здоровья имени И.С. Ярыгина Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева (г. Красноярск) (по согласованию);

Азаров Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (г. Омск) (по согласованию);

Бахта Андрей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, начальник Высших академических курсов Академии управления МВД России (г. Москва);

Безруков Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Гришаев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, директор Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений (г. Красноярск) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России (г. Казань) (по согласованию);

Кондрашев Андрей Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск) (по согласованию);

Кухта Андрей Андреевич – доктор юридических наук, начальник Сибирского ЛУ МВД России (г. Красноярск) (по согласованию);

Чечётин Андрей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель начальника Управления конституционных основ уголовной юстиции Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации (г. Санкт-Петербург) (по согласованию);

Шабанов Вячеслав Борисович – доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь) (по согласованию);

Шеслер Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк);

Шишко Ирина Викторовна – доктор юридических наук, директор Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск) (по согласованию).

VESTNIK **of Siberian Law Institute** **of the MIA of Russia**

№ 2 (35)
2019

Scientific and practical journal

ISSN 2542-1735

Subscription index «Rospechat» 70589
Subscription index of "The Press of Russia" since July 1, 2019 is 33356.
The journal is issued four times a year
Founder and publisher
Siberian Law Institute of the MIA of Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificate PI No. FS77-68860 from February 28, 2017).

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals for publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of Sciences) on the following groups of specialties:

- 12.00.01 – Theory of State and Law; history of the studies on law and state (legal sciences),*
- 12.00.02 – Constitutional Law; constitutional judicial process; municipal law (legal sciences),*
- 12.00.08 – Criminal Law and Criminology; penal execution law (legal sciences),*
- 12.00.09 – Criminal Procedure (legal sciences),*
- 12.00.11 – Judge's Activity, prosecutor's activity, human rights and law enforcement activity (legal sciences),*
- 12.00.12 – Criminalistics; forensic activities; operational-search activity (legal sciences),*
- 12.00.14 – Administrative Law; administrative procedure (legal sciences).*

Journal indexing: RINTS contract No. 207-05/2017.

Authors are responsible for the contents of an article, the reliability of using facts and quotations.

The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

Editorial Council:

Chairman – Igor A. Medvedev, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman – Nikolay N. Tsukanov, Doctor of Law, Ass. Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Yuliya V. Leont'yeva, Deputy Head of Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Council Members:

Suren A. Avakyan – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Department of Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow) (on agreement);

Vladimir A. Adolf – Doctor of Education, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History and Siberian Higher Education Academy of Sciences, Full Member of Academy of Computerization of Education of the Russian Federation, Head of the Department of Pedagogics, Director of Institute of Physical culture, sport and health named after I.S. Yarygin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'yev (Krasnoyarsk) (on agreement);

Vladimir A. Azarov – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk) (on agreement);

Andrey S. Bakhta – Doctor of Law, Professor, Head of Higher Academic Courses of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow) (on agreement);

Andrey V. Bezrukov – Doctor of Law, Ass. Professor, Professor of Department of State Legal Disciplines, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk) (on agreement);

Sergey V. Grishaev – Doctor of Sociology, Full Member of Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Krasnoyarsk branch of the Academy of Labor and Social Relations (Krasnoyarsk) (on agreement);

Nikolay S. Zheleznyak – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yuriy Yu. Komlev – Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology, Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Kazan) (on agreement);

Andrey Kondrashev Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law of the Law Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement);

Andrey A. Kukhta – Doctor of Law, Head of Siberian Linear Division of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnoyarsk) (on agreement);

Andrey Ye. Chechyotin – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Head of the Department of Constitutional Fundamentals of Criminal Justice, Secretariat of the Constitutional Court of the Russian Federation (Saint Petersburg) (on agreement);

Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Law, Professor, Full Member of Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics, Belarusian State University (Minsk) (on agreement);

Alexander V. Shesler – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kuzbass University of Federal Service for the Execution of Sanctions of Russia (Novokuznetsk) (on agreement);

Irina V. Shishko – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement).

Содержание

Теория и практика правоохранительной деятельности

Железняк Н.С. О влиянии судебных решений на отдельные правоприменительные проблемы оперативно-розыскной деятельности	9
Черных А.А. Подходы Конституционного Суда Российской Федерации к вопросу о необходимости получения судебных решений при проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств.....	16
Мальков С.М. Основные направления уголовно-правовой политики в сфере толкования уголовного закона.....	25
Токманцев Д.В. К вопросу о понятии раскрытия преступлений в уголовном праве.....	30
Ерахтина Е.А., Тирранен В.А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования.....	36
Климович Л.П. Использование специальных экономических знаний в расследовании уголовных дел: некоторые результаты анализа следственной практики.....	41
Чиненов Е.В., Шукин В.И. Финансово-кредитные отношения как объект исследования при раскрытии и расследовании экономических преступлений.....	46
Галимов О.Х., Галимова М.А. Примирение сторон как средство защиты прав и интересов несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве.....	52
Курсаев А.В. О некоторых факторах криминализации нарушения правил охраны труда при ведении работ.....	61
Злотников С.А. Критерии и оптимизация эффективности исправления осужденных: теоретико-правовые аспекты.....	70

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

Шашин Д.Г. К проблеме получения оперативными подразделениями органов внутренних дел информации от кредитных организаций при выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.....	76
Мельников Е.Б., Попельницкий Е.В. Современные тенденции сокрытия наркотических средств и психотропных веществ.....	82

Зарубежный опыт

Демидова И.А. Правоментальная характеристика белорусского общества	87
Шахматов А.В., Карл А.М. К вопросу о законодательном регулировании перечня оперативно-розыскных мероприятий в Российской Федерации и Республике Казахстан.....	96
Салыкова А.К. Досудебное соглашение о сотрудничестве (соглашение о сотрудничестве) в системе норм уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан.....	102

Взгляд. Размышления. Точка зрения

Кондрашев А.А. Основные тенденции ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети Интернет: российское законодательство и практика.....	111
Корнеева М.А. Факторы организации профессиональной подготовки в подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации.....	119
Борков В.Н., Спиридонов А.П. Борьба с коррупцией путем ослабления уголовной репрессии не может быть успешной.....	128
Овчинников Ю.Г. О попытке введения следственного судьи в ткань современного уголовно-процессуального законодательства: подведение итогов дискуссии.....	134

<i>Воронцов С.А.</i> О возможных направлениях повышения эффективности мер противодействия международному терроризму.....	139
<i>Зиненко Ю.В., Бортников А.М.</i> К вопросу о проблемах, связанных с назначением и организацией судебно-медицинских экспертиз по определению тяжести вреда здоровью (по архивным материалам Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы)	145

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

<i>Баркова Т.В.</i> Давность образования следов как одна из ключевых задач судебной экспертизы (практический аспект).....	151
<i>Дикова И.В.</i> К вопросу о принципах судебной власти.....	157
<i>Шеслер В.А.</i> Объект состава преступления, предусмотренного статьей 229 УК РФ (хищение наркотических средств или психотропных веществ).....	162
Приглашаем к сотрудничеству	169

Contents

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

<i>Zheleznyak N.S.</i> About the influence of court decisions on the particular law enforcement problems of operational-search activity.....	9
<i>Chernykh A.A.</i> Approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation to the issue of the necessity of obtaining court decisions in the course of conducting operational-search activities using technical devices.....	16
<i>Mal'kov S.M.</i> Basic directions of criminal and legal policy in the field of interpretation of a criminal law.....	25
<i>Tokmantsev D.V.</i> To the issue of the concept of crime detection in the criminal law.....	30
<i>Erakhtina E.A., Tirranen V.A.</i> Crimes made with the use of artificial intelligence: problems of qualification and investigation.....	36
<i>Klimovich L.P.</i> The use of special economic knowledge in the investigation of criminal cases: some results of the investigative practice analysis.....	41
<i>Chinenov E.V., Shchukin V.I.</i> Financial and credit relations as an object of study in the detection and investigation of economic crimes.....	46
<i>Galimov O.Kh., Galimova M.A.</i> Reconciliation of the parties as a means of protecting the rights and interests of a minor victim in criminal proceedings.....	52
<i>Kursaev A.V.</i> On some factors for criminalization of violation of labor safety rules at conducting works.....	61
<i>Zlotnikov S.A.</i> Criteria and optimization of the efficiency of correction of convicts: theoretical and legal aspects.....	70

Counteraction to Drug Threat: Problems and Ways of their Solution

<i>Shashin D.G.</i> To the issue of obtaining by operational units of the internal affairs bodies information from credit organizations in revealing, preventing, suppressing and solving crimes related to drug trafficking.....	76
<i>Mel'nikov E.B., Popel'nitskiy E.V.</i> Current trends in the concealment of narcotic drugs and psychotropic substances.....	82

Foreign Experience

<i>Demidova I.A.</i> Legal-mental characteristics of belarusian society.....	87
<i>Shakhmatov A.V., Karl A.M.</i> On the issue of legislative regulation of the list of operational investigative measures in the Russian federation and the Republic of Kazakhstan.....	96
<i>Salykova A.K.</i> Pre-trial agreement on cooperation (cooperation agreement) in the systems of criminal legislation norms in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.....	102

Views. Reflections

<i>Kondrashev A.A.</i> The main trends in restricting constitutional rights of citizens to information on the Internet: Russian legislation and practice.....	111
<i>Korneeva M.P.</i> Factors of organization of vocational training in law-enforcement units of the Russian Federation.....	119
<i>Borkov V.N., Spiridonov A.P.</i> The fight against corruption by weakening criminal repression cannot be successful.....	128
<i>Ovchinnikov Yu. G.</i> On the attempt of introduction of the investigative judge office into the modern criminal procedure legislation: summing up the discussion.....	134

Vorontsov S.A. On possible directions of increasing the effectiveness of measures to counter international terrorism.....	139
Zinenko Yu.V., Bortnikov A.M. To the issues related to appointment and arrangement of forensic medical examination on determining the degree of harm to health (on archive recordings Krasnoyarsk regional bureau of forensic medical examination).....	145

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

Barkova T.V. Limitation of developing traces as one of the crucial tasks of forensic examination (practical aspect).....	151
Dikova I.V. To the issue of the principles of judicial power.....	157
Shesler V.A. The object of corpus delicti under Art. 229 of the Criminal code of the RF (theft of narcotic drugs or psychotropic substances).....	162
We invite you to cooperation.....	169

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.102

Николай Семенович ЖЕЛЕЗНЯК,
профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности
Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

zhns21@mail.ru

О ВЛИЯНИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ НА ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВООБЪЕДИНЯЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ABOUT THE INFLUENCE OF COURT DECISIONS ON THE PARTICULAR LAW ENFORCEMENT PROBLEMS OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY

В статье рассматриваются ряд решений высших судов Российской Федерации, оказавших посредством толкования проблемных предписаний закона существенное влияние на оперативно-розыскную правоприменительную практику, обеспечивших эффективное решение правоохранительных задач в области противодействия преступности.

The article deals with a number of decisions of the highest courts of the Russian Federation, which had a significant impact on operational and investigative law enforcement practice through the interpretation of the problematic provisions of the law, and provided an effective solution of law enforcement tasks in the field of counteraction to crime.

Ключевые слова: высшие суды Российской Федерации, проблемы, решения, закон, оперативно-розыскная деятельность, правоприменительная практика.

Keywords: *highest courts of the Russian Federation, problems, solutions, law, operational-search activity, law enforcement practice.*

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД), как и любой вид правоохранительной деятельности, не лишена существенного количества проблем, не теряющих актуальности достаточно длительное время, что связано преимущественно с «неповоротливостью» законодательной власти в решении насущных вопросов правового регулирования сыскного процесса.

Поскольку в ряде случаев существующая правовая система откровенно пробуксовывает, восполнить имеющиеся пробелы пытаются ученые.

ОРД как наука привлекает к себе внимание значительного числа исследователей. Некоторые из них в своих трудах обращаются к основам ее теории, другие предпринимают попытки осуществить анализ частных аспектов. При безусловной многоплановости указанной деятельности приоритет, на наш взгляд, все же остается за оценкой качества правотворческой работы, поскольку, как уже отмечалось, именно она в первую очередь влияет на практику ОРД.

В различных изданиях авторы постатейно комментируют нормы Федерального закона

«Об оперативно-розыскной деятельности» [3; 6; 14; 16-18; 20], иных законодательных актов. Однако в имеющихся работах за редким исключением не находят отражения проблемы, связанные с неточностью формулировок, отсутствием дефиниций наиболее значимых терминов и даже антиномией.¹ Тем более там нет и рассуждений, связанных с возможными негативными последствиями от применения действующей редакции законодательных предписаний. Чтобы облегчить правоприменителю ориентирование в разнообразных юридических нормах, третья ветвь власти – судебная – ежегодно принимает большое количество актов (постановления, определения, их обзоры), устанавливающих те или иные правила реализации законодательных положений.

Поскольку таких правил накопилось достаточно много, их влияние на правоприменительную практику исключительно велико, а представители заинтересованных оперативных подразделений в большинстве своем о решениях высших судов ничего не знают,² создается патовая ситуация, при которой частично вроде бы разрешенные судебными органами проблемы на практике остаются непреодоленными.

Настоящая работа посвящена одному из этапов формулирования некоторых наиболее заметных проблем правоприменения, отрицательно влияющих на процесс противодействия преступности, и описанию имеющихся на этот счет судебных решений.

1. Правила определения приоритета нормативного правового акта.

В правоохранительной, в том числе оперативно-розыскной, практике зачастую возникают проблемы, связанные с тем, что конкретный вид деятельности регулируется нормами разных, но равных по уровню нормативных правовых актов. В этом случае правоприменители, как правило, используют

те правовые нормы, которые их больше удовлетворяют (например, определение понятия «жилище», представленное в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах РФ), а иногда и различные научные и методические работы, где упоминаются данные проблемы [4; 7; 11; 13]. В связи с этим возникают ситуации, когда проведенное сыщиком оперативно-розыскное мероприятие (далее – ОРМ) оценивается им как правомерное, однако иные участники правоохранительного процесса (в первую очередь адвокат, надзирающий прокурор) придерживаются противоположной точки зрения. Что касается судьи, то практика показывает отсутствие у него в большинстве случаев собственной позиции, а это позволяет ему придерживаться линии одной из сторон, кажущейся более убедительной.³

Именно в связи с возникновением подобных ситуаций Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в одном из своих знаковых решений установил правила определения приоритета равных по юридической силе законодательных актов, в соответствии с которым «в отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы применяется правило «lex posterior derogat priori» («последующий закон отменяет предыдущие»), означающее, что даже если в последующем законе отсутствует специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений, в случае коллизии между ними действует последующий закон; вместе с тем независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений» (По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление КС РФ от 29.06.2004 № 13-П).

1 Противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых доказуемо логическим путем. [12, с. 23]

2 На протяжении ряда лет в стенах образовательного учреждения проводятся курсы повышения квалификации руководителей и сотрудников антинаркотических подразделений, в рамках которых авторская лекция «Правоприменительные проблемы оперативно-розыскной деятельности» пользуется неизменной популярностью, что подтверждает отсутствие базовых знаний в этой области у сотрудников, постоянно сталкивающихся с существующими проблемами в повседневном противодействии наркопреступности.

3 Формально работает уголовно-процессуальный принцип состязательности сторон (см. ст. 15 УПК РФ).

Возвращаясь к неоднократно упоминавшейся в научных работах проблеме определения понятия жилища в УК РФ и УПК РФ, с учетом указанного выше решения КС РФ можно сделать вывод, что по действующему в данном случае первому правилу¹ приоритетной признается норма УПК РФ. Однако с практической точки зрения уголовно-процессуальное указание на жилище как помещение, используемое (здесь и далее выделено нами. – Н.Ж.) для проживания, позволяет признать таковыми участок теплотрассы, собачью конуру и т.п.

Каков же рациональный выход из существующей ситуации?

Во-первых, такой выход опять же предлагает КС РФ в уже называвшемся выше решении, излагая это следующим образом: «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, который, согласно части первой его статьи 1, устанавливает порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации, будучи обычным федеральным законом, не имеет преимущества перед другими федеральными законами с точки зрения определенной непосредственно Конституцией Российской Федерации иерархии нормативных актов».

Во-вторых, в другом решении КС РФ отмечается следующее: «С положениями Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающими – с учетом целей и задач уголовного законодательства – основания и цели применения принудительных мер медицинского характера за совершение запрещенных уголовным законом деяний, виды таких мер, продление, изменение и прекращение их применения (статьи 21, 97-102), должны быть согласованы и соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана : постановление КС РФ от 21.05.2013 № 10-П).

Таким образом, в решениях КС РФ делается вывод, что нормы материального права имеют преобладающее значение над взаимосвязанными с ними процессуальными предписаниями.

Поскольку в соответствии с еще одним решением КС РФ «однородные по своей юридической природе отношения в силу принципа юридического равенства должны регулироваться одинаковым образом» (По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой : постановление КС РФ от 30.01.2011 № 1-П), полагаем правомерным и мы сделать следующий давно уже сформулированный целым рядом специализирующихся в иных областях права ученых [1; 2; 8-10; 15; 19] вывод: нормы материального права выступают приоритетными по отношению к положениям права процессуального.

Если нормы материального права имеют преобладающее значение над взаимосвязанными с ними процессуальными предписаниями, в нашем случае это означает, что определение жилища, изложенное в примечании к ст. 158 УК РФ, имеет преимущество по сравнению с близкой по форме, но не по сути формулировкой п. 10 ст. 5 УПК РФ. Именно такая конструкция, с одной стороны, устранил существующие нормативные недочеты, с другой – ориентирует оперативно-розыскную практику на предсказуемое отношение к законодательному регулированию вопросов противодействия преступности.

2. Соотношение общих и специальных норм права.

На практике зачастую встречаются ситуации, при которых необходимо оценить те или иные действия органа, осуществляющего ОРД, с точки зрения закона. Однако россий-

¹ Второе правило относится к акту, регулирующему соответствующие отношения, т.е. к Жилищному кодексу РФ.

ская правовая система не очень четко определяет приоритет тех или иных норм права. Именно поэтому не слишком умудренные опытом сыщики, их руководители, уполномоченные прокуроры и иные официальные лица по-разному трактуют значимость тех или иных положений, не особо отличая их друг от друга.

В качестве реального примера различия в таком толковании следует предложить ситуацию, связанную с получением судебного решения на проведение ОРМ прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи.

Суть дела: Н, будучи в то время заместителем начальника территориального органа внутренних дел – начальником криминальной милиции, инициировал судебное санкционирование ограничения конституционных прав подозреваемого в совершении преступления средней тяжести гр-на Х при проведении ОРМ прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в ст. 8 (ч. 2) в развитие положений ст. 23 (ч. 2) Конституции РФ о том, что «каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения», и статьи 25 Конституции РФ о том, что «жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения», определяет общие условия ограничения этих прав при проведении ОРМ, сформулированные в законе следующим образом: «Проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации:

1. О признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно.

2. О лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно.

3. О событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации».

Анализ рассматриваемого законодательного предписания позволяет сделать вывод о том, что для ограничения указанных в норме конституционных прав граждан в борьбе с преступностью необходимо наличие двух обстоятельств:

- судебного решения;
- информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно либо о подготавливающих, совершающих или совершивших его лицах.

Как представляется, второе из отмеченных обстоятельств (информация) и должно быть основанием для принятия судьей решения об ограничении конституционных прав граждан.

Вместе с тем в рассматриваемой статье (ч. 4) применительно к ограничению права граждан на тайну телефонных переговоров содержится предписание, согласно которому «прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях».

Налицо правовая коллизия, выражающаяся в несоответствии содержания двух норм одной статьи закона. В связи с этим требует выяснения вопрос о правовой природе указанных норм, их соотношении.

Очевидно, что предписание ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-правовой деятельности» (ч. 2), является общей нормой, поскольку формулирует условия ограничения

конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий. В нем речь идет о так называемых традиционных мероприятиях судебного санкционирования (обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств применительно к жилищу, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи).

Сформулированное же в рассматриваемой статье (ч. 4) положение распространяется на мероприятия, связанные с ограничением тайны телефонных и иных переговоров, а значит, является специальным по отношению к содержанию рассмотренной выше части статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-правовой деятельности».

По общему правилу, хотя и не закрепленному нормативно, но используемому в правовой системе Российской Федерации как доктрина¹ теории права, специальные нормы права имеют приоритет над общими предписаниями даже при их одинаковой юридической силе.

Таким образом, положение ст. 8 (ч. 4) Федерального закона «Об оперативно-правовой деятельности» является приоритетным по отношению к предписанию ст. 8 (ч. 2) этого же закона. Поэтому независимо от правил, содержащихся в ст. 8 (ч. 2), при проведении ОРМ прослушивание телефонных переговоров будет действовать норма ст. 8 (ч. 4). [подр. 5]

Наше понимание правил разрешения рассматриваемой проблемы подтверждает и Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ). Так, в Информации о рассмотрении судами материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ, подготовленной Судебной коллегией по уголовным делам ВС РФ и Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики ВС РФ (от 05.06.2014), отмечается: «В силу положений ч. 4 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-правовой деятель-

ности» прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях.

Часть 4 ст. 8 ФЗ Федерального закона «Об оперативно-правовой деятельности» является специальной по отношению к части 2 этой же статьи, в которой предусмотрено другое условие указанного ОРМ, а именно допустимость его проведения только в отношении противоправных деяний, по которым обязательно производство предварительного следствия. Поэтому судья вправе принять решение о прослушивании телефонных и иных переговоров только в отношении граждан, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести (либо лиц, которые могут располагать сведениями о преступлениях данной категории), по делам о которых производство предварительного следствия является обязательным.

Это условие, предусмотренное ч. 4 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-правовой деятельности», относится лишь к прослушиванию телефонных и иных переговоров и не распространяется, например, на ОРМ, ограничивающие право на неприкосновенность жилища. Поэтому суды правильно принимают решения о проведении иных ОРМ при наличии признаков противоправных деяний небольшой тяжести, производство предварительного следствия по которым является обязательным, в частности, о разрешении обследования помещения».

Как мы видим, позиция ВС РФ абсолютно точно (даже в тех же выражениях) повторяет сделанный нами ранее применительно к конкретной практической ситуации вывод.

Таким образом, ограниченное рамками объема статьи и идеей поэтапного описания правоприменительных проблем ОРД исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. С целью единообразного понимания и использования в сфере уголовной юстиции

¹ Доктрина – совокупность служащих основой теории постулатов, способствующих объяснению теории и осуществлению анализа ее механизмов, отражающих необходимость выбора между совокупностями основополагающих принципов, на основе которых может развиваться теория..

категории «жилище» необходимо исключить из п. 10 ст. 5 УПК РФ формулировку рассматриваемого понятия с целью использования в правоприменительной практике лишь дефиниции, представленной в примечании¹ к ст. 139 УК РФ.

2. Конституционному Суду РФ следует принять решение о соотношении материальных и процессуальных норм права для закрепления существующего доктринального приоритета первых над последними.

3. Конституционному Суду РФ необходимо формализовать своим решением устояв-

шееся в теории права воззрение о приоритете специальных норм над общими предписаниями даже при их одинаковой юридической силе.

Решение этих наболевших проблем во многом минимизирует риски непреднамеренных нарушений законности и конституционных прав граждан при осуществлении оперативно-розыскного противодействия преступности.

1 Под жилищем в настоящей статье, а также в других статьях настоящего Кодекса понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания.

Библиографический список

1. Батычко, В.Т. Теория государства и права в вопросах и ответах / В.Т. Батычко. – Таганрог: ТРТУ, 2005.
2. Белоусов, С.А. Материальные и процессуальные нормативные предписания в системе российского законодательства: диалектика взаимосвязи и проблемы разбалансированности / С.А. Белоусов // Современное право. – 2015. – № 12.
3. Горяинов, К.К. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий / К.К. Горяинов, Ю.Ф. Кваша, К.В. Сурков ; под ред. П.Г. Пономарева. – М.: Новый юрист, 1997.
4. Железняк, Н.С. О законодательном регулировании обследования жилища / Н.С. Железняк // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов международной научной конференции (16-17 февраля 2006 г.) : в 2 ч. / Сибирский юридический институт МВД России ; отв. ред. С.Д. Назаров. – Красноярск, 2006. – Ч. 2.
5. Железняк, Н.С. Правоприменительные проблемы оперативно-розыскной деятельности : лекции / Н.С. Железняк. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010. – Т. 2.3.
6. Железняк, Н.С. «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : монография / Н.С. Железняк, А.Д. Васильев. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2009.
7. Железняк, Н.С. Жилище как объект оперативно-розыскной деятельности (сравнительно-правовой анализ) / Н.С. Железняк // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2017. – № 4 (29). – С. 7-14.

8. Кудрявцева, Т.С. Некоторые проблемы классификации и применения материальных и процессуальных норм (на примере отдельного трудового спора) / Т.С. Кудрявцева // Трудовое право. – 2009. – № 3. – С. 60-63.
9. Лейст, О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст ; под ред. В.А. Томилова. – М.: Зерцало, 2008.
10. Марченко, М.Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник: в 2 т. / М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2016. – Т. 2.
11. Одношвин, И.А. Понятие «жилище» и его значение для уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности / И.А. Одношвин // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 6. – С. 12-14.
12. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 3-е изд., стереотипное – М.: АЗЪ, 1996.
13. Помазкова, С.И. О понятии жилища и его значение для законности современного сыска / С.И. Помазкова // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 1 (2). – С. 10-13.
14. Смирнов, М.П. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран : учебное пособие / М.П. Смирнов. – М.: Изд. «Экзамен», 2003.
15. Уксусова, Е.Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения / Е.Е. Уксусова // Lex russica. – 2014. – № 2.
16. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : научно-практический комментарий / под ред. проф. В.В. Николюка. – М.: Спарк, 2003.
17. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий / под ред. проф. А.Е. Чечётина. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2007.
18. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / А.С. Бахта и др. – Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2012.
19. Худояров, Б.Т. О некоторых вопросах применения норм материального и процессуального права в семейно-правовых отношениях / Б.Т. Худояров // Юридические науки: Вестник Пермского университета. – 2014. – № 1.
20. Шумилов, А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / А.Ю. Шумилов. – М., 1999.

УДК 342:343.102

Андрей Анатольевич ЧЕРНЫХ,

доцент кафедры информационно-правовых дисциплин
и специальной техники

Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

and_cher@mail.ru

ПОДХОДЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

APPROACHES OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION TO THE ISSUE OF THE NECESSITY OF OBTAINING COURT DECISIONS IN THE COURSE OF CONDUCTING OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES USING TECHNICAL DEVICES

В статье освещаются и анализируются определения Конституционного Суда Российской Федерации, связанные с ограничением конституционных прав человека при проведении оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых с применением специальной техники. Кроме того, рассматриваются обращения граждан в Конституционный Суд РФ, в которых они полагали, что при проведении в отношении них оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств требовалось получить судебное решение.

The article highlights and analyzes the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation related to the restriction of constitutional human rights in the course of conducting operational search activities with the use of special equipment. In addition, the citizens' recourses to the Constitutional Court of the Russian Federation when they believe that it is necessary to get court decision for conducting operational-search actions using technical devices in regard to them are considered.

Ключевые слова: конституционный суд, получение судебного решения, ограничение права человека, оперативно-розыскные мероприятия, технические средства.

Keywords: the Constitutional Court, getting a court decision, human rights restriction, operational search actions, technical devices.

В XXI веке эффективность оперативно-розыскной деятельности все больше зависит от возможностей, предоставляемых специальной техникой. Негласность использования технических средств порождает ряд вопросов, и с течением времени их становится все больше. Даже специалистам бывает сложно разобраться во всех нюансах оперативно-розыскного процесса. А обычным людям, в отношении которых тайно применяется специальная техника, и вовсе невозможно оценить правомерность действий, предпринимаемых сотрудниками оперативных подразделений. Лишь тогда, когда гражданам становится известно о сборе компрометирую-

щей их информации, они начинают защищать свои интересы различными способами, в том числе посредством выискивания нарушений своих конституционных прав. В нашей стране последней инстанцией, куда граждане могут обратиться по поводу предполагаемого нарушения своих прав, является Конституционный Суд РФ. Поэтому для того, чтобы лучше понять сложившуюся в данной сфере ситуацию, нами были отобраны и изучены решения Конституционного Суда РФ за период с июня 1997 года по июнь 2018 года.

Всего были проанализированы 32 определения Конституционного Суда РФ, в которых рассматривались обращения граждан,

полагавших, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств были нарушены их конституционные права. В 17 из 32 изученных нами определений заявители пытались оспорить законность проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств без судебного решения.

Таким образом, более 50% поступивших от граждан жалоб касаются получения разрешения суда (судьи) на проведение оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств.

Все решения Конституционного Суда РФ, в которых исследовался вопрос о необходимости получения судебных решений при проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств, мы разделили на три группы:

1) определения Конституционного Суда РФ, связанные с ограничением конституционного права человека на тайну корреспонденции;

2) определения Конституционного Суда РФ, связанные с ограничением конституционного права человека на неприкосновенность жилища;

3) определения Конституционного Суда РФ, не связанные с ограничением конституционных прав человека на тайну корреспонденции и неприкосновенность жилища.

1. Определения Конституционного Суда РФ, в которых рассматривался вопрос о необходимости получения судебных решений при проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств, ограничивающих конституционное право человека на тайну корреспонденции.

Согласно ч. 2 ст. 23 Конституции РФ: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения».

Для краткого обозначения права человека на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений назовем его «тайна корреспонденции», потому что именно так оно представлено в признанных Российской Федерацией международных правовых актах и ч. 1 ст. 5 Феде-

рального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Термин «тайна корреспонденции» появился в российском законодательстве в 1999 году после ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятой в городе Риме 4 ноября 1950 года, и кроме Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» нигде больше не упоминается. Поскольку с точки зрения русского языка корреспонденция в России больше ассоциируется с почтовой перепиской, полагаем, что более подходящим по смыслу было бы слово «коммуникация». По этой причине в настоящее время предпочтительнее говорить не о тайне корреспонденции, а о тайне коммуникаций (тайне сообщений). Надеемся, что при разработке нового Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» законодатель учтет это предложение.

Кроме этого существует такой юридический термин, как «тайна связи», под которым согласно ч. 1 ст. 63 Федерального закона «О связи» понимается тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи.

Таким образом, тайна корреспонденции представляет собой совокупность тайны связи и тайны иных сообщений.

Часть 2 ст. 8 и ч. 1 ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» говорят о необходимости получения судебных решений, разрешающих ограничить конституционное право человека только в рамках тайны связи. Это существенный вопрос, поскольку проводится очень большое количество оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают указанное право граждан. Например, согласно сводным статистическим сведениям о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год (URL: <http://www.cdep.ru>) в 2018 году федеральными судами общей юрисдикции были удовлетворены 528711 ходатайств оперативно-розыскных органов об ограничении права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в российском законодательстве акцент делается исключительно на сообщениях, которые передаются по сетям электрической и почтовой связи. В отличие от тайны связи тайна корреспонденции подразумевает, что каждый человек имеет право на конфиденциальность общения, осуществляемого в любой выбранной им самим форме, в том числе согласно ч. 2 ст. 23 Конституции РФ посредством иных сообщений. Следовательно, существует конституционное право человека на тайну иных сообщений, и ограничивать это право разрешается только на основании судебного решения. Однако пока ни судьи Конституционного Суда РФ, ни законодатель не видят в этом никакой проблемы. Хотя согласно ч. 2 ст. 55 Конституции РФ в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина.

К сожалению, ни один нормативный правовой акт не содержит ответ на вопрос: что понимается под иными сообщениями? Можно лишь предположить, что в разряд таких сообщений попадают:

- 1) сведения, передаваемые юридическими и физическими лицами, не являющимися операторами связи и, соответственно, действующими без лицензий на оказание услуг связи;
- 2) обычные разговоры и визуальные сигналы, передаваемые без применения каких-либо технических средств;
- 3) информация, передаваемая посредством запахов, тактильных и вкусовых ощущений.

На основании изложенного можно сделать три главных вывода:

- 1) тайна корреспонденции кроме тайны связи также включает в себя тайну иных сообщений (то есть сообщений, передаваемых без использования сетей электрической и почтовой связи);
- 2) пока государство пытается обеспечить соблюдение ч. 2 ст. 23 Конституции РФ хотя бы в пределах тайны связи;
- 3) из правового поля (на законодательном и подзаконном уровнях) выпала тайна иных сообщений.

Этот правовой пробел привел к появлению трех определений Конституционного Суда РФ, в которых граждане жаловались на нарушение их конституционного права на тайну иных сообщений.

Л.А. Юлдашева полагала, что для проведения оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением тайны сообщений, передаваемых не по сетям электрической или почтовой связи, требуется судебное решение. [9] Конституционный Суд РФ указал, что ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» регламентирует порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционное право граждан на тайну сообщений, и в силу этого подлежит применению лишь в тех случаях, когда лица, передающие или принимающие сообщение, предполагают его конфиденциальный характер и не желают доступа к передаваемой информации каких-либо сторонних лиц и органов. Однако, исключая возможность ознакомления указанных органов и лиц с содержанием передаваемого сообщения без судебного решения и помимо воли граждан, его передающих или принимающих, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не препятствует распространению информации о переданном сообщении кем-либо из этих граждан.

Анализ решения Конституционного Суда РФ по жалобе Л.А. Юлдашевой. Следует отметить, что Конституционный Суд РФ, ссылаясь на ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», разрешил ограничивать право на тайну иных сообщений без судебного решения при условии, что содержание сообщений фиксируется при помощи технического средства и затем передается органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, с согласия одного из участников оперативно-розыскного мероприятия. При этом судьи фактически проигнорировали вопрос о соответствии указанной нормы Федерального закона ч. 2 ст. 23 Конституции РФ применительно к иным сообщениям. Такой подход Конституционного Суда РФ к соблюдению тайны иных сообщений в какой-то мере можно было бы признать оправданным, поскольку это, не-

сомненно, снижает нагрузку на оперативные подразделения и федеральные суды общей юрисдикции. Однако нельзя забывать, что ч. 2 ст. 23 Конституции РФ содержит правило, не предусматривающее никаких исключений, и она имеет большую юридическую силу, чем федеральный закон. В связи с этим полагаем, что Конституционный Суд РФ подошел к рассмотрению жалобы Л.А. Юлдашевой формально и проблема, поднятая ею, по сути, осталась не решенной.

В.И. Пишак оспаривал конституционность ч. 1 ст. 6 и ч. 2 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» как не предусматривающих обязательность получения судебного решения для контроля разговоров, проводимых без использования телефонных и иных средств связи. [4] Изучив жалобу заявителя, Конституционный Суд РФ отметил, что Конституция РФ гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23), а также закрепляет право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, допускающая возможность ограничения этого права только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 23). Это конституционное положение дословно воспроизводится в ч. 2 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а потому данная норма не может рассматриваться как не соответствующая ст. 23 Конституции РФ.

Анализ решения Конституционного Суда РФ по жалобе В.И. Пишака. Очень странно, что при рассмотрении жалобы В.И. Пишака судьи Конституционного Суда РФ «не заметили» разницы между тайной корреспонденции, установленной ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, и тайной связи, фигурирующей в ч. 1 ст. 63 Федерального закона «О связи» и ч. 2 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Это привело к тому, что тайна сообщений, не передаваемых по сетям электросвязи, просто «исчезла», а В.И. Пишак получил отказ в принятии его жалобы к рассмотрению Конституционным Судом РФ.

Д.А. Сугробов предпринял попытку оспорить конституционность правовых норм, ко-

торые позволяют прослушивать без судебного решения переговоры, ведущиеся без использования средств связи (иные переговоры), при проведении оперативно-розыскных мероприятий с фиксацией и передачей информации по радиоканалу и хранить свыше шести месяцев материалы, полученные в результате прослушивания иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело. [5] Конституционный Суд РФ неоднократно рассматривал аналогичные жалобы, в которых ставился вопрос о проверке конституционности положений ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В его решениях отмечалось, что по смыслу данного федерального закона применение технических средств фиксации наблюдаемых событий само по себе не предопределяет необходимость вынесения о том специального судебного решения, которое признается обязательным условием для проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина (определения Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 268-О, от 16 ноября 2006 г. № 454-О, от 17 июля 2007 г. № 597-О-О, от 13 октября 2009 г. № 1148-О-О, от 25 февраля 2010 г. № 259-О-О, от 16 июля 2013 г. № 1163-О, от 22 января 2014 г. № 113-О, от 28 февраля 2017 г. № 273-О, от 19 декабря 2017 г. № 2898-О и др.).

Анализ решения Конституционного Суда РФ по жалобе Д.А. Сугробова. На первый взгляд, решение, принятое по жалобе Д.А. Сугробова, кажется вполне обоснованным. Действительно, в соответствии со ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» для того, чтобы использовать технические средства при проведении оперативно-розыскных мероприятий, не ограничивающих конституционное право человека на тайну связи, судебное решение не требуется. Однако Д.А. Сугробов пытался акцентировать внимание Конституционного Суда РФ совсем на другой проблеме – на тайне иных сообщений. Он поставил вопрос о законности ограничения своего права на тайну сообщений, не передаваемых по сетям электросвязи. Поскольку если признать,

что переговоры, ведущиеся без использования средств связи (иные переговоры), относятся к иным сообщениям, то согласно ч. 2 ст. 23 Конституции РФ орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, обязан был получить судебное решение. Таким образом, при рассмотрении жалобы Д.А. Сугрובה Конституционный Суд РФ, с одной стороны, проявил последовательность и принял стандартное решение, основанное на признании конституционности оспариваемых заявителем положений, с другой стороны, не стал вдаваться в изучение сложных вопросов, касающихся иных сообщений, хотя и должен был это сделать.

Дополнительно заметим, что с понятием выражения «иные переговоры», используемым в ч. 7 ст. 5 и чч. 4, 5 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», существует точно такая же проблема, как и с понятием словосочетания «иные сообщения» – оно не раскрывается ни в одном нормативном правовом акте. По нашему мнению, иные (нетелефонные) переговоры, о которых упоминается в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», имеют самое непосредственное отношение к иным сообщениям, установленным ч. 2 ст. 23 Конституции РФ (сообщениям, не передаваемым по сетям электрической и почтовой связи).

В итоге во всех трех представленных нами случаях Конституционный Суд РФ не усмотрел фактов нарушений конституционных прав заявителей, в том числе права на тайну иных переговоров.

Очень часто при осуществлении оперативно-розыскной деятельности встает вопрос об ограничении права на тайну телефонных переговоров. Конституционный Суд РФ подошел к пониманию сущности этой тайны достаточно своеобразно. В определении от 2 октября 2003 г. № 345-О в тайну телефонных переговоров включены «любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи» [10]. Не совсем понятно: зачем было относить к конфиденциальной информации данные о

том, кто, кому и когда звонил? Получение этих сведений явно выходит за рамки оперативно-розыскного мероприятия прослушивания телефонных переговоров и должно осуществляться посредством проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как наведение справок. Важно, что при наведении справок, как правило, не требуется обращаться в суд за разрешением.

Опять же определения телефонных переговоров, прописанного в каком-нибудь нормативном правовом акте, не существует, но в принципе понятно, что это обмен речевыми сообщениями, осуществляемый при помощи телефона. Однако известно, что можно вести разговоры и посредством компьютеров (которые никак не попадают в категорию телефонов), поэтому, по нашему мнению, сегодня к телефонным переговорам вполне можно относить любую речевую информацию, передаваемую по сетям электросвязи в режиме онлайн. Упоминание о режиме ведения переговоров нужно для того, чтобы отделить голосовые сообщения и аудиофайлы, пересылаемые по тем же каналам связи офлайн. В перспективе в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» вообще следует отказаться как от термина «телефонные переговоры», так и от названия оперативно-розыскного мероприятия прослушивание телефонных переговоров. Полагаем, что было бы гораздо логичнее вместо прослушивания телефонных переговоров и снятия информации с технических каналов связи ввести новое мероприятие – оперативный контроль электросвязи или оперативный контроль телекоммуникаций. Такое нововведение позволило бы добывать в рамках одного оперативно-розыскного мероприятия всю необходимую информацию, циркулирующую в сетях электросвязи, независимо от ее вида и режима передачи (онлайн или офлайн), включая данные о соединениях абонентов.

Расширенное толкование Конституционным Судом РФ тайны телефонных переговоров привело к тому, что сегодня сотрудники оперативных подразделений должны получать судебные решения не только для доступа к сведениям, передаваемым, сохраняемым и устанавливаемым с помощью телефонной ап-

паратуры, но и для определения местоположения и идентификационных номеров абонентских устройств объектов оперативной заинтересованности. [1]

Статья 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает случаи, когда при прослушивании телефонных переговоров не требуется судебное решение. В определении Конституционного Суда РФ от 28 марта 2017 г. № 568-О представлена жалоба А.Ю. Побединской, которая просила признать неконституционной ч. 3 ст. 8 указанного федерального закона, так как она допускает возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционное право на тайну телефонных переговоров, без получения решения суда о законности и обоснованности таких мероприятий. [8] Из содержания определения следовало, что телефонные переговоры этой гражданки записывались без судебного решения в течение 48 часов и потом эти записи были использованы в качестве доказательства по уголовному делу. Конституционный Суд РФ не признал факт нарушения конституционного права А.Ю. Побединской и не принял ее жалобу к рассмотрению. Хотя совершенно очевидно, что формулировка ч. 2 ст. 23 Конституции РФ не допускает ограничения права человека на тайну телефонных переговоров без судебного решения (никаких исключений там нет). При анализе жалобы А.Ю. Побединской, кроме несоответствия ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, была выявлена еще одна проблема, касающаяся судебного и внесудебного контроля законности и обоснованности проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых с использованием технических средств. Эта проблема требует дополнительных научных изысканий, поэтому в настоящей статье мы ограничимся лишь фактом ее констатации.

Актуальным представляется вопрос о том, будет ли нарушено право гражданина на тайну телефонных переговоров, гарантированную ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, при использовании в ходе наблюдения средства аудио- или видеоконтроля в тот момент,

когда этот гражданин говорит по телефону. В определении Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 862-О-О сказано, что это оперативно-розыскное мероприятие, представляющее собой визуальное, электронное или комплексное слежение и контроль за поведением (действиями) лица, направлено на получение информации о признаках его преступной деятельности и другой информации, необходимой для решения задач оперативно-розыскной деятельности, и не предполагает одновременного прослушивания телефонных переговоров наблюдаемого (прослушивание телефонных переговоров – это самостоятельное оперативно-розыскное мероприятие). Следовательно, оно не связано с ограничением права на тайну телефонных переговоров, закрепленного ст. 23 Конституции РФ. [2]

В целом следует согласиться с приведенной выше позицией Конституционного Суда РФ. Однако факт непреднамеренной технической фиксации телефонных переговоров, особенно при работе телефона в режиме громкой связи, когда регистрируются речевые сообщения всех лиц, участвующих в сеансе телефонной связи, приводит к мысли о необходимости более глубокого изучения данной проблемы.

2. Определения Конституционного Суда РФ, в которых рассматривался вопрос о необходимости получения судебных решений при проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств, ограничивающих конституционное право человека на неприкосновенность жилища.

При осуществлении оперативно-розыскной деятельности ограничение права на неприкосновенность жилища происходит гораздо реже, чем ограничение права на тайну корреспонденции. Всего согласно сводным статистическим сведениям о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год (URL: <http://www.cdep.ru>) в 2018 году федеральными судами общей юрисдикции были удовлетворены 33109 ходатайств оперативно-розыскных органов об ограничении права на неприкосновенность жилища.

Места, где проживают люди, обладают особым правовым статусом. Этот статус за-

креплен в ст. 25 Конституции РФ, которая гласит: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения».

При подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств немаловажное значение имеет правильное понимание описанной выше конституционной нормы. Наибольшие трудности у сотрудников оперативных подразделений вызывает толкование таких ключевых слов, как «неприкосновенно» и «проникать». С точки зрения принципа разделения государственной власти, роль Конституционного Суда РФ как раз и должна заключаться в том, что он своими решениями либо подтверждает правильность мышления правоприменителей, либо опровергает ее.

В определении Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О рассматривалась ситуация с дистанционным проникновением в жилище при помощи специальной техники. [11] Следует признать, что некоторые сотрудники оперативных подразделений не считают нужным получать судебные решения в таких случаях, поскольку думают, что речь идет только о физическом проникновении, при котором тело человека или техническое средство пересекают границу жилья. Здесь важно осознавать, что согласно ст. 25 Конституции РФ способ вторжения в жилую зону не имеет никакого значения. Главное, что проникновение в жилище планируется осуществить против воли проживающих в нем лиц.

По этому поводу Конституционный Суд РФ высказался достаточно ясно. Как следует из ч. 2 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», при проведении любых оперативно-розыскных мероприятий, в том числе наблюдения, конституционное право гражданина на неприкосновенность жилища не может быть ограничено без судебного решения, т.е. нельзя проникать в жилище иначе как на основании судебного решения; проведение таких оперативно-розыскных мероприятий возможно только по основаниям, предусмотренным данной нормой, и притом в связи лишь с таким деянием,

по которому производство предварительного следствия обязательно.

Полагаем, что для устранения любых сомнений в необходимости получения судебного решения в указанной выше ситуации было бы целесообразно ввести в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» термин «техническое проникновение в жилище» либо указать в этом законе, что понимается под проникновением в жилище, включив в определение такой метод проникновения, как дистанционное использование технических средств.

В трех определениях Конституционного Суда РФ (от 21 октября 2008 г. № 862-О-О, от 13 октября 2009 г. № 1148-О-О, от 26 января 2010 г. № 158-О-О) поднимался вопрос о необходимости получения судебного решения при использовании технических средств фиксации информации в служебных помещениях. [2; 6; 7] По всем трем жалобам судьями было принято одинаковое решение – они вполне обоснованно пришли к выводу, что проведение оперативно-розыскных мероприятий в служебных помещениях, в том числе с применением специальной техники, не ограничивает конституционное право человека на неприкосновенность жилища. Вероятно, исключением из этого правила может являться случай, когда разрабатываемое лицо в данный момент времени фактически проживает в служебном кабинете, поскольку не имеет никакого другого жилья.

3. Определения Конституционного Суда РФ, в которых рассматривался вопрос о необходимости получения судебных решений при проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств, не ограничивающих конституционные права человека на тайну корреспонденции и неприкосновенность жилища.

Интересно, что решений Конституционного Суда РФ, в которых изучалась проблема обязательности рассмотрения судом материалов о проведении оперативно-розыскных мероприятий с применением специальной техники, не ограничивающих конституционные права человека на тайну корреспонденции и неприкосновенность жилища, оказалось достаточно много.

В 30% проанализированных нами определений Конституционного Суда РФ граждане пробовали оспорить законность негласного использования технических средств без судебного решения. Конституционный Суд РФ в своих решениях многократно указывал, что применение технических средств фиксации наблюдаемых событий само по себе не предопределяет необходимость вынесения о том специального судебного решения, которое признается обязательным условием для проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина (определения Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 268-О, от 16 ноября 2006 г. № 454-О, от 20 марта 2007 г. № 178-О-О, от 17 июля 2007 г. № 597-О-О, от 21 октября 2008 г. № 862-О-О, от 13 октября 2009 г. № 1148-О-О, от 25 февраля 2010 г. № 259-О-О, от 16 июля 2013 г. № 1163-О, от 22 января 2014 г. № 113-О, от 28 февраля 2017 г. № 273-О и др.). Не предопределяет необходимость вынесения судебного решения и гласность или негласность применения технических средств фиксации наблюдаемых событий при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в том числе проверочной закупки, сопряженной с проникновением в жилище по воле (с согласия) проживающего в нем лица. [3]

Кроме того, в Конституционный Суд РФ поступили более шести жалоб на использование технических средств лицами, участвующими в проведении оперативно-розыскных мероприятий, без судебных решений (определения Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 268-О, от 16 ноября 2006 г. № 454-О, от 20 марта 2007 г. № 178-О-О, от 17 июля 2007 г. № 597-О-О, от 19 марта 2009 г. № 326-О-О, от 19 декабря 2017 г. № 2881-О и др.). В основном технические средства применялись гражданами, оказывающими содействие оперативно-розыскным

органам. Лишь в одном случае фигурировал сотрудник оперативного подразделения ОВД, который осуществил негласную аудиозапись своих переговоров с разрабатываемым лицом. Во всех решениях, принятых по итогам рассмотрения данных жалоб, Конституционный Суд РФ указал, что при наличии добровольного согласия человека на участие в оперативно-розыскном мероприятии никакого судебного решения не требуется.

Таким образом, анализ определений Конституционного Суда РФ, связанных с получением судебных решений при проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств, позволяет сделать вывод о существовании проблемы толкования и применения ч. 2 ст. 23 Конституции РФ. Несомненно, было бы очень неразумно «подстраивать» Конституцию РФ под сложившуюся практику работы субъектов оперативно-розыскной деятельности. Наилучшим вариантом решения этой проблемы явилось бы принятие нового Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», полностью соответствующего как Конституции РФ, так и требованиям времени (действующий закон был принят в 1995 г. и уже явно устарел).

Кроме того, хотелось бы, чтобы Конституционный Суд РФ проявлял меньше формализма и более внимательно относился к обращениям граждан, так как после необоснованного отказа заявителю в приеме его жалобы к рассмотрению ему остается только обратиться в Европейский Суд по правам человека. Однако обычному гражданину сделать это довольно сложно. А после того, как Конституционному Суду РФ было предоставлено право принимать постановление о полной или частичной невозможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека [12], обращения в Европейский Суд по правам человека практически утратили смысл.

Библиографический список

1. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Камалиева Марата Дамировича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 862-О-О.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паука Сергея Федоровича на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 № 2898-О.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пишака Вадима Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 6 и частью второй статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 19.02.2009 № 91-О-О.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сугрובה Дениса Александровича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 05.06.2018 № 1404-О.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного суда РФ от 26.01.2010 № 158-О-О.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чередниченко Семена Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 6, 7 и 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 № 1148-О-О.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Побединской Александры Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 568-О.
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Юлдашевой Люции Ахматгалиевны как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 05.06.1997 № 72-О.
10. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи» : определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 № 345-О.
11. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой : определение Конституционного Суда РФ от 14.07.1998 № 86-О.
12. Россия получила право не признавать решения ЕСПЧ. Кофранс : сайт. – URL: <https://sovetnik.eu/rossiya-poluchila-pravo-ne-priznavat-resheniya-espch> (дата обращения: 26.10.2018).

УДК 343.214

Сергей Михайлович МАЛЬКОВ,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

sergeymalkov@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

BASIC DIRECTIONS OF CRIMINAL AND LEGAL POLICY IN THE FIELD OF INTERPRETATION OF A CRIMINAL LAW

В статье выделяются и анализируются основные направления уголовно-правовой политики в Российской Федерации, реализуемые в сфере толкования уголовного закона. Рассматривается влияние Конституции РФ и норм международного права, а также необходимости придания уголовному закону оперативности, гибкости и динамизма на особенности его толкования. Показана роль толкования уголовного закона в разрешении коллизий в уголовном законодательстве, конкуренции уголовно-правовых норм и вопросов разграничения смежных составов преступлений. Приводятся примеры решений Конституционного Суда РФ и правоприменительной практики Верховного Суда РФ.

The basic directions of criminal and legal policy of the Russian Federation executing in the field of interpretation of criminal law are outlined and analyzed. The influence on the peculiarities of its interpretation of the Constitution of the Russian Federation, norms of International law are considered as well as the necessity of giving efficiency, flexibility and dynamism to a criminal law. The role of interpretation of criminal law in resolving collisions in a criminal legislature, contest of criminal and legal norms and issues of differentiating contiguous corpus delicts of crimes are revealed. The examples of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and law enforcement practice of the Supreme Court of Russian Federation are given.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, уголовное законодательство, основные направления, толкование уголовного закона, оперативность, гибкость, динамизм уголовного закона.

Key words: criminal and legal policy; criminal legislation; basic directions; interpretation of criminal law; efficiency, flexibility, dynamism of criminal law.

Основными направлениями уголовно-правовой политики в сфере толкования уголовного закона являются, во-первых, придание ему смысла, соответствующего содержанию Конституции РФ и норм международного права, во-вторых, придание ему оперативности, гибкости и динамизма, отвечающих современным потребностям общества, в-третьих, разрешение коллизий в уголовном законодательстве, конкуренции уголовно-правовых норм и вопросов разграничения смежных составов преступлений.

Придание толкованием уголовному закону его соответствия Конституции РФ осуществляется в решениях Конституционного

Суда РФ, например пояснение в решении Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р о том, что сложившийся в России легитимный конституционно-правовой режим, направленный на отмену смертной казни, соответствует закрепленным в ст. 20 Конституции РФ праву человека на жизнь и установке на отмену этого вида наказания. Придание толкованием уголовному закону его соответствия Конституции РФ осуществляется в решениях по конкретным уголовным делам, которые являются актами применения права. Например, определением Конституционного Суда РФ от 23 июня 2009 г. № 896 было отказано в принятии к

рассмотрению жалобы гражданина Тазуркаева на решение одного из судов Чеченской Республики, которым он был осужден по ст. 208 и ст. 222 УК РФ. По мнению гражданина Тазуркаева, он был осужден дважды за одно и то же преступление, так как состав ст. 208 УК РФ охватывает действия, предусмотренные ст. 222 УК РФ. Конституционный Суд РФ указал, что оспариваемые заявителем положения не нарушают конституционные права заявителя. [3]

Примером придания толкованием уголовному закону его соответствия Конституции РФ нормам международного права является разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О рассмотрении судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора» положений ст. 13 УК РФ о выдаче иностранному государству лиц, совершивших преступление, которая может быть осуществлена не только в соответствии с международным договором Российской Федерации, но и на основе принципа взаимности.

Таким может быть толкование уголовного закона и в решениях Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам, которые являются актами применения права. Например, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 мая 2014 г. № 37-АПУ14-4 [4] отмечалось, что лицо не подлежит выдаче другому государству в случае, если имеются основания полагать, что в запрашивающем государстве оно может быть подвергнуто пыткам, бесчеловечному либо унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

Придание уголовному закону оперативности, гибкости и динамизма осуществляется через толкование оценочных признаков, содержащихся в уголовном законе. Например, учитывая имущественную дифференциацию населения в современный период, судебное толкование такого квалифицирующего признака хищения, как причинение значительного ущерба гражданину, исходит из имущественного положения потерпевшего в каждом отдельном случае хищения. При этом в соответствии с п. 24 постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» учету подлежат такие объективные обстоятельства, как стоимость похищенного имущества, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др. Учитывается также субъективное обстоятельство в виде значимости похищенного имущества для потерпевшего.

Другим примером толкования оценочных признаков может служить разъяснение, данное в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» в отношении квалифицирующего признака, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (беспомощное состояние потерпевшего). В частности, суд пояснил, что по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. По мнению суда, к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

В процессе применения уголовного закона Верховный Суд РФ достаточно часто дает толкование этому признаку. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала правильными доводы апелляционного представления и апелляционной жалобы на приговор Хабаровского краевого суда о необоснованности исключения из обвинения К. в части убийства потерпевшей квалифицирующего признака, п. № редусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (беспомощное состояние потерпевшей). Судебная коллегия, признавая наличие указанного квалифицирующего признака, оценила следующую совокупность обстоятельств дела: престарелый возраст по-

терпевшей (81 год) и плохое состояние ее здоровья (инвалидность II группы, затруднения при подъеме и спуске с лестницы, использование при передвижении трости), в силу которых потерпевшая не могла оказать К. сопротивления при совершении им действий, направленных на ее убийство, а также осведомленность виновного об этих обстоятельствах. [1]

Примером разрешения коллизии между уголовно-правовыми нормами и правовыми нормами других отраслей законодательства может служить п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений». В нем дано разъяснение по поводу различной правовой оценки действий нескольких участников одного хулиганства в зависимости от того, признаки какого правонарушения (преступления или административного правонарушения) содержат действия каждого из них. В частности, Верховный Суд РФ указал, что действия участников, не связанных предварительным сговором, не применявших оружие или предметы, используемые в качестве оружия, а также не совершавших их по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, квалифицируются как мелкое хулиганство по ст. 20.1 КоАП РФ.

Подобные разъяснения приходится давать Верховному Суду РФ и в процессе применения правовых норм. В частности, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила судебные решения, которыми М. признан виновным в неправомерном завладении автомобилем без цели хищения (угон), а Н. – в пособничестве в совершении данного преступления, и своим определением от 25 октября 2012 г. № 38-Д12-21 уголовное дело прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деяниях состава преступления. При этом коллегия указала, что перемещение транспортного средства путем буксировки на незначительное расстояние, исчисляемое несколькими метрами от места стоянки, с целью

освобождения места для парковки автобуса, без намерения использования транспортного средства в личных интересах, не может рассматриваться как неправомерное завладение транспортным средством. [5]

Разрешением конкуренции между уголовно-правовыми нормами являлось толкование положений уголовного закона о назначении наказания в ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». В п. 15 этого постановления отмечалось, что при назначении наказания за неоконченное преступление при наличии рецидива преступлений следует, применяя правила ст. 68 УК РФ, исходить из максимального срока наказания, который может быть назначен с учетом требований ст. 66 УК РФ, то есть не менее одной трети от одной второй максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за данное преступление. Этим разъяснением была снята коллизия между статьями 66, 68 УК РФ в тех случаях, когда в деянии виновного есть одновременно неоконченное преступление и рецидив преступлений. В заменившем это постановление постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» данная позиция была подтверждена. Так, в п. 34 этого постановления отмечается, что при применении ст. 68 УК РФ в случае неоконченного преступления указанная в этой норме часть наказания исчисляется от срока или размера наказания, которые могут быть назначены по правилам ст. 66 УК РФ.

Верховному Суду РФ коллизии между уголовно-правовыми нормами о назначении наказания приходится разрешать путем толкования и в процессе вынесения решения по конкретным уголовным делам. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2014 г. № 50-АПУ14-27 отмечалось, что за приготовление к преступлению, предусмотренному ч. 5 ст. 228-1 УК РФ, с учетом положений ч. 2 ст. 66 УК РФ верхним пределом санкции является наказание в виде

десяти лет лишения свободы, а в случае назначения наказания на срок менее десяти лет лишения свободы ссылка на ст. 64 УК РФ не требуется. [6]

Вопросы разграничения составов преступлений между собой разрешаются толкованием уголовного закона, которое дается в основном в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по конкретным категориям уголовных дел, например в п. 16 постановления от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». В этого постановления предлагается отличать мошенничество от преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, исходя из отсутствия у последнего признаков хищения.

Вопросы разграничения составов преступлений между собой разрешаются Верховным Судом РФ толкованием уголовного закона также при разрешении конкретных уголовных дел. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор Верховного Суда Республики Башкортостан в части осуждения Жигалова, Шумейко и Сергеева за разбойное нападение на Т., указав, что связывание потерпевшему рук и глаз не является угрозой применения насилия, опасного для его жизни и здоровья, поэтому действия подсудимых следует переqualифицировать с разбоя на грабеж (URL: <http://old.lawru.info/base63/part3/d63ru3952.htm>).

Укажем, что не во всех случаях толкование уголовного закона, которое дает Верховный Суд РФ, следует признать обоснованным. Так, в ряде случаев своим толкованием Пленум Верховного Суда РСФСР (РФ) расширял уголовно-правовое понятие группы лиц, понимая под ней не только соисполнительство, но и выполнение объективной стороны одного преступления несколькими лицами, из которых лишь одно является субъектом преступления, а другие невменяемы или не достигли возраста уголовной ответственности и являются фактическими участниками выполнения объективной стороны конкретного состава преступления. [8, с. 256-278].

Такое толкование группы лиц Верховный Суд РФ давал также по конкретным уголов-

ным делам. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила без изменения приговор Иркутского областного суда от 6 июня 2005 г. в отношении Щербакова А.И., осужденного по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство, совершенное группой лиц. Коллегия указала, что признание невменяемым другого участника группы, вместе с Щербаковым А.И. совершившего убийство, не влияет на правовую оценку содеянного, как совершенного группой. [подр.: 2]

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ определила оставить без изменения приговор Тверского областного суда от 13 января 2005 г. в отношении Гладышева Е.Н., осужденного по п.п. «д», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство, совершенное с особой жестокостью и по предварительному сговору группой лиц. Коллегия считала не основанными на законе доводы, содержащиеся в кассационной жалобе, о том, что действия Гладышева нельзя считать совершенными группой по предварительному сговору в связи с признанием второго участника – О. – убийства невменяемым. Свое решение коллегия, сославшись на ч. 2 ст. 35 УК РФ, обосновала тем, что установлен факт заранее имевшей договоренности Гладышева с О. на совершение преступления. [2].

Президиум Верховного Суда РФ 6 октября 2004 г. постановил оставить без удовлетворения надзорное представление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, в котором указывалось на необходимость переqualификации действий Прокофьева с п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ. Представление мотивировалось тем, что Прокофьев совершил преступление совместно с Б., признанным невменяемым. Суд в данном случае, сославшись на ст. 35 УК РФ, исходил из того, что убийство М. данные лица совершили совместно при следующих обстоятельствах. Прокофьев с целью убийства М., зная о наличии психического заболевания у Б., передал последнему нож со словами: «На, Олег, нож! Убей его, тебе за это ничего не будет», а сам обхватил потерпевшего сзади и стал держать его за руки. Б. ударил дважды М. ножом в область шеи и несколько раз по кистям обеих рук. Развивша-

яся в результате нанесенных ранений острая потеря крови привела к смерти потерпевшего. Мотивация суда была сосредоточена на том, что для группового убийства необходимо, чтобы два и более лица непосредственно участвовали в лишении жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем не обязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них. [7]

Встречаются в судебной практике также решения, в которых признается наличие группы лиц и в тех случаях, когда ее участники, за исключением одного, не достигают возраста уголовной ответственности. Так, Президиум Верховного Суда РФ, удовлетворяя надзорную жалобу осужденного Майорова в части переквалификации его действий по причинению смерти Буранову со ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ, согласился с осуществленной Саратовским областным судом квалификацией совершенного им разбоя и последующего покушения на убийство С. как совершенных группой лиц, несмотря на то, что второй участник группы не достиг возраста уголовной ответственности. [2, с. 84]

Таким образом, суды квалификацию действий виновных лиц как совершенных группой, в которой только одно лицо обладало

признаками субъекта преступления, мотивировали только фактическим участием иных лиц в выполнении деяния, входящего в объективную сторону конкретного состава преступления.

На первый взгляд, эта уголовно-правовая оценка позволяет отразить повышенную общественную опасность указанного преступления. Однако такая практика противоречит ч. 1 ст. 35 УК РФ, в соответствии с которой субъектный состав группы состоит только из исполнителей, каждый из которых обладает признаками субъекта преступления. Кроме того, критикуемая позиция порождает не разрешимую с позиций уголовного закона проблему, а именно: необходимость законодательного закрепления минимальных возрастных границ и границ расстройства психической деятельности лиц, которые не являются субъектами преступления, но могут быть признаны участниками преступной группы, и действия которых реально повышают общественную опасность деяния в целом. Это означает, что под совершением преступления группой лиц следует понимать только соучастие в преступлении в виде соисполнительства в нем.

Библиографический список

1. Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.10.2014 № 58-АПУ14-51 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 11.
2. Мальков, С.М. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин. – Красноярск, 2018.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – № 1.
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.05.2014 № 37-АПУ14-4 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 11.
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.10.2012 № 38-Д12-21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 5.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.09.2014 № 50-АПУ14-27 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.
7. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 06.10.2004 № 604п2004пр // СПС КонсультантПлюс.
8. Уголовное право. Общая часть : учебное пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. – Томск, 2016.

УДК 343.13

Денис Валерьевич ТОКМАНЦЕВ,

заместитель начальника кафедры
уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

den_tok@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

TO THE ISSUE OF THE CONCEPT OF CRIME DETECTION IN THE CRIMINAL LAW

В статье рассматриваются понятие «раскрытие преступлений» и его соотношение с другими содержащимися в уголовном законе понятиями – «пресечение преступлений», «расследование преступлений», «изобличение лиц, совершивших преступление». Анализируются доктринальные точки зрения и примеры из судебной практики. Сформулирован вывод о том, что для целей уголовного права под раскрытием преступлений необходимо понимать деятельность органов дознания и следствия, направленную на установление события преступления и лица, его совершившего.

The article concept of «crime detection» and its correlation with other concepts in the criminal law such as «prevention of crimes», «investigation of crimes», and «exposure of persons committed crimes» are considered. Doctrinal points of view and examples from judicial practice are analyzed. The author comes to the conclusion that for the purposes of the criminal law the concept «crime detection» should be considered as activities of the bodies of inquiry and investigation aimed at establishing the event of a crime and the person who committed it.

Ключевые слова: раскрытие преступлений, пресечение преступлений, расследование преступлений, изобличение лица, назначение наказания, смягчающие обстоятельства, освобождение от уголовной ответственности.

Keywords: crime detection, crime prevention, crime investigation, exposure of a person, sentencing, mitigating circumstances, exemption from criminal liability.

Термин «раскрытие преступления» составляет основу такого уголовно-правового понятия, как «способствование раскрытию преступления» (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, ч. 1 ст. 75 УК РФ, примечание 1 к ст. 228 УК РФ и т.д.), имеет определенные содержание и юридические рамки, которые должны учитываться при толковании уголовного закона и разрешении проблемных вопросов его применения при назначении наказания и освобождении от уголовной ответственности. [14, с. 46]

Например, в соответствии с примечанием 2 к ст. 322.3 УК РФ лицо, совершившее преступление, предусмотренное указанной статьей, освобождается от уголовной ответствен-

ности, если оно способствовало раскрытию этого преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Соответственно, если лицо способствовало только расследованию совершенного преступления, оно не освобождается от уголовной ответственности, так как в данной норме законодатель предусмотрел в качестве основания освобождения от уголовной ответственности способствование именно раскрытию преступления, а не его расследованию.

В следственной и в судебной практике это обстоятельство не всегда учитывается, допускаются ошибки при толковании понятия «раскрытие преступления», что иногда приводит к назначению наказания, не соответ-

вующего общественной опасности совершенного преступления, или необоснованному неосвобождению от уголовной ответственности, что является существенным нарушением уголовного закона. Одним из примеров может быть следующее уголовное дело.

М. был осужден судом первой инстанции по ст. 322.3 УК РФ. Защита обжаловала приговор в апелляционную инстанцию, ссылаясь на то, что суд необоснованно не признал действия М. активным способствованием раскрытию преступления и не освободил М. от уголовной ответственности на основании примечания 2 к ст. 322.3 УК РФ. Не соглашаясь с доводами защиты, прокуратура настаивала на том, что М. оказывал содействие расследованию преступления, но не его раскрытию. Суд апелляционной инстанции согласился с позицией защиты, отменил обвинительный приговор и освободил М. от уголовной ответственности на основании примечания 2 к ст. 322.3 УК РФ. [1, с. 88-92]

Приведенный пример показывает практическую значимость определения содержания понятия «раскрытие преступления» в уголовном праве. Определение признаков данного понятия, критериев отграничения его от смежных категорий, используемых в уголовном законе, позволит избежать ошибочных решений при применении уголовного закона, будет способствовать формированию единообразной правоприменительной практики.

Категория «раскрытие преступления» используется не только в уголовном, но и в уголовно-процессуальном законе (ст. 317.1, 317.5-317.7 УПК РФ), в федеральных законах от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 2), от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ст. 2, 12, 13), от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ст. 49) и в других нормативных правовых актах. Однако ни в одном из них законодатель не раскрывает содержание данного понятия.

В юридической науке понятие «раскрытие преступления» не получило однозначного определения. Выделяя криминалистический, оперативно-розыскной, процессуальный и управленческий аспекты (смыслы) этого понятия, специалисты по-разному определяют

ключевые моменты раскрытия преступления, отражающие его цель, условия, субъектов, правовые средства, моменты начала и окончания. [8, с. 133-38]

Одни авторы полагают, что этот вид деятельности имеет следующие отличительные черты: а) направлен на получение информации, дающей основание к выдвижению версии о совершении преступления определенным лицом; б) осуществляется по неочевидным преступлениям органами дознания и следствия путем производства оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий; в) завершается с появлением по делу заподозренного лица (установлением личности лица, которое предположительно виновно в совершении преступления). [4, с. 397, 398]

Другие ученые считают, что рассматриваемый вид деятельности имеет иные характерные особенности: а) направлен на установление обстоятельств, позволяющих привлечь лицо к уголовной ответственности, осудить и подвергнуть наказанию либо освободить от уголовной ответственности по предусмотренным законом нереабилитирующим основаниям; б) осуществляется органами предварительного расследования путем производства следственных действий и доказывания; в) завершается с утверждением прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта), прекращением уголовного преследования (дела) на основании ст. 25, 26, 28, 427 УПК РФ. [14, с. 56] Данная точка зрения о моменте раскрытия преступления соответствовала положениям Инструкции о едином учете преступлений, утвержденной межведомственным приказом от 14.12.1994 № 66/418 (с изм. от 29.10.2003), утратившей силу с 01.01.2006. В действующем в настоящее время межведомственном приказе от 29.12.2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» момент раскрытия преступления не определен.

В литературе высказываются и иные точки зрения о моменте раскрытия преступления. Л.И. Лавдаренко считает, что «моментом раскрытия преступления является привлечение лица в качестве обвиняемого»

[12, с. 100]. О.А. Вагин полагает, что «преступление нельзя считать раскрытым до того момента, пока виновность обвиняемого ... не установлена вступившим в законную силу приговором суда» [18, с. 22]. Н.П. Яблоков и В.Я. Колодин выделяют три момента окончания (вида) раскрытия преступления: 1) предъявление обвинения (преступление можно считать раскрытым, но не полностью); 2) составление обвинительного заключения по делу, когда оно утверждено прокурором (полное, но предварительно раскрытое преступление); 3) вступление приговора в законную силу (преступление считается полностью раскрытым). [11, с. 21]

Представленные варианты толкования понятия, момента окончания и других ключевых признаков раскрытия преступления отражают различные аспекты этой правовой категории и преследуют собственные задачи: первый – криминалистический – аспект ориентирован на решение частных методических задач: определение направления расследования на разных его этапах, решение вопроса о задачах каждого этапа и т.п. [4, с. 398]; второй – процессуальный и управленческий – аспект ориентирован на решение задач процесса доказывания и учета раскрытых и нераскрытых преступлений.

Полагаем, что существенными признаками, составляющими содержание понятия «раскрытие преступления» для целей уголовного права (определения юридических границ способствования раскрытию преступления при назначении наказания и освобождении от уголовной ответственности), являются:

1) цель раскрытия преступления – установление не всех, а только основных элементов предмета доказывания: события преступления и лица, его совершившего (включение в понятие раскрытия преступления установления всех элементов предмета доказывания приведет к тому, что раскрытие преступления превратится в окончательную задачу доказывания, утратив тем самым практический смысл [3, с. 29-30]);

2) обстановка раскрытия преступления, которая характеризуется отсутствием у правоохранительных органов информации о лице, совершившем преступление, т.е. раскрывае-

мое преступление – преступление, совершенное в условиях неочевидности [20, с. 26];

3) субъекты раскрытия преступления – следователи, сотрудники оперативных подразделений и иные должностные лица органов дознания (вывод о том, что органы следствия осуществляют раскрытие преступлений, можно сделать исходя из положений ч. 2 ст. 317.1, ч. 1 ст. 317.5 УПК, ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ, где законодатель использует понятие «содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления», и требований приказа Следственного комитета от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» о том, что следственные подразделения должны сконцентрировать усилия на раскрытии каждого преступления);

4) правовые средства раскрытия преступления, включающие как непроцессуальные (оперативно-розыскные меры), так и процессуальные (следственные и иные процессуальные действия) средства;

5) момент начала раскрытия преступления – возникновение одного из поводов к возбуждению уголовного дела (ст. 140 УПК РФ) [13, с. 63];

6) момент окончания раскрытия преступления – фактическое установление события преступления и лица, его совершившего (вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого) [21, с. 27, 28].

Понятие «раскрытие преступления» необходимо отграничивать от смежных понятий – «расследование преступлений», «пресечение преступлений», «изобличение лиц, совершивших преступление». В доктрине уголовного права данные понятия рассматриваются, как правило, с позиции целого и частей (общего и частного). [5, с. 115-121]. При этом одни авторы выделяют в качестве целого (общего) понятие «расследование преступлений». Так, Р.А. Сабитов полагает, что расследование преступления включает в себя раскрытие преступления, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лица, его совершившего, пресечение преступления, выявление и устранение причин и условий, способствовавших его совершению, а также

обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлением. [16, с. 245]

Другие, напротив, считают, что более широким является понятие «раскрытие преступления». В. Сверчков включает в него расследование преступлений. [17, с 53-60]. К.А. Шматов и А.Г. Антонов полагают, что раскрытие преступления также охватывает пресечение преступлений [21] и изобличение лиц, совершивших преступление [2, с. 13-15]. Схожая точка зрения встречается и в судебной практике (постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13.10.2004 № 611П04). Пленум Верховного Суда РФ в одном из постановлений отмечает, что способствование раскрытию преступлений является совершение лицом действий, направленных на изобличение причастных к совершенному преступлению лиц (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9.06.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»).

Не соглашаясь с таким подходом, заметим, что в уголовном законе данные понятия используются как самостоятельные, законодатель разделяет их союзами «и», «или» (например, в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ указано: способствование «раскрытию и расследованию преступлений, изобличению ... соучастников ...»; в примечании к ст. 291 УК РФ: способствование «раскрытию и (или) расследованию» преступления; в примечании 1 к ст. 228 УК РФ: способствование «раскрытию или пресечению преступлений ... изобличению лиц, их совершивших ...»), что свидетельствует о том, что в уголовном праве данные понятия не могут соотноситься как целое и части. Соответственно, понятие «раскрытие преступлений» не включает в себя пресечение преступлений, расследование преступлений, изобличение лиц, совершивших преступление, и обнаружение имущества, добытого преступным путем.

В приведенном в начале статьи примере М. оказал содействие уже после возбуждения уголовного дела. Органы следствия, прокуратуры и суд первой инстанции исходили из того, что раскрытие преступления – деятельность правоохранительных органов,

осуществляемая до возбуждения уголовного дела, соответственно, способствованием раскрытию преступления считали содействие, оказанное до возбуждения уголовного дела. В литературе существует схожая точка зрения. По мнению Л.И. Лавдаренко, деятельность органов предварительного расследования с момента возбуждения уголовного дела – расследование преступления. [12, с. 98] Р.О. Долотов отмечает, что способствование расследованию преступления – поведение лица после возбуждения уголовного дела, а способствование раскрытию преступления – это поступки лица, совершаемые до возбуждения уголовного дела. [6, с. 36-43]

Защита и суд апелляционной инстанции, по нашему мнению, обоснованно исходили из того, что раскрытие преступления – деятельность правоохранительных органов, которая может осуществляться как до, так и после возбуждения уголовного дела. Данная точка зрения также встречается в литературе. Ряд ученых лишь подчеркивают, что в рамках оперативно-розыскной деятельности раскрытие преступления может осуществляться как до, так и после возбуждения уголовного дела, а в рамках предварительного расследования – только с момента возбуждения уголовного дела. Соответственно, способствованием раскрытию преступления необходимо считать содействие, оказанное как до, так и после возбуждения уголовного дела. [14, с. 49, 56, 60]

Менее сложным в определении, но требующим уточнения является понятие «пресечение преступлений». В литературе под пресечением преступлений понимается активное вмешательство сотрудников оперативных подразделений в криминальную деятельность лица и лишение его реальной возможности продолжить осуществление умышленного преступления на стадии приготовления или покушения (ст. 30 УК РФ). [7, с. 49] Пресечение преступлений, как правило, связывается с задержанием лица с поличным в момент приготовления или покушения на противоправное деяние. [9]

Смысл понятия «пресечение преступлений» двузначен: а) прекращение развития преступной деятельности; б) недопущение

совершения готовящихся преступлений. [10, с. 51] С учетом этого под способствованием пресечению преступления следует понимать содействие правоохранительным органам в деятельности, направленной на прекращение начатого или продолжающегося преступления (на недопущение окончания преступления на стадиях приготовления и покушения). [17, с. 245]

Изобличение преступника следует за раскрытием преступления (начинается после установления события преступления и лица, виновного в его совершении) [21, с. 30] и направлено на доказывание виновности лица, совершившего общественно опасное деяние [19, с. 32]. В соответствии с п. 2 ст. 21 УПК РФ «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления». Условием возникновения задачи изобличения лица, совершившего преступление, является установление преступника.

С учетом изложенного при разграничении данных понятий предлагаем исходить из того, что в уголовно-правовом смысле:

раскрытие преступления направлено на установление основных (ключевых) элементов предмета доказывания: события неочевидного преступления и лица, его совершившего (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ);

расследование преступления (в узком смысле) направлено на установление дополнительных элементов предмета доказывания: обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого; характера и размера вреда, причиненного преступлением; обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния; обстоятельств, смягчающих и отяг-

чающих наказание; обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; обстоятельств, подтверждающих, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходом от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации); обстоятельств, способствовавших совершению преступления (п.п. 3-7 ч. 1, ч. 2 ст. 73 УПК РФ);

изобличение преступника направлено на доказывание виновности уже установленного лица (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ);

пресечение преступлений направлено на прекращение начатого или продолжающегося (неоконченного) преступления, недопущение окончания преступления на стадиях приготовления и покушения.

Таким образом, под раскрытием преступления в уголовном праве необходимо понимать деятельность органов дознания и следствия, направленную на установление события преступления и лица, его совершившего. Данное понятие является самостоятельным по отношению к таким понятиям, как «пресечение преступления», «расследование преступлений», «изобличение лиц, совершивших преступление». Его содержание должно учитываться при определении юридических границ способствования раскрытию преступления при назначении наказания (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) и освобождении от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75 УК РФ, примечание 1 к ст. 228 УК РФ и т.д.).

Библиографический список

1. Адвокат добился прекращения дела, убедив суд в том, что обвиняемый способствовал раскрытию преступлений // Уголовный процесс. – 2018. – № 2.
2. Антонов, А.Г. Специальное основание освобождения от уголовной ответственности при незаконном приобретении, хранении, перевозке, изготовлении, переработке наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / А.Г. Антонов // Российский следователь. – 2011. – № 9.
3. Арсеньев, В.Д. Основы теории доказывания в советском уголовном процессе / В.Д. Арсеньев. – Иркутск, 1970. С. 29-30. Цит. по: Драпкин, Л.Я. Ситуационные аспекты раскрытия преступлений / Л.Я. Драпкин, В.Н. Долинин, А.Е. Шуклин // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2018. – № 4.
4. Белкин, Р.С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации: в 3 т. – Т. 3. – М., 1997.
5. Бочарникова, Л.Н., Демченко, Н.В. Использование института освобождения от уголовной ответственности в борьбе с наркопреступностью / Л.Н. Бочарникова, Н.В. Демченко // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 4.
6. Долотов, Р.О. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. ст. 322.2 и 322.3 УК РФ / Р.О. Долотов // Адвокат. – 2016. – № 9.
7. Дубоносов, Е.С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / Е.С. Дубоносов. – М., 2018.
8. Клюкова, М.Е., Раскрытие преступлений – миф или реальность? / М.Е. Клюкова, Р.Р. Рахматулин, А.Ю. Верин // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 1.
9. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Чечетин // СПС Гарант.
10. Кривошеин, П. Замечания по поводу примечания к статье 228 УК РФ / П. Кривошеин // Уголовное право. – 2006. – № 2.
11. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. – М., 2005.
12. Лавдаренко, Л.И. Раскрытие преступления как одна из задач органов предварительного расследования / Л.И. Лавдаренко // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 1 (60).
13. Либозаев, Д.П. К вопросу о понятии раскрытия преступления / Д.П. Либозаев // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2015. – № 4.
14. Николук, В.В. Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием : учебно-практическое пособие / В.В. Николук, Р.М. Дочия, В.Г. Шаламов. – М., 2002.
15. Сабитов, Р.А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора : монография / Р.А. Сабитов. – М., 2013.
16. Сверчков, В. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием / В. Сверчков // Государство и право. – 1999. – № 12.
17. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М., 2006.
18. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А. М. Баранова. – М., 2018.
19. Чебуренков, А.А. Соотношение раскрытия и расследования преступлений / А.А. Чебуренков // Вестник Мордовского университета. – 2006. – № 1.
20. Шматов, К.А. Уголовная ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / К.А. Шматов. – Новосибирск, 2012.

УДК 343.92

Елена Александровна ЕРАХТИНА,
заведующая кафедрой уголовного процесса, крими-
налистики и основ судебной экспертизы Юриче-
ского института Красноярского государственного
аграрного университета, кандидат юридических наук
345nn@mail.ru

Василий Александрович ТИРРАНЕН,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Юридического института Красноярского государствен-
ного аграрного университета, кандидат юридических наук
aw-tirranen@ya.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ

CRIMES MADE WITH THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND INVESTIGATION

В статье обсуждаются актуальные угрозы информационной безопасности, порожденные высокотехнологичной организованной киберпреступностью; использование искусственного интеллекта в преступной деятельности, борьба с вирусными многоуровневыми вредоносными компьютерными системами; возникающие на современном этапе развития законодательства и правоприменения проблемы квалификации и эффективного противодействия киберпреступности; причины низкой эффективности расследования киберпреступлений; недостаточное количество специально подготовленных кадров в сфере информационных технологий; неготовность правоприменителя в борьбе с вирусной киберугрозой.

The article discusses current threats to information security generated by high-tech organized cybercrime; the use of artificial intelligence in criminal activity, the fight against viral multilevel malicious computer systems; problems of qualification and effective counter-action of cybercrime arising at the present stage of development of legislation and law enforcement; the reasons for the low effectiveness of cybercrime investigations; insufficient number of specially trained personnel in the field of information technology. unavailability of the law enforcer in the fight against viral cyber threat.

Ключевые слова: киберпреступность, цифровые технологии, информационная безопасность государства, противодействие киберпреступности, искусственный интеллект, интеллектуальные системы, логика программирования, искусственные нейронные сети, вирусная киберугроза, проблемы расследования.

Keywords: cybercrime, digital technologies, state information security, counteraction to cybercrime, artificial intelligence, intelligent systems, programming logic, artificial neural networks, viral cyber threat, problems of investigation.

Киберпреступность в XXI веке представляет одну из наиболее серьезных угроз как для информационной безопасности

государства, так и для его экономического развития, являясь одной из важнейших проблем современности. [3] Быстрое развитие

цифровых технологий во всех направлениях науки и техники спровоцировало рост организованной высокотехнологичной киберпреступности, отвоевывающей свои позиции в преступном мире.

Успешность борьбы с киберпреступностью во многом определяется эффективностью методики предупреждения преступности и её соответствием характеру киберпреступности. Только наличие знаний о способах и методах преступной деятельности, об орудиях и средствах преступлений может обеспечить успешность приемов и способов противодействия преступности. Киберпреступления, в отличие от «не-цифровых» преступлений, намного сложнее понять и объяснить. [2] В первую очередь это определяется тем, что киберпреступления сами по себе требуют как от преступника, так и от правоохранителя определенной квалификации в сфере информационных технологий. К этой квалификации относятся и понимание логики программирования, и знания в области информационной безопасности, и навыки практического использования вредоносных программ и специализированного оборудования. Эффективное противодействие киберпреступности невозможно без соответствующих знаний и навыков как у ученого-исследователя, так и у правоприменителя.

Несмотря на то, что современные цифровые технологии открывают значительные возможности для развития государств, межгосударственных объединений, а также отдельных организаций и способствуют законной деятельности, они также создают новые возможности для традиционных преступлений и почву для роста киберпреступности. Специальные органы многих государств и международных организаций обеспокоены увеличением масштабов киберпреступности, ухудшением последствий для стабильности критически важной инфраструктуры государств и организаций, а также для благополучия людей.

К актуальным угрозам информационной безопасности, порожденным высокотехнологичной организованной киберпреступностью, относятся киберпреступления с использованием искусственного интеллекта,

включая искусственные нейронные сети. Использование этого инструмента в преступной деятельности определяет новый уровень угрозы информационной безопасности, что требует готовности правоприменителя в борьбе с такой угрозой.

Для понимания преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, необходимо определить, что понимается под искусственным интеллектом. В широком смысле, применимом к составу преступления, искусственный интеллект – это свойство интеллектуальных систем (в том числе компьютерных программ, включая нейросети) выполнять функции и решать задачи, в том числе специально не оговоренные в системе изначально, обучаться и адаптировать свое поведение под конкретные условия, а также принимать решения исходя из этих условий и поставленных целей.

Человеческий мозг обрабатывает информацию способом, принципиально отличающимся от применяемых обычными компьютерами методов обработки. По существу, мозг представляет собой сложный нелинейный параллельный компьютер: нейроны мозга создают соединения друг с другом в различных комбинациях, при этом количество соединений может составлять до 100 000. Мозг человека организует работу нейронов так, чтобы они выполняли свои функции (распознавание образов, обработка сигналов органов чувств, моторика тела) во много раз быстрее, чем могут позволить современные суперкомпьютеры, за счет выстраивания нелинейных параллельных связей между элементами взаимодействия. Современные системы с искусственным интеллектом способны к обучению на примерах, к самостоятельному обобщению данных, они могут адаптироваться к изменению свойств объекта управления и подстраиваться к внезапно изменившимся условиям внешней среды, при этом обладая высочайшей устойчивостью к повреждению своих элементов при использовании нейросетевой архитектуры. В настоящее время во многих системах для принятия решений и управления процессами используются искусственные нейросети.

До недавнего времени использование искусственного интеллекта в преступной деятельности было ограничено в силу, с одной стороны, недостаточной автоматизации современной жизни, с другой – объемности и ресурсоемкости самообучающихся алгоритмов. Однако с повсеместным внедрением «умной» техники в повседневную жизнь и развитием информационных технологий, в частности искусственных нейронных сетей, эти проблемы отошли в прошлое, позволив внедрить искусственный интеллект во вредоносные компьютерные программы. Эти программы (условно называемые компьютерными вирусами) так же, как и биологический интеллект, подвержены влиянию такого серьезного эволюционного фактора, как конкуренция, и развиваются под её воздействием. Даже отдельные компьютерные вирусы уже обладают некоторыми признаками искусственного интеллекта, к которым относятся адаптивное поведение (позволяющее по-разному действовать в разных условиях), самовоспроизведение с мутациями (что обеспечивает бесполезность сигнатур более старых версий), мимикрия (маскировка под легальные программы). При этом использование самообучающихся алгоритмов не должно вредить незаметности и быстрдействию вредоносных программ, в противном случае они окажутся неэффективными, будут уничтожены и вытеснены конкурентами.

В последнее время появилась новая модель вирусной киберугрозы – многоуровневая вредоносная компьютерная система, сочетающая в себе элементы незаметных быстродействующих вирусов (торпед), распределенных объектов поддержки (катеров) и центра контроля и управления (флагмана), которые связаны воедино зашифрованными децентрализованными каналами связи и способны обеспечить в ходе кибератаки комбинированное использование разных типов уязвимостей (атака на отказ защитных систем, встраивание вредоносного кода, использование уязвимостей в программном обеспечении, перехват канала связи, подмена пользователя, загрузка через облачное хранилище данных и т.п.) и способов передачи инфор-

мации (стандартная сеть, беспроводные сети различного диапазона, сервисные каналы связи, адаптированный доступ с сопряженных устройств, например со смартфона). [1] Ручное управление такой системой человеком-оператором практически невозможно, особенно при большом числе атакуемых одновременно компьютерных систем. Поэтому центр контроля и управления распределенными атакуемыми объектами должен обладать способностями искусственного интеллекта для проведения полноценной кибератаки с использованием всех доступных возможностей.

Одним из первых примеров использования искусственного интеллекта в широкоформатных кибератаках можно считать вирус CryptoLocker, распространявшийся при поддержке однорангового ботнета Gameover Zeus, использовавшего зашифрованные каналы связи с центрами контроля и управления. [4] Эта вредоносная система использовала самообучающиеся алгоритмы управления, тип и характер которых в настоящее время достоверно не известен. Обезвреженный в результате операции Tovar ботнет Gameover Zeus был отрезан от центров управления, но сами центры в руки правоохранителей не попали, так что возможности проанализировать использованное для управления программное обеспечение не было. Тем не менее ряд косвенных признаков (устойчивость к контролю, избегание прямых атак, адаптивное поведение, скорость принятия решений) свидетельствуют о возможном использовании нейросетевой технологии в управлении данной вредоносной компьютерной системой.

С уголовно-правовой точки зрения ключевым вопросом использования искусственного интеллекта и нейронных сетей при совершении киберпреступлений остается вопрос определения умысла при совершении деяний, решения о которых принимались искусственным интеллектом самостоятельно, исходя из его адаптивного поведения и способностей к самообучению. На практике данный вопрос пока еще не возникает: у искусственного интеллекта отсутствует возможность совершить эксцесс исполнителя и выйти за пределы ус-

мотрения того, кто систему разрабатывал. Свободой воли в осознанном смысле указанные системы не обладают, во всяком случае в настоящее время, и все пределы усмотрения и цели работы закладываются еще на этапах разработки программы или её обучения. В целом же умысел лица, запускающего работу вредоносной компьютерной системы с использованием искусственного интеллекта, необходимо признать неконкретизированным, поскольку в случае использования самообучающихся систем искусственного интеллекта невозможно спрогнозировать и оценить конкретно причиняемый вред.

Несколько иначе обстоят дела в ситуации, когда за создание системы отвечает одно лицо, а за запуск её в работу – другое, при этом разработчик системы вкладывает в неё некоторые не предусмотренные возможности. Например, в дополнение к заражению компьютеров пользователей и вовлечению их в ботнет вирусная программа будет заниматься также сбором персональных данных владельца компьютера и их пересылкой разработчику вируса или иному лицу. В таком случае умысел на использование определенного преступного алгоритма у лица, запустившего его в работу, отсутствует, и вменить ему ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни не представляется возможным, поскольку именно его умыслом такое поведение вредоносной программы не охватывалось. Ответственность же в данном случае должен нести разработчик программы как лицо, заложившее в неё такие возможности (в том числе возможность самообучения для сбора информации) и осознававшее то, что в дальнейшем она будет запущена в работу.

Также возможны ошибки в работе вредоносного программного обеспечения, в результате которых, вопреки целевому назначению программы, может быть причинен существенный вред охраняемым уголовным законом правам и законным интересам. В связи с использованием искусственного интеллекта возможны проблемы адаптации его действий к требованиям конкретных ситуаций, а также сбои в алгоритмах обучения, что тоже может повлечь за собой «незаплани-

рованные» последствия. В данном случае при квалификации необходимо будет исключить прямой умысел в отношении таких «дополнительных» последствий: в зависимости от осознания возможности их наступления и принимаемых по этому поводу мер вина может быть выражена в форме косвенного умысла (при котором виновный предвидел возможность неблагоприятного исхода, но никаких эффективных мер к его предотвращению не принял) либо неосторожности в форме легкомыслия (при безуспешной попытке последствия предотвратить) или небрежности (при отсутствии предвидения вреда и наличия возможности его предвидеть). При этом предположить невиновное причинение вреда для разработчика в такой ситуации не представляется возможным: у него в любом случае есть возможность моделирования работы программы перед её запуском, и неосмотрительность по поводу предполагаемых последствий будет последствием его небрежности.

При кажущейся простоте оценки данные выводы связаны с необходимостью практического установления умысла лица, разработавшего или инициировавшего запуск вредоносного программного обеспечения с искусственным интеллектом. В связи с этим при расследовании преступлений, совершенных с использованием вредоносного программного обеспечения, в первую очередь подлежит установлению вопрос наличия в примененном программном обеспечении признаков искусственного интеллекта, что потребует применения специальных знаний для выявления использованных программ, их декомпиляции, а также оценки их архитектуры и методов работы, что подразумевает необходимость привлечения специалистов узкого профиля.

Практический опыт показывает, что при расследовании указанных преступлений основные виды судебной компьютерно-технической экспертизы (аппаратно-компьютерная, программно-компьютерная, информационно-компьютерная) должны использоваться в комплексе.

Найденные экспертом программы с вредоносными (деструктивными) функциями ис-

следуются на стендах, которые моделируют предполагаемые условия их функционирования. Для проведения подобного рода исследований активность найденной вирусной программы исследуют изолированно в виртуальной операционной системе – «песочнице». Виртуализация «песочницы» позволяет эксперту исследовать поведение помещаемого в неё вируса и его воздействие на операционную систему.

При выявлении признаков искусственного интеллекта в коде вредоносных компьютерных программ установлению подлежит также характер его действия, тип используемой архитектуры, признаки самообучаемости и пределы принятия решений, заложенные в такие программы.

Проблема с подобными вирусами заключается в том, что их нужно активировать. После удачной активации он сообщает серверу киберпреступника, что готов к работе, затем получает команду к выполнению задачи. И получается, что если сервер перестал работать, то исследовать вирус проблематично, так как он зашифрован.

Низкая эффективность противодействия киберугрозам и сохранение высокого уровня латентности данных преступлений объясняется также действиями потерпевшей стороны, которая не сообщает (или очень неохотно сообщает) в правоохранительные органы о фактах совершения таких преступлений.

Факторы, влияющие на подобное решение (как правило, это касается юридических лиц):

- потеря клиентов в связи с подрывом деловой репутации (крупные финансовые и промышленные организации);

- опасения, что в ходе расследования выявятся собственные незаконные финансовые операции;

- боязнь должностных лиц предприятий, что в ходе расследования выявится их некомпетентность и профессиональная непригодность, что негативно скажется на их личной карьере;

- ошибочная оценка «ценности» утраченной информации, оценка её без учёта убытков, которые включают в себя неполученные доходы и стоимость восстановления утраченных данных.

В настоящее время на международном уровне разрабатываются предложения по комплексному предупреждению киберпреступности и даже упоминается о необходимости выработки новых национальных и международных правовых или иных мер по борьбе с киберпреступностью, однако до фактического предупреждения внедрения новых технологий при совершении киберпреступлений, в том числе до принятия мер по противодействию распространению искусственного интеллекта во вредоносном программном обеспечении, дело не доходит. При этом, если в ближайшие годы ситуация с запаздыванием создания эффективных мер противодействия новым киберугрозам не изменится, достижения науки в области развития искусственного интеллекта позволят киберпреступности выйти на принципиально новый уровень, позволяющий использовать средства противодействия их выявлению и блокированию.

Библиографический список

1. Тирранен, В.А. Искусственный интеллект и нейронные сети как инструмент современной киберпреступности / В.А. Тирранен // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Международной научно-практической конференции (24-25 января 2019 г.) – М.: РГ-Пресс, 2019. – С. 135-140.
2. Mesko, G. On Some Aspects of Cybercrime and Cybervictimization / Gorazd Mesko // European journal of crime, criminal law and criminal justice. Brill Academic Publishers. – 2018. – № 26. – P. 189-199.
3. Saunders, J. Tackling cybercrime – the UK response / Jamie Saunders // Journal of Cyber Policy, HB Publications, LLC. – 2017. – № 2(1). – P. 4-15.
4. Tirranen, V. Cryptoviral Extortion as a Global Problem of Cybersecurity / Vasilii A. Tirranen // Criminal Justice and Security in Central and Eastern Europe. From Common Sense to Evidence-based Policy-making. Conference Proceedings. – Ljubljana, Slovenia, University of Maribor Press, 2018. – P. 548-552.

УДК 343.41

Лариса Петровна КЛИМОВИЧ,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Сибирского федерального
университета (г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент
klimovichl@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

THE USE OF SPECIAL ECONOMIC KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES: SOME RESULTS OF THE INVESTIGATIVE PRACTICE ANALYSIS

Мониторинг практики использования различных форм специальных экономических знаний в расследовании уголовных дел, проведенный автором на территории Красноярского края, позволил выявить актуальные направления научного поиска, а именно необходимость разработки практических рекомендаций по тактике и методике проведения допроса с участием специалиста при расследовании уголовных дел экономической направленности. Также в статье обозначены актуальные направления совершенствования образовательной подготовки юристов

The practice monitoring regarding the application of the various forms of the special economic knowledge within the criminal case investigation, conducted by the author on the territory of Krasnoyarsk Krai, made it possible to identify the relevant areas of scientific research, namely, the need to develop some practical recommendations for the tactics and methods of interrogation conducted with the participation of an expert within the economic crime investigation. Besides, the actual directions for the improvement of the lawyer educational attainment are indicated.

Ключевые слова: специальные экономические знания: формы применения в расследовании уголовных дел, совершенствование образовательной подготовки.

Keywords: special economic knowledge: types of application in the criminal investigation, improvement of education.

Исследование теоретических и прикладных вопросов специальных знаний в уголовном судопроизводстве остается актуальным направлением научного исследования на протяжении почти полувека среди ученых как процессуалистов, так и криминалистов. Вопросам актуальности и необходимости применения специальных знаний в расследовании уголовных дел экономической направленности посвящены работы С.П. Голубятникова [2], С.Г. Еремина [3], Е.С. Лехановой [4], В.А. Тимченко [6] и др.; вопросы методик судебной экономической экспертизы, назначаемой при расследовании уголовных дел, рассмотрены в работах С.П. Голубятникова и А.Н. Мамкина [1], Э.Ф. Мусина и С.В. Ефимова [5] и др.

Несмотря на многочисленные научные и прикладные исследования по данному вопросу, практика использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве требует постоянного мониторинга, исследования и на этой основе разработки новых актуальных рекомендаций по совершенствованию форм и методов их использования в расследовании преступлений.

Нами в 2018 году проведен опрос следователей, преимущественно расследующих преступления экономической направленности, Главного следственного управления Следственного комитета по Красноярскому краю (далее – следователи СК) и Главного следственного управления Главного управления внутренних дел по Красноярскому краю (далее – следователи ГУВД) – всего опрошены

56 человек. Средний стаж работы респондентов в правоохранительных органах составил почти 9 лет (8,9 года, в том числе следователи ГУВД – 11,5 лет, следователи СК – 6,6 года), что говорит о достаточно большом накопленном ими опыте расследования уголовных дел данной категории.

Необходимость в применении собственных специальных знаний или знаний специалиста (эксперта) возникает практически всегда – у 27% опрошенных. И 55% ответили, что применяют такие знания часто (рис. 1).

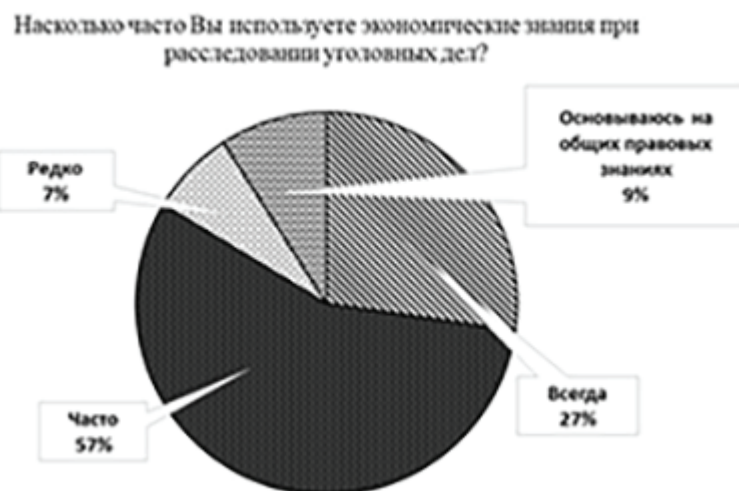

Рисунок 1. Оценка опрошенными потребности в применении специальных экономических знаний

Такая практически постоянная потребность в применении специальных знаний вполне объясняется тем, что расследование каждого уголовного дела экономической направленности имеет специфику (по конкретной сфере и субъекту экономической деятельности; по виду операций, в ходе осуществления которых совершено преступление; по способам и механизму совершения каждого преступления; по видам документов экономического субъекта, которые послужили источниками доказательственной информации и др.).

Обратимся к вопросу о сущности и значении для расследования дел применения собственных специальных экономических знаний следователя. Достаточный уровень компетентности в вопросах экономики, финансов, бухгалтерского учета и налогообложения, умение быстро ориентироваться в нормативно-правовых актах в области финансового, бюджетного, хозяйственного и иных отраслях экономического права, знание основ документооборота в организации экономическим субъектом учетной работы – все эти знания в ходе расследования уголовных дел экономической направленности позволяют следователю:

во-первых, не прибегать к вызову специалиста при производстве ряда следственных действий, таких как выемка, обыск, осмотр (за исключением случаев обязательного в со-

ответствии с УПК РФ участия специалиста в процессуальных действиях), а самостоятельно качественно и оперативно провести следственное действие;

во-вторых, выполнить качественное изучение, анализ собранных по делу доказательств (бухгалтерских, финансовых документов, актов проверок органами финансового контроля, деловой переписки между контрагентами и др.), оценить их в совокупности с другими собранными по делу доказательствами и принять обоснованные тактические решения;

в-третьих, рационально организовать взаимодействие при необходимости привлечения специалиста к производству следственных действий или к иным формам взаимодействия (консультативная деятельность, назначение ревизий и проверок и др.).

Кроме того, качественная оценка доказательственного значения заключения судебного эксперта-бухгалтера, эксперта-экономиста, прежде всего его достоверности и обоснованности, невозможна без глубокого понимания следователем хода экспертного исследования и полученных результатов, что возможно только при достаточном уровне компетентности следователя в сфере учетно-экономических знаний.

Таким образом, использование собственных специальных экономических знаний следователя способствует не только своевременному и рациональному принятию ор-

ганизационных и тактических решений, но и объективизации результатов расследования по делам экономической направленности.

Обратимся к результатам опроса следователей об используемых ими формах специальных экономических знаний в расследовании уголовных дел (рис. 2). Следователям предлагалось расставить баллы от 1 до 10 по частоте использования различных форм применения специальных экономических знаний. Результаты опроса получились следующие: консультация с экспертом перед назначением судебной экспертизы – 9,02; назначение

и производство судебных экономических экспертиз – 8,87; допрос эксперта – 7,47; получение заключения специалиста – 7,23; назначение и производство ревизий – 6,79; привлечение специалиста к производству следственных и иных процессуальных действий – 6,22; консультации со специалистами-экономистами при подготовке к допросу (подозреваемого, обвиняемого и др.) – 5,97; привлечение специалиста для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта – 4,9; назначение и производство аудиторских и налоговых проверок – 4,72.

Рисунок 2. Частота использования различных форм применения специальных экономических знаний

Судебная экономическая экспертиза традиционно была одной из наиболее часто используемых форм применения специальных знаний в области экономики, и это подтвердили результаты анкетного опроса. В последние годы становится все более актуальным привлечение специалиста к производству следственных действий. В числе следственных действий, где участие специалиста-экономиста, по мнению опрошенных следователей, является целесообразным и необходимым, наибольший вес набрали: осмотр предметов и документов – 77% опрошенных, допрос подозреваемого, обвиняемого (руководителя организации, бухгалтера) – 65%, обыск – 50%, выемка – 34%, осмотр места происшествия – 25% (рис. 3).

Высокий процент потребности в привлечении специалиста к осмотру предметов и документов объясняется усложнением в послед-

ние годы техники ведения учета и в целом системы финансового и хозяйственного, в том числе электронного, документооборота. А вот допрос подозреваемого, обвиняемого руководителя, бухгалтера с участием специалиста-экономиста не так часто практикуется следователями (на это указали всего 34% опрошенных) при его высокой потребности (по мнению следователей – 65%). Соответственно, требуется разработка криминалистических рекомендаций по тактике и методике проведения допроса с участием специалиста при расследовании уголовных дел экономической направленности.

Если рассматривать в расследовании преступлений применение собственных специальных экономических знаний следователя, то следует отметить такие результаты анкетного опроса (рис. 4): 62,5% отметили, что владеют специальными экономическими знаниями,

В каких следственных действиях участие специалиста:
—целесообразно и необходимо — реально используется на практике

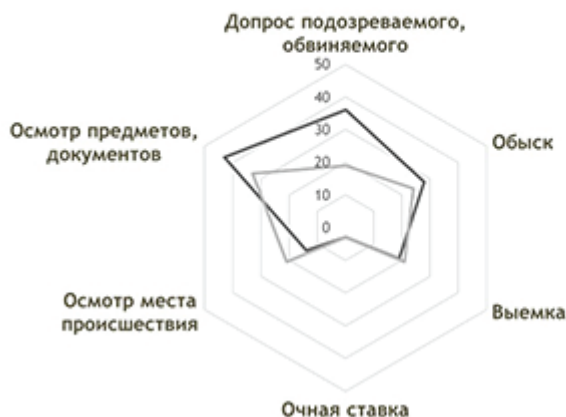
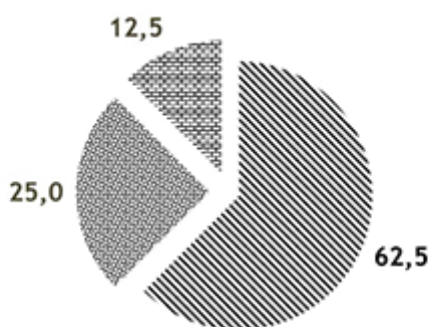

Рисунок 3. Необходимые и реально используемые формы участия специалиста в следственных действиях

однако указали, что их уровень недостаточный, так как такие знания получены в рамках обучения юриспруденции. 25% указали, что не владеют специальными экономическими знаниями; полученных в рамках образовательной подготовки таких знаний недостаточно. 12,5% опрошенных указали, что владеют специальными экономическими знаниями, достаточными для успешного расследования уголовных дел данной категории, из них 5% следователей имеют наряду с юридическим высшее экономическое образование.

Анализируя полученные результаты, следует обратить внимание на то, что определенному решению вопроса о качестве подготовки будущих юристов по отдельным линиям (на-

правлениям) профессиональной деятельности (в частности, подготовки следователей по расследованию экономических преступлений) могла бы стать профилизация в образовательной подготовке будущих следователей по линии экономики и будущих оперативных сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции. Такая профильная подготовка многие годы ведется в Нижегородской академии МВД России, а также в Московском университете МВД России. Вместе с тем в большинстве других вузов системы МВД России такая профильная подготовка не предусмотрена. Актуальными для изучения по данному профилю могли бы стать такие дисциплины, как «Расследование пре-

- ▣ Владею СЭЗ, но их уровень недостаточный, получен в рамках обучения юриспруденции
- ▤ Не владею СЭЗ, полученных в рамках образовательной юридической подготовки знаний недостаточно
- ▥ Владею СЭЗ, их уровень достаточный для успешного расследования УД

Рисунок 4. Оценка уровня владения специальными экономическими знаниями самими следователями: результаты опроса (процент от общего числа опрошенных)

ступлений в сфере экономической деятельности», «Проблемы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности», «Доказывание по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики на досудебных стадиях производства», «Оперативно-розыскное обеспечение расследования уголовных дел о преступлениях в сфере экономики», «Судебная технология и товароведение», «Судебная экономическая экспертиза».

Учитывая региональную привязку каждой образовательной организации МВД России к формированию кадрового резерва территориального органа внутренних дел, целесообразно на завершающем этапе образовательной подготовки будущих специалистов предусмотреть создание небольших учебных групп с углубленным изучением дисциплин по предстоящим направлениям работы следователей, оперуполномоченных сотрудников органов внутренних дел, и обязательным прохождением производственной практики

по месту будущего прикрепления к должности. Такая профилизация в образовательной подготовке будущего следователя, с одной стороны, потребует перестройки образовательного процесса на 4-5 году обучения по юридическим специальностям (например, по специальностям: 40.05.01 – «Правовое обеспечение национальной безопасности», 40.05.02 – «Правоохранительная деятельность»). С другой стороны, она позволит получить новое качество следователей и оперативных сотрудников – профессионалов своего дела. Учитывая, что обучающийся уже заранее знает место своей будущей службы и имеет достаточный уровень компетентности для качественного выполнения должностных обязанностей, такая образовательная подготовка будет способствовать не только лучшему закреплению кадров в правоохранительном органе, но и более эффективному и качественному расследованию уголовных дел.

Библиографический список

1. Голубятников, С.П. Проблемные вопросы судебно-экономической экспертизы / С.П. Голубятников, А.Н. Мамкин // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2007. – № 7.
2. Голубятников, С.П. Экономическая криминалистика: этапы становления, перспективы развития / С.П. Голубятников // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2001. – № 1.
3. Еремин, С.Г. Теоретические и практические проблемы использования специальных бухгалтерских познаний по делам о преступлениях в сфере экономики : автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. – Волгоград, 2007.
4. Леханова, Е.С. Судебно-экономические знания в юридической науке и практике раскрытия преступлений : монография / Е.С. Леханова ; под ред. С.П. Голубятникова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011.
5. Мусин, Э.Ф. Современное состояние и возможности судебно-экономических экспертиз в органах внутренних дел Российской Федерации / Э.Ф. Мусин, С.В. Ефимов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2007. – № 4 (8).
6. Тимченко, В.А. Криминалистическая диагностика преступлений по данным бухгалтерской информации : монография / В.А. Тимченко. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2000.

УДК 343.41

Евгений Владимирович ЧИНЕНОВ,
начальник кафедры криминалистики Белгородского
юридического института МВД России имени
И.Д. Путилина, кандидат экономических наук, доцент
Chinenovevg@yandex.ru

Владимир Иванович ЩУКИН,
профессор кафедры криминалистики Белгород-
ского юридического института МВД России имени
И.Д. Путилина, кандидат экономических наук, доцент
SchukinV1956@yandex.ru

ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

FINANCIAL AND CREDIT RELATIONS AS AN OBJECT OF STUDY IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES

Статья посвящена вопросам исследования финансово-кредитных отношений в процессе раскрытия и расследования отдельных видов экономических преступлений. Авторами проводится анализ состояния криминалистической научной мысли по проблематике использования специальных экономических знаний в раскрытии и расследовании преступлений, экспертных исследований финансово-кредитных отношений, действующей классификации судебно-экономических экспертиз. Формулируются авторские понятия специальных экономических знаний и специальных знаний о финансово-кредитных отношениях; систематизируются характерные признаки преступных деяний в сфере финансово-кредитных отношений; представляются типовые вопросы, требующие разрешения при исследовании финансово-кредитных отношений; аргументируется важность специальных знаний о финансово-кредитных отношениях в обеспечении распознавания преступлений, совершаемых при осуществлении финансово-кредитных операций; раскрывается положительный опыт ЭКЦ УМВД по Белгородской области по назначению экономических экспертиз. Выделяются проблемные вопросы, возникающие при расследовании преступлений в финансово-кредитной сфере, связанные с назначением и производством судебных экспертиз; предлагаются нормативно-правовые, административные и методические пути их решения.

The article is devoted to the study of financial and credit relations in the process of detection and investigation of certain types of economic crimes. The authors analyze the state of forensic science on the issues of using special economic knowledge in the detection and investigation of crimes, expert researches of financial and credit relations, as well as the current classification of forensic economic examinations. The concepts of special economic knowledge and special knowledge about financial and credit relations are formulated; the characteristic features of criminal acts in the sphere of financial and credit relations are systematized; typical issues that require the solution in the study of financial and credit relations are presented; the importance of special knowledge about financial and credit relations for providing the establishment of crimes committed in the course of conducting financial and credit operations is argued. The authors present a good professional practice of the Forensic Center of the Department of the Ministry of Internal Affairs in the Belgorod Region for the purpose of economic assessments. The problematic issues arising in the investigation of crimes in the financial and credit sphere related to the assignment and conducting forensic examinations are highlighted. The normative-legal, administrative and methodical ways of their decisions are proposed.

Ключевые слова: экономические преступления, специальные знания, расследование, финансово-кредитные отношения, судебно-экономическая экспертиза, судебная финансово-кредитная экспертиза.

Key words: economic crimes; special knowledge; investigation; financial and credit relations; judicial and economic expertise; judicial financial and credit expertise.

Организация расследования экономических преступлений предполагает обязательное использование различных специальных экономических знаний в целях обеспечения собирания, исследования и оценки доказательств. Основываясь на научной позиции Л.Я. Драпкина, И.Н. Сорокотягина и В.Н. Махова [12, с. 7; 8, с. 5], отметим, что специальные экономические знания представляют собой совокупность знаний системы экономических наук, присущих определенным видам профессиональной экономической деятельности, полученных в результате специальной подготовки, профессионального опыта и применяемых в целях раскрытия и расследования преступлений при производстве следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, экспертных исследований.

Проблематика использования специальных экономических знаний при раскрытии и расследовании преступлений в научном плане является объектом пристального изучения ученых. [4, с. 4; 6, с. 46; 7, с. 117; 16, с. 15] Это обуславливается высокой степенью проникновения преступности в сферу экономических отношений, общественной опасностью экономических преступлений, их тесной взаимной связью и взаимной обусловленностью, высокой степенью организованности, латентностью, разнообразием механизмов и способов преступных действий, сложностью в выявлении, раскрытии и расследовании.

Исследованию различных форм использования специальных экономических знаний при раскрытии и расследовании преступлений посвящены работы И.В. Александрова, Л.В. Бертовского, А.Ф. Волынского, С.П. Голубятникова, С.Г. Еремина, С.Ю. Журавлева, Л.П. Климович, В.Д. Ларичева, Е.С. Лехановой, В.А. Прорвича, Л.Г. Шапиро и ряда других ученых. В то же время, несмотря на то, что многие вопросы

использования специальных экономических знаний в уголовном судопроизводстве в той или иной степени затрагивались различными авторами, до настоящего времени отсутствует монографическое исследование существующего комплекса проблем, связанных с исследованием финансово-кредитных отношений в процессе раскрытия и расследования отдельных видов экономических преступлений. В связи с этим, как отмечает Л.Г. Шапиро, именно системный подход к исследованию вопросов использования специальных знаний будет способствовать реализации частных особенностей расследования конкретных видов экономических преступлений, обеспечивая их качественно новый уровень. [17, с. 5]

Повышение эффективности расследования преступлений достигается путем совершенствования криминалистических методик, активным использованием в них специальных знаний. [9, с. 121] Частные методики расследования отдельных видов экономических преступлений всегда отражают вопросы консультативной и справочной деятельности сведущих лиц, их привлечения к оперативно-розыскным мероприятиям, производству оценочных, ревизионных и аудиторских мероприятий, участие специалиста в определении вопросов эксперту, в следственных действиях, производстве судебных экспертиз.

В результате проводимого исследования мы пришли к выводу, что знания специфики деятельности в различных сферах экономики, бухгалтерского учета, финансов, кредитования, активно используются организованными группами для осуществления различных незаконных действий в этих сферах. На сегодняшний день апробирована эффективность методик расследования криминальных банкротств, налоговых преступлений и некоторых других преступных деяний.

Однако в методическом плане остаются еще недостаточно разработанными вопросы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступных действий по незаконному выведению денежных средств из ведения хозяйствующего субъекта – обналичиванию; осуществлению фиктивных финансовых, кредитных и расчетных операций, в структуре которых выделяется особый вид специальных экономических знаний – знания о финансово-кредитных отношениях.

Специальные знания о финансово-кредитных отношениях представляют собой область знаний, имеющих комплексный характер о функционировании и взаимодействии различных звеньев финансовой системы; механизмах финансовых потоков и кругообороте капитала; структурных элементах денежно-кредитной системы; движении денежных потоков в экономике; осуществлении денежно-кредитных отношений между субъектами хозяйствования. Использование указанных знаний в раскрытии и расследовании указанных выше преступлений обеспечивает исследование процессов и явлений финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов, дает возможность следователю распознавать преступления, совершаемые при осуществлении финансово-кредитных операций. В числе характерных признаков преступных деяний могут выступать:

нарушения порядка формирования, распределения и использования фондов денежных средств;

необоснованные расходования средств различных экономических фондов и резервов целевого назначения; определение уровня кредитоспособности юридического лица;

неполнота и несвоевременность возврата заемных средств;

выявление материального ущерба, причиненного нарушениями при финансировании и кредитовании.

В большинстве случаев распознавание признаков преступлений в финансово-кредитной сфере осуществляется посредством экспертного исследования.

По мнению Н.А. Селиванова, экспертиза особенно эффективна в том случае, когда она опирается на новейшие научно-технические достижения [9, с. 3], в связи с чем отдельные виды экономических преступлений удастся раскрыть благодаря использованию возможностей судебно-экономической экспертизы. [3, с. 61; 10, с. 33; 15, с. 137]

Не вдаваясь в научную дискуссию А.Ф. Вольнского, В.А. Прорвича, М.Г. Нерсисяна, Е.Р. Россинской и ряда других ученых [11, с. 284; 13, с. 8] относительно финансово-кредитной экспертизы как самостоятельного рода судебной экономической экспертизы, следует отметить, что финансово-кредитные отношения являются отдельным объектом исследований, которые осуществляются в ходе раскрытия и расследования отдельных видов экономических преступлений. К ним можно отнести незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности и мошенничество, связанное с осуществлением кредитных и расчетных обязательств.

Посредством экспертных исследований выявляются отклонения в процессах образования, распределения и использования фондов денежных средств, влияющие на показатели финансово-хозяйственной деятельности либо способствующие совершению различных преступлений, связанных с несоблюдением финансовой дисциплины. Это позволяет исследовать основные экономические признаки финансово-хозяйственной деятельности:

состояние кредитоспособности хозяйствующего субъекта;

соответствие сформированных показателей бухгалтерской финансовой отчетности хозяйствующего субъекта требованиям нормативных правовых актов;

выполнение сторонами условий заключенных договоров на основе учетной информации, включая перечисление денежных средств, погашение экономических обязательств с учетом определенных процентов.

В числе типовых вопросов, требующих разрешения при исследовании финансово-кредитных отношений, выделяют:

соответствие требованиям законодательства порядка формирования бухгалтерской финансовой отчетности;

установление размера денежных средств, перечисленных кредитной организацией на расчётный счёт заемщика в рамках исполнения условий кредитного договора;

установление размера денежных средств, перечисленных заёмщиком в адрес кредитной организации в рамках осуществления операций по погашению кредита и начисленных процентов;

стоимость товаров, переданных заёмщиком в адрес кредитной организации по договору залога;

установление размера обеспечения, представленного заёмщиком по кредитному договору с кредитной организацией.

Анализ практики экспертных учреждений МВД России позволяет сделать вывод, что судебная финансово-кредитная экспертиза относится к достаточно редким экспертным исследованиям. Так, в 2018 году из 98 судебно-экономических экспертиз, проведенных ЭКЦ УМВД России по Белгородской области, только 2 – финансово-кредитные, а 96 – судебно-бухгалтерские. Однако, учитывая, что за последние годы значительно возрос уровень кредитования не только физических, но и юридических лиц, идет активное формирование специальных фондов хозяйствующих субъектов, потребность в соответствующих специальных знаниях, как представляется, будет увеличиваться.

При назначении экспертных исследований в сфере кредитно-финансовых отношений существенное значение имеет консультация эксперта, производящего данный вид экспертиз. Она касается формулировки вопросов, количества представляемых на исследование объектов.

В связи с этим следует рассмотреть опыт ЭКЦ УМВД по Белгородской области. При назначении экономических экспертиз сотрудники ЭКЦ требуют предварительной «экспертной оценки». Она определяет достаточность собранных следователем, органом дознания документов, на основе которых будет осуществляться экспертное исследование. Данная процедура, по сути, – это услож-

ненная консультация, которую получают следователи от эксперта. Однако она позволяет сократить срок проведения экспертизы, необходимость истребования дополнительных объектов для исследования и т.п.

При расследовании изучаемой категории преступлений наряду с исследованием финансово-кредитных отношений имеется необходимость в установлении всех обстоятельств содеянного использования иных специальных знаний. [1, с. 31; 14, с. 42; 18, с. 125]

Изучение теоретико-прикладных аспектов судебных экономических экспертиз [5] и анализ деятельности экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России по данному направлению свидетельствуют о наличии проблемных моментов при расследовании преступлений в финансово-кредитной сфере, связанных с назначением и производством экспертиз указанного вида. К ним можно отнести вопросы назначения комплексных экспертиз, вопросы производства экономических экспертиз, связанных с «нестандартными» объектами экономических исследований:

- документами неофициального учета;
- документами, представляемыми частично либо полностью на электронных носителях информации;
- документами, отражающими операции по движению денежных средств на банковских счетах.

В методическом плане требуют коррекции вопросы определения стоимости нематериальных активов и долгосрочных финансовых вложений в капитале юридических лиц, совершенствования методического обеспечения производства экономических экспертиз, проводимых по новым формам финансовой отчетности и по документам, отражающим специфические особенности деятельности в таких отраслях хозяйства, как бюджетный сектор экономики, государственных компаний – Почта России, ОАО РЖД, организации сферы жилищно-коммунального хозяйства и пр.

В целях совершенствования использования специальных экономических знаний в раскрытии и расследовании экономиче-

ских преступлений считаем необходимым повышение информационного и методического взаимодействия между экспертными подразделениями МВД России и Минюстом России в части обсуждения актуальных вопросов специальных экономических знаний

и производства судебно-экономических экспертиз, обмена опытом и результатами научных исследований, обобщения сложившейся экспертной практики, выработки общих подходов к решению актуальных проблем судебно-экспертной деятельности.

Библиографический список

1. Вехов, В.Б. Совершенствование предварительного расследования на основе научных знаний в области «Электронной криминалистики» / В.Б. Вехов // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов дознания и предварительного следствия : сборник статей. – Орел, 2018. – С. 41-49.
2. Виноградов, И.В. Экспертизы на предварительном следствии / И.В. Виноградов, Г.И. Кочаров, Н.А. Селиванов. – М., 1967. – 248 с.
3. Волынский, А.Ф. Судебно-экономическая экспертиза в расследовании экономических преступлений / А.Ф. Волынский, В.А. Прорвич, С.В. Расторопов // Вестник экономической безопасности. – 2011. – №4. – С.61-69.
4. Еремин, С.Г. Использование специальных экономических познаний в раскрытии и расследовании преступлений : учебное пособие / С.Г. Еремин, Ю.С. Стешенко, Н.С. Бондаревская. – Волгоград, 2011. – 143 с.
5. Климович, Л.П. Научные основы современной судебно-экономической экспертизы. Научные основы современной судебной экономической экспертизы: анализ существующей практики производства СЭЭ, использование СЭЭ при расследовании преступлений, теоретическая основа для формирования научно-методического обеспечения СЭЭ : монография / Л. П. Климович. – М., 2014. – 143 с.
6. Климович, Л.П. Некоторые вопросы использования специальных экономических знаний в расследовании налоговых преступлений / Л.П. Климович // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : материалы VI Международной научно-практической конференции (26-27 апреля 2018 г., г. Симферополь – Алушта, Крымский федеральный университет). – Симферополь, 2018. – С. 46-48.
7. Леханова, Е.С. К вопросу о содержании «Специальных знаний», используемых при раскрытии преступлений в сфере экономики / Е.С. Леханова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2009. – № 1 (10). – С. 117-121.
8. Махов, В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений : монография / В.Н. Махов. – М., 2000. – 296 с.
9. Мерещкий, Н.Е. О расширении использования специальных познаний при производстве судебных экспертиз / Н.Е. Мерещкий // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И.М. Гуткина) : сб. матер. межвуз. научно-практ. конф. – М., 2009. – С. 296-301.

10. Мусин, Н.П. Судебно-экономическая экспертиза в органах внутренних дел Российской Федерации : учебное пособие / Н.П. Мусин. – М., 2010. – С. 33-34.
11. Россинская, Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – М., 2011. – 464 с.
12. Сорокотягин, И.Н. Специальные познания в расследовании преступлений / И.Н. Сорокотягин ; отв. ред. Л.Я. Драпкин. – Ростов-на-Дону, 1984. – 119 с.
13. Судебно-экономическая экспертиза : учебное пособие / под общ. ред. А.Ф. Волынского, В.А. Прорвича. – М., 2009. – 743 с.
14. Чиненов, Е.В. Использование результатов фоноскопической экспертизы в качестве доказательств по преступлениям в сфере экономической деятельности / Е.В. Чиненов, Е.И. Симоненко // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 3 (53). – С. 42-46.
15. Чиненов, Е.В. Судебно-экономическая экспертиза как разновидность процессуальной формы использования специальных знаний при расследовании экономических преступлений на объектах железнодорожного транспорта / Е.В. Чиненов, В.И. Шукин // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (43). – С. 137-141.
16. Шапиро, Л.Г. Ситуационный подход к использованию специальных знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности / Л.Г. Шапиро // Эксперт-криминалист. – 2013. – № 3. – С. 15-18.
17. Шапиро, Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.09 / Л.Г. Шапиро. – Краснодар, 2008. – 51 с.
18. Шведова, Н.Н. Отдельные теоретические вопросы криминалистического исследования документов как раздела криминалистической техники / Н.Н. Шведова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 3. – С. 125-131.

УДК 343.139

Олег Хамитович ГАЛИМОВ,

доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского института бизнеса, управления и психологии (г. Красноярск); доцент кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск), судья Красноярского краевого суда в почетной отставке, кандидат юридических наук, доцент

galimov_oleg@mail.ru

Марина Александровна ГАЛИМОВА,

начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), кандидат юридических наук

marina_bestujeva@mail.ru

ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

RECONCILIATION OF THE PARTIES AS A MEANS OF PROTECTING THE RIGHTS AND INTERESTS OF A MINOR VICTIM IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В работе рассматриваются сущность института примирения сторон как средства защиты прав и интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве, в том числе несовершеннолетнего потерпевшего, отдельные вопросы реализации этого вида примирения как судом, так и органами предварительного расследования. Акцентируется внимание на возрасте заявителя о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, учете его мнения и возможности самостоятельного влияния на исход уголовного дела.

The article considers the nature of the institution of reconciliation of the parties as a means of protecting the rights and interests of the victim in criminal proceedings, including the minor victim, and some certain issues of the implementation of this type of reconciliation by both the court and the bodies of preliminary investigation. The authors emphasize on the age of the complainant who terminates the criminal case in connection with the reconciliation of the parties, taking into account his opinion and the possibility of independent influence on the outcome of the criminal case.

Ключевые слова: примирение сторон, потерпевший, несовершеннолетний, малолетний, законный представитель, прекращение уголовного дела, защита прав.

Keywords: reconciliation of the parties, victim, minor, juvenile, legal representative, termination of the criminal case, protection of rights.

В ходе становления и укрепления правового государства защита прав и интересов личности имеет первостепенное значение и является определяющим фактором для всей правовой системы, в том числе

для уголовного процесса. Это определено их взаимообусловленностью и взаимозависимостью: сущность уголовного судопроизводства, его характер зависят от общеправового статуса личности в государстве в такой же

мере, в какой содержание уголовно-процессуальных институтов влияет на положение личности в государстве.

К сожалению, в настоящее время реальное положение личности в Российской Федерации таково, что при столкновении ее интересов и интересов государства возможности отдельного человека в реализации своего общеправового статуса невелики. Более того, провозглашая защиту прав и интересов человека в сфере уголовного судопроизводства в качестве основной задачи, законодатель в большей мере гарантирует реализацию прав обвиняемых (подозреваемых), то есть субъектов, которые своими действиями (бездействием) существенным образом уже нарушили права и интересы других лиц. При этом потерпевшие («жертвы преступления») оказываются «отодвинутыми на второй план». Еще большую озабоченность в этом плане вызывают несовершеннолетние, в том числе малолетние потерпевшие.

По данным Федеральной службы государственной статистики, ежегодно более полутора миллионов человек признаются потерпевшими по уголовным делам (2010 год – 1785,2 тыс. человек, 2011 год – 1656,7 тыс. человек, 2012 год – 1639,0 тыс. человек, 2013 год – 1566,9 тыс. человек, 2014 год – 1595,7 тыс. человек, 2015 год – 1699,1 тыс. человек, 2016 год – 1544,2 тыс. человек, 2017 год – 1417,3 тыс. человек, 2018 год – 1335,2 тыс. человек) ([URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-05.doc](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-05.doc)), то есть практически каждый десятый житель Российской Федерации ежегодно становится жертвой преступных посягательств и вовлекается в орбиту уголовного процесса. Около 100 тыс. человек из них – несовершеннолетние ([URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/lssWWW.exe/Stg/d2/10-06.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/lssWWW.exe/Stg/d2/10-06.htm)).

Исследования в области ювенальной виктимологии показывают, что если в период с 2010 по 2013 годы в Российской Федерации просматривалась положительная тенденция – снижение общего количества несовершеннолетних потерпевших, то с 2014 года эта

тенденция приобрела негативный характер – прослеживается ежегодный рост количества несовершеннолетних жертв преступных посягательств. [4, с. 9-10] При этом несовершеннолетние наиболее часто становятся жертвами преступлений небольшой и средней тяжести (побои, кражи, действия сексуального характера, автотранспортные преступления). [4, с. 19-20]

При производстве по уголовному делу согласно п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ первоочередным назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (наряду с защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод – п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Для эффективной реализации названной задачи необходимо, чтобы защита прав и интересов потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства носила системный характер. По нашему мнению, такая система должна включать в себя следующие обязательные элементы: своевременное признание лица в качестве потерпевшего, обеспечение ему возможности реализации своего правового статуса (в том числе доступное, понятное и полное разъяснение его прав и обязанностей), оказание квалифицированной юридической помощи (включая случаи обязательного участия представителя потерпевшего); информирование о принятых по уголовному делу решениях (как итоговых, так и промежуточных), предоставление равных возможностей с обвиняемым (подозреваемым), возмещение вреда, причиненного преступлением, и др.

Вместе с тем, несмотря на принятые в последнем десятилетии изменения и дополнения уголовно-процессуального закона, потерпевший сегодня продолжает оставаться участником, чье мнение практически не учитывается при принятии значимых, в том числе итоговых, решений по уголовному делу частно-публичного и публичного обвинения.¹

В связи с этим действенной мерой, несущей в себе мощный гуманистический потен-

1 К сожалению, такое положение нельзя назвать упущением отраслевого масштаба. В юридической литературе отмечается, что в административно-деликтной сфере эта проблема еще более выражена. [подр.: 9]

циал, ориентированный в первую очередь на потерпевшего, является уголовно-процессуальное примирение.

Примирение сторон является традиционным для уголовного отечественного судопроизводства, но в зависимости от общественной формации, социальных, экономических, политических и других факторов в разные исторические периоды менялся характер уголовно-процессуального примирения, его формы и содержание. В настоящее время институт примирения в уголовном процессе России представлен двумя самостоятельными видами: производством по делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20, ст. 318, 319, 321 УПК РФ) и прекращением уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ).

Что касается дел частного обвинения, то в этом случае мнение потерпевшего (частного обвинителя) имеет максимальную императивность: при совершении деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, течение, ход и окончание судопроизводства определяются исходя из позиции потерпевшего (частного обвинителя). Уголовные дела рассматриваемой категории возбуждаются только по заявлению потерпевшего, его законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции – до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу (ч. 2 ст. 20 УПК РФ).

Абсолютно иное положение у потерпевшего по делам публичного и частно-публичного характера – его мнение о прекращении производства по уголовному делу при наличии определенных оснований и условий (ст. 25 УПК РФ) может быть учтено, но оно (мнение) имеет диспозитивный характер и поставлено в зависимость от усмотрения должностных лиц, ведущих производство по делу.

В настоящее время примирение сторон (ст. 25 УПК РФ) является практически единственной возможностью для потерпевшего реально воздействовать на ход уголовного судопроизводства по делам частно-публично-

го и публичного обвинения. Однако реализация этого права затруднена рядом проблем законодательного, правоприменительного, организационного характера, что существенным образом снижает потенциал данного вида примирения. А это, в первую очередь, отрицательным образом сказывается на потерпевшем, защите его прав и интересов.

В основе прекращения уголовного дела (уголовного преследования) всегда лежат уголовно-правовые основания освобождения от уголовной ответственности. В рассматриваемом случае это ст. 76 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим»). Статья 25 УПК РФ в совокупности со ст. 76 УК РФ содержат ряд критериев (требований), при наличии которых может быть принято решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). В их числе можно выделить основания принятия решения (примирение сторон и заглаживание вреда) и условия (преступление совершено лицом впервые, относится к категории небольшой или средней тяжести, потерпевший или его законный представитель подали соответствующее заявление, получено согласие контролирующих лиц (руководителя следственного органа либо прокурора).

Исходя из специфики нашей статьи более подробно остановимся на одном из условий прекращения уголовного дела (уголовного преследования) – наличие заявления потерпевшего либо его законного представителя.

Под примирением сторон в уголовном судопроизводстве следует понимать достижение взаимной договоренности (добровольного соглашения) потерпевшим и лицом, совершившим преступление, об отсутствии претензий друг к другу по поводу совершенного деяния. При этом примирение предполагает отказ потерпевшего от первоначальных притязаний (требований) на привлечение лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности и не исключает возможности применения к нему ответственности в порядке гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 213 УПК РФ). [3, с. 75]

Инициатива примирения может исходить как от самого потерпевшего, так и от лица,

совершившего преступление, но только при условии официального заявления об этом потерпевшим (законным представителем). Заявление лица о прекращении уголовного дела является важным процессуальным документом. Вместе с тем уголовно-процессуальный закон не определяет его содержания и формы, в которой оно должно быть сделано. В УПК РФ получили детальную регламентацию лишь такие способы передачи информации потерпевшим, как заявление о преступлении (п. 6 ч. 1 ст. 24, ст. 140, 141, 318 УПК РФ) и его допрос (ст. 188-191 УПК РФ). Причем последнее следственное действие предполагает не только сообщение потерпевшим сведений о совершенном в отношении него преступлении, но и изложение любой информации об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван на допрос. Учитывая это, заявление потерпевшего о примирении может быть зафиксировано либо в отдельном документе с изложением данных о причинителе вреда, личности заявителя и его волеизъявлении, либо в протоколе допроса. Принимая во внимание, что обращение потерпевшего в органы предварительного расследования может быть сделано не только письменно, для оформления устного заявления необходимо составление протокола его принятия.

Исходя из смысла закона, заявление потерпевшего должно содержать просьбу (указывать на его желание) прекратить уголовное дело в связи с примирением с лицом, в отношении которого оно возбуждено. При этом заявление потерпевшего должно рассматриваться как его ходатайство, требующее соответствующего разрешения в порядке главы 15 УПК РФ.

Правом на примирение прежде всего обладает сам потерпевший. Он решает вопрос о наличии либо отсутствии претензий к лицу, совершившему преступление, может отказаться от уголовного преследования этого лица, а также определяет размер компенсации за причиненный преступлением вред. Вместе с тем в числе лиц, правомочных выступать с заявлением о прекращении уголовного дела, законодатель наряду с потерпевшим называет его законного представителя. Однако отсутствие соответствующих право-

вых предписаний относительно возраста потерпевших – авторов заявлений порождает вопросы реального обеспечения их прав, в том числе при коллизии интересов данных субъектов.

Законными представителями являются родители, опекуны, попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых он находится, а также органы опеки и попечительства (п. 12 ст. 5 УПК РФ). Основные нормы, регулирующие участие законного представителя в судопроизводстве, сосредоточены в главе 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» и касаются, главным образом, законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого. Применительно к несовершеннолетнему потерпевшему процессуальный статус его законного представителя в достаточной степени не определен.

Своеобразие процессуального положения законного представителя обусловлено, во-первых, возможностью совмещения законным представителем в одном лице функции различных участников процесса (законного представителя, защитника, гражданского ответчика, свидетеля). Во-вторых, участие законного представителя в процессе происходит как в целях обеспечения повышенной охраны прав и законных интересов несовершеннолетнего в силу его ограниченной дееспособности, так и в целях выяснения роли самих законных представителей в формировании личности ребенка. [8, с. 37-38]

Вступление законных представителей в уголовный процесс не зависит от воли и желания представляемого лица, поскольку полномочия на представительство они приобретают не от представляемого (согласно доверенности), а на основании закона. Поэтому от оказываемой законным представителем помощи (в отличие от услуг договорного представителя) представляемый отказаться не может, как не требуется и согласия последнего на совершение каких-либо действий в его интересах законным представителем. [2, с. 82-84]

В юридической литературе среди большинства специалистов не вызывает сомнения тот факт, что в уголовном процессе законный представитель, защищая прежде всего интересы представляемого, отстаивает и свои собственные. Так, в соответствии с законом родители отвечают за вред, причиненный малолетними детьми (ст. 28, 1073 ГК РФ). Поэтому в случае совершения последними общественно опасного деяния ничто не мешает родителям во избежание имущественной ответственности доказывать, что вред причинен не по их вине. Кроме того, когда в отношении несовершеннолетнего совершено преступление (например, хищение), родители заинтересованы в возмещении материальных затрат, связанных с участием в производстве по делу, а также возмещении материального ущерба. Нельзя не учитывать и того, что интерес законного представителя может быть связан и с охраной сведений об интимных сторонах собственной или семейной жизни (например, охрана тайны усыновления), а также отстаиванием своей или семейной репутации.

Однако «двойная» заинтересованность законного представителя в деле не исключает возможности расхождения его личных интересов и интересов представляемого им лица. Поэтому для определения пределов права законного представителя потерпевшего на подачу заявления и решения вопроса о примирении, порядка разрешения противоречий между ним и представляемым и в конечном итоге для обеспечения интересов несовершеннолетнего потерпевшего имеет важное значение разграничение полномочий данных субъектов применительно к возрасту заявителя.

В юридической науке продолжительное время ведутся споры относительно возраста лица, заявление которого может служить поводом к началу уголовно-процессуальной деятельности. Для большинства процессуалистов не вызывает сомнения, что заявить о преступлении может как взрослый, так и несовершеннолетний (В.В. Кальницкий, В.А. Лазарева, В.В. Николук, С.Б. Мартыненко, Г. Филиппенков). Вместе с тем ученые весьма осторожны в определении минималь-

ной возрастной границы заявителя с точки зрения процессуально значимых последствий его обращения в компетентные органы. В данном случае, рассматривая проблему возрастных ограничений для авторов заявлений о преступлении, мы не видим принципиальных препятствий относительно использования аналогичных подходов к определению возраста заявителя о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон.

Специалисты обоснованно отмечают, что в качестве поводов к возбуждению уголовного дела закон допускает не всякие источники информации, а только те, которые максимально обеспечивают ее достоверность и возможность проверки. [6, с. 22] Не случайно в качестве одного из условий, обеспечивающих надежность сообщаемых заявителем сведений, законодатель рассматривает разъяснение ему ответственности за заведомо ложный донос (ч. 6 ст. 141 УПК РФ). Поскольку таковая по ст. 306 УК РФ предусмотрена с 16 лет, в теории уголовного процесса получила наибольшее распространение точка зрения о том, что именно с наступлением этого возраста связано абсолютное право подростка на самостоятельную подачу жалобы. Жалоба же, поступившая от 14-15-летнего пострадавшего, может служить поводом к возбуждению уголовного дела лишь при подтверждении ее законным представителем. В случаях совершения преступления в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста, жалоба может быть подана только его законным представителем.

Трудно не согласиться с тем, что коль скоро законодатель рассматривает 16-летнего молодого человека в качестве субъекта, отвечающего за свои поступки перед судом, то нет и оснований лишать его права на привлечение к уголовной ответственности правонарушителей (как и на примирение с ними) без согласия родителей.

По нашему мнению, при определении возраста потерпевшего, правомочного подавать заявление с просьбой о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, целесообразно придерживаться правила, исходя из которого возможность принимать самостоятельное решение о примирении лицо

приобретает по достижении 16 лет. Принимая во внимание, что лица младшего возраста обладают частичной дееспособностью, их заявление о примирении должно быть подтверждено законным представителем, однако независимо от позиции последнего мнение самого потерпевшего должно быть отражено в материалах дела и учитываться при принятии окончательного решения по делу. Если же преступление совершено в отношении малолетнего (до 14 лет) или недееспособного потерпевшего, т.е. лиц, не способных правильно оценить обстоятельства происшедшего, сущность и значение принимаемых по делу решений, то вопрос о примирении решается только с их законными представителями.

Неоднозначен подход к рассматриваемой проблеме и у правоприменителя. Так, уголовное дело, возбужденное по факту наезда на несовершеннолетнюю Р. (16 лет), было прекращено следователем на основании заявления ее отца, который в нем указал: «Я и моя дочь претензий не имеем». При этом волеизъявление самой потерпевшей в материалах дела не отражено (архив ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю, уголовное дело № 134588). Аналогичным образом ситуация была разрешена по уголовному делу, возбужденному по факту хулиганских действий в отношении потерпевшей К. (15 лет): уголовное дело было прекращено на основании заявления законного представителя К. – ее матери. Мнение по этому поводу самой потерпевшей неизвестно (архив ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю, уголовное дело № 6090815). Напротив, уголовное дело, возбужденное по факту угрозы убийством несовершеннолетнему Р. (17 лет), было прекращено на основании заявления потерпевшего. Законный представитель в производстве по делу не участвовал (архив ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю, уголовное дело № 19166113). Уголовное дело по факту нанесения побоев несовершеннолетней С. (16 лет) было прекращено на основании заявлений самой потерпевшей и ее законного представителя (архив ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю, уголовное дело № 77978). Более того, уголовное дело, возбужденное по факту причинения легко-

го вреда здоровью несовершеннолетнему А. (15 лет), было прекращено в судебном заседании на основании заявления законного представителя (его матери), несмотря на заявление потерпевшего, что он до сих пор «держит обиду» на подсудимого (архив Бородинского городского суда Красноярского края, уголовное дело № 1-49/2003). Уголовное дело по обвинению П. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, было прекращено в судебном заседании на основании заявления законного представителя потерпевшей в связи с тем, что «...они с П. примирились, и П. полностью загладил причиненный ее дочери (12 лет) вред...»; подсудимый П. в заседании заявил, что он также примирился с законным представителем потерпевшей (выделено нами. – О.Г., М.Г.). При этом мнение самой потерпевшей по поводу примирения в суде не выяснялось (постановление Дятьковского городского суда Брянской области от 27 сентября 2018 г. по делу № 1-155/2018. URL: sudact.ru).

Верховный Суд Российской Федерации выразил свое мнение по этому вопросу в постановлении Пленума ВС РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (п. 11): для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители (ч. 2 ст. 45 УПК РФ), имеющие те же процессуальные права, что и потерпевший (ч. 3 ст. 45 УПК РФ); в случае если мнение несовершеннолетнего потерпевшего по вопросу о примирении с обвиняемым и прекращении уголовного дела не совпадает с мнением его законного представителя, то основания для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон отсутствуют.

Что касается мотивов примирения, по нашему мнению, не имеет значения, действительно ли обвиняемый (подозреваемый) в совершении преступления искренне желает достичь примирения и загладить причиненный потерпевшему вред либо делает это исключительно ради облегчения своей дальнейшей судьбы. Однако в целях эффективной защи-

ты прав и интересов потерпевшего, обеспечения вынесения законного и обоснованного решения по делу необходимо установление мотивов (как со стороны обвиняемого, так и со стороны потерпевшего), приведших к возможности прекращения уголовного дела по данному основанию. Мотивы действий участников примирения могут быть разными, но обязательным, неотъемлемым условием является добровольность примирения. Лицо, ведущее производство по делу должно быть уверено, что согласие потерпевшего на примирение является исключительно добровольным, не служит следствием принуждения, запугивания, угроз со стороны лица, совершившего преступление, или его окружения.

Нередко на формирование практики реализации рассматриваемого института в регионах страны большое значение оказывает позиция руководителей правоохранительных органов. При этом положительная динамика применения ст. 25 УПК РФ на стадии предварительного расследования, имеющая место в полном соответствии «с духом и буквой» нормы, в целях наиболее полной и эффективной защиты прав и интересов потерпевших от преступлений, получает отрицательный эффект и вызывает оживленные споры. По мнению отдельных практических работников, решение следователя об освобождении от уголовной ответственности устанавливает отказ государства не только от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление, но и предупреждения других преступлений. В связи с этим правом прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, в том числе в связи с примирением сторон, должен обладать только суд.

По нашему глубокому убеждению, указанная точка зрения представляется весьма спорной. В этом случае возможна ситуация, когда законные интересы не только потерпевшего, но и обвиняемого нарушаются еще в большей степени. Наглядно такую коллизию иллюстрирует пример, уже ставший классическим.

Гражданин Л. совершил наезд на автомобиле на гражданку Ю., причинив ей вред здоровью средней тяжести. Л. с места происшествия не скрылся, доставил потерпевшую

в больницу. Характеризовался он положительно, ранее ни к уголовной, ни к административной ответственности не привлекался, безупречно водил автомобиль в течение нескольких лет. В ходе следствия между ним и потерпевшей было достигнуто соглашение о примирении и прекращении уголовного дела при условии выплаты в пользу потерпевшей в качестве компенсации определенной денежной суммы. Однако уголовное дело на стадии предварительного расследования прекращено не было, а было передано в суд. В суде дело рассматривалось в течение года. Помимо дополнительной нагрузки на суд и судью, связанной, в частности, с вызовом свидетелей, экспертов, понесли определенные издержки потерпевший и подсудимый. В итоге подсудимый был приговорен к шести месяцам лишения свободы условно, лишен водительских прав на один год. С него была взыскана сумма, которая оказалась в шесть раз меньше, чем та, которую могла получить от него потерпевшая. Тем самым приговор не совпал с законными интересами потерпевшей, не говоря уж об интересах подсудимого. [7, с. 74-75] И подобных примеров в практической деятельности множество.

Необходимо отметить, что у суда есть возможность расширить сферу деятельности института примирения сторон – с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих обстоятельств и отсутствииотячающих изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления при наличии условий, определенных уголовным законом (ч. 6 ст. 15 УК РФ).

Но защита прав и интересов лиц, потерпевших от преступлений, может и должна обеспечиваться не только в суде, но и на стадии предварительного расследования, в том числе когда принимается решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

Достижение целей уголовного процесса в случае прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон определяется и тем, насколько каждый участник триады (потерпевший – лицо, совершившее преступление,

– государство) реализовал при этом свои интересы. Для потерпевшего это, как правило, быстрая, своевременная и полная компенсация причиненного ему вреда; для лица, совершившего преступление, – освобождение от уголовной ответственности и тягот уголовного процесса; для государства – экономия времени и средств, связанных с уголовным судопроизводством.

В этой ситуации важно действительно соблюсти баланс защиты интересов именно потерпевшего, а в особенности – несовершеннолетнего потерпевшего, чтобы не нанести еще больший вред путем «принудительного» вовлечения в уголовное судопроизводство. Зачастую своевременное и оперативное прекращение уголовного дела может сделать больше для восстановления нарушенных преступлением общественных отношений, нежели судебный процесс, завершаемый приговором.

Так, водитель Б.В.В. 22 июня 2018 г., управляя автомобилем, в котором находилась ее дочь (14 лет), допустила его опрокидывание. В отношении Б.В.В. было возбуждено уголовное дело по признакам ч. 1 ст. 264 УК РФ. В ходе расследования уголовного дела от потерпевшей Б.С. и ее законного представителя Б.Д.С. (супруга обвиняемой) поступило ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, с пояснением, что они являются родственниками, обвиняемая – мама потерпевшей, они примирились, между ними близкие, хорошие отношения, она оказывает ей моральную и материальную поддержку, Б.Д.С. (законный представитель) и Б.В.В. (обвиняемая) совместно полностью оплачивают расходы на лечение дочери, в настоящее время лечение закончено, в связи с чем они просят о прекращении уголовного дела за примирением сторон.

Указанное ходатайство на стадии предварительного расследования удовлетворено не было, и уголовное дело было передано в суд.

В судебном заседании, проведенном в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (по правилам главы 40 УПК РФ) с учетом обстоятельств, что Б.В.В. к уголовной ответственности привлекается впервые, совершила преступление

небольшой тяжести, к административной ответственности, в том числе за нарушения ПДД, ранее не привлекалась; вину свою полностью признала, активно способствовала раскрытию и расследованию преступления, в содеянном раскаивалась, по месту жительства и по месту работы характеризовалась положительно, с потерпевшей и законным представителем потерпевшей находится в близких родственных отношениях, они проживают вместе одной семьей, потерпевшая является ее дочерью, которая находится на ее иждивении, в связи с чем подсудимая оплачивала лечение дочери и морально поддерживала ее, то есть она загладила причиненный вред; с дочерью она примирилась, было принято решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (постановление Брянского районного суда Брянской области от 12 сентября 2018 г. по делу № 1-99. URL: sudact.ru).

Бряд ли представляется оправданным в целях защиты личности в ходе уголовного судопроизводства, ее прав и интересов игнорировать мнение этой личности. Продолжение производства по уголовному делу вопреки воле потерпевшего еще больше усиливает его страдания, причиняет ему вред, часто гораздо больший, нежели нанесенный преступлением.

В подтверждение этому можно привести мысль, высказанную еще в начале XX века О. Липманом, о том, что уголовный процесс достигает своей цели лишь при том условии, если он одновременно с защитой государства от преступных посягательств способен защитить и гражданина от государства, от опасных ошибок и злоупотребления своей силой. [5, с. 92] По нашему мнению, следует согласиться с точкой зрения, согласно которой максимальная эффективность уголовного процесса означает минимальную тиранию со стороны государства. [1, с. 29-33] Подводя итог, следует отметить, что потерпевшим от преступлений, в том числе несовершеннолетним, должна быть предоставлена реальная, гарантированная возможность отстаивать свои интересы, защищать нарушенные права путем влияния на исход уголовного дела.

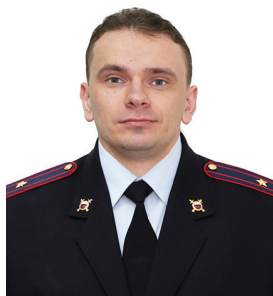

Библиографический список

1. Бажанов, С.В. Стоимость уголовного процесса : автореф. дис... д-ра юрид. наук / С.В. Бажанов. – Н. Новгород, 2002.
2. Галимов, О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве / О.Х. Галимов. – СПб., 2001.
3. Галимова, М.А. Уголовно-процессуальное примирение : монография / М.А. Галимова. – Красноярск, 2006.
4. Кабанов, П.А. Несовершеннолетние жертвы современной российской преступности: статистико-виктимологическое измерение (2009-2015 гг.) / П.А. Кабанов // Виктимология. – 2016. – № 3(9).
5. Липман, О. Психология допроса обвиняемого в уголовном процессе / О. Липман // Право и жизнь. – 1924. – № 3/4.
6. Михайленко, А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А.Р. Михайленко. – Саратов, 1975.
7. Руднев, В.И. Освобождение обвиняемого от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: уголовно-процессуальный аспект / В.И. Руднев // Журнал российского права. – 1999. – № 10.
8. Рыбальская, В.Я. Особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних / В.Я. Рыбальская. – Иркутск, 1972.
9. Цуканов, Н.Н. О принципе публичности в производстве по делам об административных правонарушениях / Н.Н. Цуканов // Административное право и процесс. – 2008. – № 4. – С. 7-10.

УДК 349.2

Александр Викторович КУРСАЕВ,

главный эксперт-специалист
Договорно-правового департамента
МВД России (г. Москва),
кандидат юридических наук

kursaev@list.ru

О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА ПРИ ВЕДЕНИИ РАБОТ

ON SOME FACTORS FOR CRIMINALIZATION OF VIOLATION OF LABOR SAFETY RULES AT CONDUCTING WORKS

В статье проводится анализ факторов криминализации нарушения правил охраны труда при ведении работ (статьи 143, 216 и 217 УК РФ). Анализируются характер и степень общественной опасности преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда при ведении работ, как основание для их криминализации. В условиях констатируемой невысокой общественной опасности данной группы преступлений (небольшой и средней тяжести), выраженной в санкциях уголовно-правовых норм, обращается внимание на условия, послужившие их криминализации, и проводится анализ каждого из этих условий.

The article analyzes the factors for criminalization of violation of labor safety rules at conducting works (Articles 143, 216 and 217 of the Criminal Code of the Russian Federation). The nature and degree of public danger of crimes related to violation of health and safety regulations at conducting works is analyzed as a basis for their criminalization. In the context of the low level of public danger of this group of crimes (crimes of little gravity and crimes of average gravity) which is reflected in the sanctions of criminal law, the author pays attention to the conditions that have served their criminalization, and analyses each condition.

Ключевые слова: криминализация, факторы криминализации, преступления, связанные с нарушением правил охраны труда при ведении работ.

Keywords: criminalization, factors of criminalization, crimes related to violations of labor safety rules at conducting work.

Уголовным законом поставлены под охрану общественные отношения в сфере обеспечения безопасности труда при производстве различного рода работ. Указанное выражается в наличии деяний, предусмотренных статьями 143 (нарушение правил охраны труда), 216 (нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ) и 217 (нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах) УК РФ.

Несмотря на разные объекты преступления (права и свободы человека и гражданина и общественная безопасность), названные преступления близки по форме и содержанию. Эта общность во многом определяется тем, что, стремясь обеспечить безопасность

труда, законодатель определяет общие правила охраны труда, а также специальные правила производства отдельных видов работ. При этом право на труд предполагает (включает) также и право на безопасность условий труда, когда работнику гарантируются определенные стандарты безопасности труда, исключающие причинение вреда жизни или здоровью, иного вреда либо угрозы их причинения. Таким образом, все рассматриваемые преступления, как отмечает И.П. Лановенко, выполняют единую задачу – пресечь какие-либо посягательства на трудовые права граждан, в том числе и те, которые связаны с безопасностью производства, и не допустить их. [10, с. 11-12]

Более того, и для статьи 143, и для статей 216 и 217 УК РФ общим объектом выступает безопасность производственных процессов. Только в статье 143 УК РФ право на безопасные условия труда выступает в качестве основного объекта, а в статьях 216 и 217 УК РФ основным объектом является общественная безопасность, обеспечение же безопасных условий труда выступает в качестве дополнительного объекта. В связи с этим рассматриваемые преступления выступают в качестве однородных.

В то же время мы не можем согласиться с мнением отдельных авторов о том, что преступления, связанные с нарушением специальных правил безопасности (статьи 143, 216 и 217 УК РФ), по своей природе являются однообъектными, в которых их основным непосредственным объектом выступают общественные отношения, направленные на обеспечение безопасного взаимодействия человека с источником повышенной опасности в той или иной сфере деятельности человека. В связи с этим объектом названных неосторожных преступлений в области взаимодействия человека и техники предлагается рассматривать отношения общественной безопасности в сфере использования технических устройств – источников повышенной опасности. [5, с. 41]

При этом тот факт, что преступления, связанные с источниками повышенной опасности, имеют некоторые общие черты в механизме их совершения, все же не позволяет рассматривать их в качестве единой классификационной категории с позиций уголовного права. Источник повышенной опасности определяет скорее сферу применения, нежели непосредственно оказывает влияние на объект преступления. Криминалисты, которые специально изучали уголовно-правовое значение источника повышенной опасности, также приходили к выводу, что составы неосторожных преступлений в сфере применения источников повышенной опасности имеют различные родовые объекты, которые находятся в разных главах УК РФ: общественная безопасность, безопасность дорожного движения и прочее. [8, с. 107]

Однако схожесть механизма преступного поведения однородных преступлений может

иметь существенное криминологическое значение, которое может заключаться в наличии общих причин их совершения и факторов криминализации, а также в мерах по их предупреждению.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2005 г. № 7-П сформулировал правовую позицию, согласно которой введение законом уголовной ответственности за то или иное деяние является свидетельством достижения им такого уровня общественной опасности, при котором для восстановления нарушенных общественных отношений требуется использование государственных сил и средств.

Аналогичных взглядов придерживается и криминологическая наука. Так, В.Н. Кудрявцев отмечал, что «уголовно-правовой запрет следует рассматривать как субсидиарный в том смысле, что наказание следует применять лишь в качестве последнего средства» [13, с. 106].

В связи с этим криминализация деяния должна опираться на определенные материальные и формальные предпосылки. По мнению А.Э. Жалинского, «модель противоправности является юридической конструкцией, которая прежде всего идентифицирует деяние, отграничивая его от всех сходных и не сходных с ним деяний. Она в определенных пределах обеспечивает «технику безопасности» в сфере легитимного государственного принуждения... Противоправность своим содержанием определяет, какие именно признаки деяния должны быть уголовным законом установлены с тем, чтобы соответствующий уголовно-правовой запрет был конституционным, а собственно уголовно-правовая оценка была полной. Это означает, что доктринальное понимание состава деяния, запрещенного уголовным законом, определяется пониманием противоправности» [7, с. 344, 349].

Таким образом, превращение социального факта в волеизъявление законодателя обусловлено определенными детерминантами.

Соответственно, обязательному обоснованию для любого преступления подлежат основания (действительные предпосылки, социальные причины возникновения или изменения уголовно-правовой нормы) и поводы (конкретные события, приведшие к постановке вопроса о криминализации того или иного

деяния) криминализации. Поводы и условия криминализации представляют собой факторы криминализации.

Одним из факторов криминализации преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда при ведении работ, является допустимость установления уголовно-правового запрета нормами Конституции РФ, регулятивного законодательства и нормами международного права.

Часть 3 статьи 37 Конституции РФ содержит правовую норму, согласно которой каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплат труда, а также право на защиту от безработицы. Указанное положение получило развитие в разделе X («Охрана труда») ТК РФ.

Международный пакт от 16 декабря 1966 года «Об экономических, социальных и культурных правах», участницей которого является Российская Федерация, устанавливает, что участвующие в Пакте государства признают право на труд, которое включает право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается, и предпримут надлежащие шаги к обеспечению этого права (часть 1 статьи 6). При этом участвующие в Пакте государства признают право каждого на справедливые и благоприятные условия труда, включая, в частности, условия работы, отвечающие требованиям безопасности и гигиены (пункт «b» статьи 7).

Вопросы обеспечения безопасности и гигиены труда нашли отражение в специальной Конвенции Международной организации труда от 22 июня 1981 г. № 155 «О безопасности и гигиене труда и производственной среде», ратифицированной Федеральным законом от 11 апреля 1998 г. № 58-ФЗ. Данная Конвенция предусматривает установление целого ряда экономических, правовых и организационных мер, направленных на обеспечение безопасных условий труда. С учетом части 2 статьи 9 названной Конвен-

ции система контроля проведения в жизнь законодательства и правил по безопасности и гигиене труда и производственной среде предусматривает принятие надлежащих санкций в случае нарушения законодательства и правил.

Исходя из анализа представленного краткого обзора законодательства Российской Федерации и норм международного права следует, что институты других отраслей российского права, специально не регулирующие отношения в сфере безопасности труда, также оказывают воздействие на процессы безопасности труда. Уголовное право в этом случае является одним из элементов такого воздействия. Подписание же Российской Федерацией международных документов предполагает и создание механизма их реализации в национальном законодательстве, интегрирование новых норм в действующую систему правовых актов, посвященных охране труда. Данные положения касаются и установления уголовной ответственности за нарушение правил безопасности труда.

Таким образом, криминализация деяний, связанных с нарушением правил охраны труда при ведении работ, обусловлена необходимостью создания правового механизма утверждения и обеспечения прав и свобод человека, связанных с реализацией его права на труд.

Криминализация в данном случае предполагает нарушение каких-либо правил позитивного (трудового) права, направленных на обеспечение безопасности труда.

В.С. Комиссаровым справедливо отмечалось, что характерным признаком преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда при ведении работ, является то, что соответствующие правила безопасности закрепляются в иных отраслях права и поэтому диспозиции статей УК РФ формулируются как бланкетные. [14, с. 173]

Бланкетность уголовного закона, при котором содержание отдельных элементов уголовно-правового запрета раскрывается не только в тексте УК РФ, но и следует из других правовых актов, также свидетельствует о необходимости охраны соответствующих общественных отношений уголовно-правовыми средствами.

В частности, Верховным Судом Российской Федерации в кассационном определении от 3 марта 2015 г. № 13-УД15-1 сформулирована правовая позиция, согласно которой под ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей виновным понимается поведение лица, полностью или частично не соответствующее официальным требованиям или предписаниям, предъявляемым лицу, в результате чего наступает смерть потерпевшего. Суть такого поведения заключается в отношении лица к правовым предписаниям, выражающемся в неисполнении предъявляемых требований. Исходя из этого обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности является установление правовых предписаний, регламентирующих поведение лица в той или иной профессиональной сфере. Отсутствие соответствующей правовой нормы (правил поведения) свидетельствует и об отсутствии самого общественно опасного деяния, поскольку в таком случае нельзя установить отношение лица к тем или иным правовым предписаниям (профессиональным обязанностям).

В связи с этим уголовно-правовой запрет в рассматриваемой сфере напрямую обусловлен наличием соответствующей правовой обязанности по обеспечению охраны труда и производственной безопасности.

Является также очевидным, что последствия общественно опасного деяния учитываются законодателем при решении вопроса о его криминализации.

Неосторожные преступления могут быть объявлены преступными только в том случае, если они повлекли достаточно серьезные последствия. Анализ конкретных нарушений правил безопасности труда подтверждает данный тезис.

В частности, Д.А. Безбородов отмечает, что общественная опасность нарушения правил безопасности при осуществлении строительных и иных видов работ состоит в том, что такого рода деяния могут повлечь за собой неблагоприятные последствия для жизни и здоровья не только лиц, производящих различные виды работ, но и для иных лиц, оказавшихся в сфере их выполнения, а также причинить крупный материальный ущерб. [1, с. 17]

Обобщая указанное высказывание применительно ко всем преступлениям рассматриваемой группы, следует согласиться с мнением С.А. Елисеева, Л.М. Прокументова и А.В. Шеслера о том, что именно наступившие последствия в виде смерти человека, причинения тяжкого вреда здоровью, крупного материального ущерба или иных вредных последствий придают нарушениям специальных правил безопасности свойство общественной опасности. [6, с. 64]

При этом вредные последствия могут наступить как в отношении лиц, задействованных при производстве различного вида работ, так и в отношении третьих лиц, не связанных непосредственно с производственной деятельностью.

Также нельзя упускать из внимания и то, что многие виды производственной деятельности в силу специфики и свойств технологических процессов изначально предполагают наличие потенциально высокой степени опасности причинения вреда физическим и имущественным интересам как конкретного индивида, так и общества в целом. Точное и неукоснительное соблюдение специальных правил предосторожности в процессе трудовой деятельности является необходимым условием для предотвращения наступления общественно опасных последствий.

Таким образом, несомненно, общественная опасность преступлений, связанных с нарушением правил безопасности при производстве работ, учитывается при криминализации рассматриваемых преступлений. Особенно это актуально в связи с тем, что деяния, предусмотренные статьями 143, 216 и 217 УК РФ, совершаются, как правило, с неосторожной формой вины. Соответственно, их криминализация возможна только в случае наступления достаточно серьезных последствий, предусмотренных уголовным законом, связанных с существенным нарушением трудовых прав граждан и состояния общественной безопасности. Именно наступившими последствиями и оценивается тяжесть рассматриваемых преступлений.

В то же время последствия преступлений, предусмотренных статьями 143, 216 и 217 УК РФ, связаны с дополнительным объектом – жизнью, здоровьем, отношения собственно-

сти. Такими последствиями выступают причинение тяжкого вреда здоровью человека, смерть одного человека или нескольких лиц, причинение крупного ущерба на сумму, превышающую 500 тыс. рублей. В связи с этим криминализация нарушений правил безопасности при производстве работ связана не с негативным изменением в основном объекте, которыми выступают общественная безопасность или конституционные права граждан, а со степенью вреда, причиненного дополнительному объекту. Степень этих изменений выступает в качестве обстоятельства, позволяющего, во-первых, разграничить уголовно наказуемые и уголовно не наказуемые деяния и, во-вторых, дифференцировать уголовную ответственность путем конструирования основного состава преступления, квалифицированного и особо квалифицированного составов в зависимости от тяжести наступивших преступных последствий.

Преступные последствия в статьях 143, 216 и 217 УК РФ могут иметь и отдаленный характер, на что также обращается внимание в литературе при оценке характера и степени общественной опасности нарушения правил безопасности в сфере труда.

Например, И.А. Белецкий в качестве таких последствий предлагает рассматривать посттравматическое стрессовое расстройство (отсроченный или затянувшийся ответ на стрессовое событие исключительно угрожающего или катастрофического характера) потерпевшего. Автором также отмечается, что само последствие в виде причинения жизни или здоровью в результате нарушения правил безопасности при производстве работ может приобрести характер отдаленного, например, если преступные последствия в результате нарушения наступили не сразу, а спустя продолжительное время. [2, с. 36-38]

Кроме того, помимо описанных в уголовном законе последствий преступный результат может также включать в себя: 1) дезорганизацию взаимодействия связей людей, применяющих и использующих технику; 2) разрушение или повреждение предметов, удерживающих силы природы в контролируемом русле либо контролирующего процесс такого удержания; 3) снижение надежности технического персонала. [4, с. 37]

Характер и степень общественной безопасности преступлений, связанных с нарушением правил безопасности в сфере труда, столь высоки, что законодатель пошел даже на конструирование состава поставления в опасность в статье 217 УК РФ (в редакции, действовавшей до изменений, внесенных Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 114-ФЗ). Учитывая вышеизложенное, последствия преступных деяний в статьях 143, 216 и 217 УК РФ свидетельствуют о достаточно высокой их общественной опасности, создающей необходимое основание для их криминализации.

Однако характер и степень общественной опасности рассматриваемых преступлений, обуславливая их криминализацию, все же не совсем адекватно воспринимаются законодателем.

Анализ практики применения наказания за преступления, предусмотренные статьями 143, 216 и 217 УК РФ, осуществленный И.А. Белецким, свидетельствует, что по основным составам преступления из 84 изученных приговоров только в одном было назначено наказание в виде лишения свободы, да и то условно. В остальных случаях в качестве наказания был назначен штраф. Схожая ситуация имеет место и при назначении наказания за квалифицированные составы. Несмотря на то, что рассматриваемые составы относятся к преступлениям средней тяжести, средний срок лишения свободы, назначенного в качестве основного наказания, составляет 18-19 месяцев. При этом из 77 изученных приговоров только в двух случаях лишение свободы не было условным. [2, с. 130, 131]

В отдельных случаях диссонанс санкции и наказания может свидетельствовать о необоснованности криминализации деяний, направленных на обеспечение безопасности труда, что обуславливает дополнительные научные поиски в этом направлении.

Подтверждением этому является и утверждение Л.И. Спиридонова о том, что преступление «выступает не как объективное свойство поступка человека, разрушающего объективно существующий порядок отношений между людьми, а как результат применения к индивиду норм и санкций, которые, собственно, и превращают его в преступника...» [15, с. 97].

Кроме того, вина в составах преступлений, предусмотренных статьями 143, 216 и 217 УК РФ, традиционно определяется в виде преступной неосторожности. [14, с. 186, 188] Российское же уголовное право стоит на позициях ограничения ответственности за неосторожное преступление, что вытекает из части 2 статьи 24 УК РФ.

Не будет ли стремление правоприменителя к назначению наиболее низкого размера наказания в статьях 143, 216 и 217 УК РФ свидетельствовать о неверном определении законодателем общественной опасности рассматриваемых преступлений?

Полагаем, что оснований для данного вывода не имеется, что обусловлено тяжестью наступившего преступного вреда. Коррекция же правоприменителем размера санкций, заложенных законодателем, свидетельствует скорее о неверном определении ее максимального размера. В.Е. Квашис по этому поводу справедливо отмечает, что редкое использование мер наказания, расположенных ближе к верхним пределам санкции статей за неосторожные преступления, является одним из индикаторов завышенности санкций. [9, с. 80]

К числу детерминант криминализации нарушения правил охраны труда следует отнести распространенность, повторяемость данных деяний.

Соблюдение указанного принципа требует, чтобы криминализуемые деяния носили неединичный характер. Соответственно, преступления в области обеспечения безопасности труда не должны быть случайными или редкими для общества, а тем более обуславливаться какими-либо исключительными обстоятельствами. Как отмечает Н.А. Ло-

пашенко, «нельзя создавать отдельную норму на каждый факт отклоняющегося поведения, даже если оно – поведение – общественно опасно» [11, с. 113]. С другой стороны, не всегда обоснованной является криминализация и чрезмерно распространенных деяний, так как это может являться обстоятельством, свидетельствующим о необходимости применения иных, не связанных с привлечением к уголовной ответственности, мер реагирования. Например, данные деяния могут влечь административное наказание.

Г.А. Злобин правильно отмечает, что преступное поведение любого рода в сущности своей есть поведение девиантное, отклоняющееся от реальных, объективно существующих социальных норм. Оно не может быть ни всеобщим, ни даже чрезвычайно широко распространенным. В противном случае любая попытка криминализовать слишком распространенные формы поведения будет дисфункциональной, так как результат выйдет за пределы практических возможностей уголовной юстиции, что приведет к безнаказанности деяний, объявленных преступлениями. [13, с. 218-219]

И.М. Гальперин при обосновании введения в уголовной закон ответственности за какое-либо деяние также предлагал изучить распространенность конкретных действий и оценить типичность их как формы проявления антиобщественного поведения. [3, с. 58]

Выполнение данного правила требует обращения к статистическим сведениям. Данные ГИАЦ МВД России свидетельствуют о следующем количестве зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьями 143, 216 и 217 УК РФ.

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Статья 143	558	587	516	517	483	505	544	560
Статья 216	234	257	293	312	319	421	352	431
Статья 217	24	18	18	17	17	18	28	20
Всего	810	862	827	846	819	944	924	1011

При этом при оценке распространенности рассматриваемых преступлений следует учитывать и уровень их латентности. Так, коэффициент латентности рассматриваемых преступлений составил (на 2009 год): по ста-

тье 143 – 9,5, по статье 216 – 5,0, по статье 217 – 3,3. [16, с. 205, 365, 367] Столь высокий уровень латентности объясним тем, что рассматриваемые преступные посягательства являются «спутниками» производственного

процесса, их укрывательство производится одной из сторон трудовых отношений, что сказывается на эффективности контроля за условиями выполнения работ. Достаточно высокая латентность преступлений, связанных с нарушением правил безопасности при ведении работ, ведет к искажению данных о зарегистрированной преступности и приводит к нейтрализации уголовно-правовых мер борьбы с ней, а также мер по обеспечению охраны и безопасности труда, гарантированных Конституцией РФ (часть 3 статьи 37). В связи с этим латентность данных преступлений также обуславливает их повышенную общественную опасность.

Повторяемость также является необходимым элементом криминализации в рамках рассматриваемого криминализационного фактора. Повторяемость преступлений свидетельствует о том, что криминализации подлежат не единичные эксцессы, а поступки людей, которые могут являться примером человеческой практики, пусть и негативной, а их носители продуцируют данное поведение в качестве прецедента.

Учитывая вышеизложенное, распространенность и повторяемость на территории Российской Федерации преступных деяний, связанных с нарушением правил охраны труда, правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ и правил безопасности на взрывоопасных объектах, несомненно, является одним из факторов криминализации. Значение этого фактора всегда будет оставаться на высоком уровне, что обусловлено расширением сферы производства.

Иные же нарушения правил охраны и безопасности труда, не подпадающие под действие статей 143, 216 и 217 УК РФ, могут быть квалифицированы по статьям 5.27 (Нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права) или 5.271 (Нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации) КоАП РФ, что позволяет обеспечить применение мер государственного реагирования на более распространенные, но представляющие меньшую общественную опасность деяния.

При рассмотрении вопросов криминализации деяний необходимо также исходить из того, чтобы уголовно-правовой запрет не был избыточным. Данное правило актуально и для преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьями 143, 216 и 217 УК РФ, так как неизбежно возникнет вопрос об исключении возможного дублирования данных деяний с частью 2 статьи 109 или частью 2 статьи 118 УК РФ, установившими уголовную ответственность за причинение смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

При оценке уголовно-правового запрета, установленного статьями 143, 216 и 217 УК РФ (по сравнению со статьями 109 и 118 УК РФ), следует исходить из большей общественной опасности данных преступлений, что нашло выражение в санкциях статей. Так, по части 2 статьи 109 УК РФ максимальное наказание составляет три года лишения свободы, а за аналогичное деяние по статье 143 УК РФ – четыре года лишения свободы.

Неизбыточность уголовно-правового запрета выражается также и в исключении возможного дублирования уголовно-правовых норм. Названное правило чрезвычайно важно, так как позволяет избежать двойного привлечения к уголовной ответственности за одно и то же деяние. В судебной практике данное требование реализуется в выработке правил квалификации, направленных на исключение квалификации деяния как совершенного по совокупности преступлений. Так, в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» высшей судебной инстанцией рекомендовано учесть, что, если причиной возникновения пожара явилось нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, на взрывоопасных объектах, при ведении горных, строительных или иных работ либо нарушение правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, лег-

ковоспламеняющихся веществ, пиротехнических изделий и т.п., содеянное охватывается специальными составами преступлений (статьями 215, 216, 217 и 218 УК РФ и др.) и дополнительной квалификации по статье 219 УК РФ не требует. Фактически указанные разъяснения заимствованы из пункта 11 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. № 16 «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ», так как они сохранили свою актуальность до настоящего времени и соответствуют сложившейся судебной практике.

В статьях 143, 216 и 217 УК РФ имеет место посягательство виновного лица на два объекта сразу, что и требует учета законодателем при определении тяжести уголовной репрессии. Нельзя забывать и о несхожести объективной стороны деяний, лиц, которые могут выступать в качестве потерпевших. Данные обстоятельства свидетельствуют, что требования избыточности уголовно-правового запрета законодателем соблюдены.

В связи с этим выделение из части 2 статьи 109 и части 2 статьи 118 УК РФ уголовно-правовых норм, закрепленных в статьях 143, 216 и 217 УК РФ, свидетельствует о качественном изменении уголовного закона и процесса криминализации, так как они отражают процесс дифференциации уголовного законодательства с учетом общественной опасности деяния и личности виновного путем выделения из более общих по своему содержанию норм уголовного права.

Необходимой предпосылкой правильности криминализации является также учет правосознания и общественной психологии. Уголовно-правовой запрет, как отмечает С.А. Маркунцов, доводит до адресата определенный набор уголовно значимых признаков запрещенного деяния, очерчивая границы дозволенного поведения субъекта правовых отношений, оказывает ориентационное воздействие на гражданина и влияет на его систему ценностей, мотивируя правомерное поведение. [12, с. 202]

Соответственно, эффективность уголовно-правового запрета будет в немалой степе-

ни зависеть и от его восприятия потенциальным адресатом уголовно-правовой нормы. Ценностные ориентации криминализации должны совпадать с социальными потребностями и ценностями общества. В противном случае уголовный закон может нести в себе и разрушающий эффект.

При этом закрепление в УК РФ составов преступлений не должно быть конъюнктурным, надуманным, так как уголовное право создается и применяется в соответствии с действительными потребностями и наличием возможностями общества. [7, с. 180]

В случае если настроения общества совпадают с уголовно-правовым воздействием, уголовно-правовой запрет может многократно усиливаться и моральным запретом, что повышает эффективность криминализации. Кроме того, само общество может рассматриваться как субъект уголовно-правового ресурса. Одним из таких условий криминализации и следует рассматривать ожидания общества по поводу наказания лиц, виновные действия которых привели к серьезным последствиям.

Так, в определении Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2017 г. № 218-О описан случай, когда к ответственности по части 3 статьи 217 УК РФ был привлечен гражданин Ф., который, будучи директором филиала «Шахта «Ульяновская», нарушил правила безопасности на взрывоопасном объекте, вследствие чего в подземных выработках шахты сложилась взрывоопасная обстановка, ставшая причиной аварии 19 марта 2007 года со взрывами метановоздушной смеси и угольной пыли. Авария повлекла по неосторожности смерть 110 человек и причинение крупного ущерба.

Трудно в данном случае ожидать от общества иных побуждений, кроме привлечения виновного лица именно к уголовной ответственности. В связи с этим невозможна и успешная борьба с общественно опасными посягательствами, связанными с нарушением правил охраны труда при ведении работ, иными, менее репрессивными, не уголовно-правовыми средствами. Учет социальной обстановки в этом случае свидетельствует об уголовно-политической адекватности криминализации, которая имеет целью соответствие каждого

изменения уголовного закона основным тенденциям социальной политики и социального развития общества [13, с. 224-226].

Резюмируя вышеизложенное, следует сделать вывод о закономерной криминализации в российском уголовном законе деяний, предусмотренных статьями 143, 216 и 217

УК РФ, которыми установлена уголовная ответственность за нарушение правил безопасности труда при ведении различного рода работ, так как общественная опасность данных посягательств является достаточной для перевода их в категорию преступлений.

Библиографический список

1. Безбородов, Д.А. О некоторых особенностях применения уголовного закона в случае нарушения правил безопасности при ведении строительных и иных работ / Д.А. Безбородов // КриминалистЪ. – 2014. – № 2.
2. Белецкий, И.А. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при производстве работ или оказании услуг / И.А. Белецкий. – М., 2018.
3. Гальперин, И.М. Уголовная политика и уголовное законодательство / И.М. Гальперин // Основные направления борьбы с преступностью. – М., 1975.
4. Гринберг, М.С. Технические преступления / М.С. Гринберг. – Новосибирск, 1992.
5. Евдокимов, А.А. Нарушение специальных правил безопасности в уголовном праве России / А.А. Евдокимов. – М., 2012.
6. Елисеев, С.А. Уголовно-правовая характеристика нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах / С.А. Елисеев, Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». – 2015. – № 1.
7. Жалинский, А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. – М., 2015.
8. Зенцова, С.А. Источник повышенной опасности и его уголовно-правовое значение / С.А. Зенцова. – СПб., 2011.
9. Квашиш, В.Е. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1967-2014 гг.) / В.Е. Квашиш. – СПб., 2015.
10. Лановенко, И.П. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан / И.П. Лановенко, Г.И. Чангули. – Киев, 1989.
11. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика / Н.А. Лопашенко. – М., 2009.
12. Маркунцов, С.А. Теория уголовно-правового запрета / С.А. Маркунцов. – М., 2015.
13. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М., 1982.
14. Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. Т. IV. Преступления против общественной безопасности. – СПб., 2008.
15. Спиридонов, Л.И. Социология и уголовное право / Л.И. Спиридонов. – М., 1986.
16. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. – М. 2013.

УДК 343.85

Сергей Анатольевич ЗЛОТНИКОВ,
заместитель начальника 1 управления – начальник
отдела организации оперативно-розыскной
деятельности Главного оперативного
управления ФСИН России (г. Москва),
кандидат юридических наук

Zlotnikov.s.a@fsin.uis

КРИТЕРИИ И ОПТИМИЗАЦИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

CRITERIA AND OPTIMIZATION OF THE EFFICIENCY OF CORRECTION OF CONVICTS: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS

В статье рассматриваются проблемы достижения целей и задач уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Критикуется современная организация исполнения наказаний, связанных с лишением осужденного свободы. Анализируются теоретические и практические аспекты критериев исправления преступника. Обосновываются наиболее оптимальные критерии ресоциализации личности в условиях изоляции от общества. Делается вывод о важности правоприменительной оценки стремления осужденного к успешной социальной реинтеграции.

The article deals with the problems of achieving the goals and objectives of the criminal executive legislation of the Russian Federation. The modern organization of the execution of punishments related to the deprivation of a convicted liberty is criticized. The theoretical and practical aspects of the criteria for the correction of the offender are analyzed. The most optimal criteria for the resocialization of the individual in isolation from society are substantiated. The conclusion is made about the importance of the law enforcement assessment of the convicted person's desire for successful social reintegration.

Ключевые слова: воспитательная колония, исправительное воздействие, пенитенциарное учреждение, постпенитенциарный рецидив, трудовые навыки, тюремное население.

Keywords: educational colony, correctional impact, penitentiary institution, post-penitentiary relapse, labor skills, prison population

Статистические сведения о современной уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС) демонстрируют неуклонное снижение тюремного населения, что является прямым следствием проводимой государственной политики в этой области. Так, по состоянию на 1 февраля 2019 г. в учреждениях УИС содержались 557 684 чел. (- 44500 чел. к 01.01.2018):

– в 705 исправительных колониях отбывали наказание 456 508 чел. (-38500 чел.), в том числе: в 123 колониях-поселениях – 33 360 чел. (-1400 чел.); в 7 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смерт-

ная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, – 2 034 чел. (+30 чел.);

– в 211 следственных изоляторах и 97 помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях, – 98 666 чел. (-5800 чел.);

– в 8 тюрьмах – 1 203 чел. (-220 чел.);

– в 23 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 1 307 чел. (-93 чел.).

Ежегодно измещения свободы освобождаются десятки тысяч человек и более трети из них вновь совершают новые преступления.

Исполнение наказаний находится в плоскости правового поля, закрепленного в уголовно-исполнительном законодательстве,

нормативных документах, в том числе разработанных Минюстом и ФСИН России, и имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Аналогичные по своей сути задачи были закреплены в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР, принятом в 1970 году, где задачей законодательства являлось обеспечение исполнения уголовного наказания, не только в целях кары за совершенное преступление, но и исправления и перевоспитания осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития, предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами; законодательство также должно было способствовать искоренению преступности.

Государственная система исполнения лишения свободы по ряду объективных факторов не является совершенной и требует внесения изменений в законодательство и смены сложившихся в сознании сотрудников парадигм. Только после этих корректировок можно сделать шаг к намеченным уголовно-исполнительным законодательством целям и задачам.

Современная организация исполнения наказаний, связанных с лишением человека свободы, в подавляющем большинстве учреждений системы УИС не достигает определенных законодательством результатов по не зависящим от сотрудников УИС и их руководителей факторам, в большей степени ввиду отсутствия их заинтересованности в достижении целей наказания, определенных законодательством. Официальной статистикой ФСИН России не предусмотрен учет лиц, совершивших повторные преступления после освобождения из мест лишения свободы, кроме того необходимы анализ причин постпенитенциарного рецидива и выработка соответствующих организационно-правовых мер.

В рамках работы непосредственно с осужденными, отбывающими лишение свободы, необходимо четко определить критерии, в соответствии с которыми человек, отбыв определенный период в государственных учреждениях, обеспечивающих изоляцию от

общества, будет готов, а главное, будет сам внутренне желать, не совершая повторных преступлений, осуществлять свою жизнедеятельность в соответствии с установленными в обществе нормами. Попытка определения критериев, по которым можно судить об исправлении преступника и его готовности осуществлять правомерное общественное функционирование после освобождения из мест лишения свободы, достаточно длительное время обсуждается в научной литературе. [3, с. 116-123; 4, с. 99-103; 5, с. 37-44] Кроме того, указанные критерии определялись и во ФСИН России в 2009 году при попытке внедрения в практическую деятельность учреждений системы так называемых «социальных лифтов». Система «социальных лифтов», или стимулов для осужденных к их законопослушному поведению и оптимальной ресоциализации, определяла основные критерии оценки исправления осужденных и соответствующие им степени исправления. Так, в качестве оценки исправления осужденного предложены следующие критерии:

- поведение (соблюдение требований режима отбывания наказания);
- отношение к труду, в том числе и к общественно полезному, без оплаты;
- отношение к совершенному преступлению;
- отношение к назначенному наказанию;
- возмещение причиненного ущерба, загладывание вины в совершенном преступлении;
- участие в воспитательных мероприятиях, получении общего и начального профессионального образования и профессиональной подготовки;
- участие в работе совета коллектива осужденных (в тюрьмах не используется);
- принадлежность к неформальным группам различной направленности;
- поддержание социально полезных связей;
- готовность к психологическому тестированию.

Также были определены степени исправления осужденных:

- не встал на путь исправления;
- становится на путь исправления;

- встал на путь исправления;
- твердо встал на путь исправления.

В дальнейшем планировалось внести соответствующие изменения в законодательные акты, предусмотрев возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания только для осужденных, твердо вставших на путь исправления.

Рассматривая разработанную систему «социальных лифтов», с одной стороны, можно констатировать попытку вернуться к положениям УК РСФСР и ИТК РСФСР, где были определены степени и критерии исправления осужденных; с другой стороны, была обозначена определенная позиция в той или иной мере определить, что значит исправление и какие действия должен предпринять осужденный для того, чтобы иметь возможность досрочно освободиться из мест лишения свободы, как должны оценивать результаты исправительного процесса администрация исправительного учреждения и суд при решении вопроса условно-досрочного освобождения.

Однако, по нашему мнению, относиться к большинству указанных критериев исправления можно достаточно критично. Осужденный, имеющий желание освободиться досрочно, будет в большей мере приспосабливаться к определенным критериям, чем исправляться, и данная тенденция будет иметь место непосредственно перед наступлением срока возможного досрочного освобождения. По мнению П.В. Голодова, также отсутствует логика и однозначность и в построении самой системы «социального лифта», конструировании ее основных элементов. [2, с. 26-33]

На наш взгляд, наиболее правильной позиции придерживается Ю.В. Баранов, предлагая при рассмотрении вопроса о применении основных средств исправления критерии оценки позитивного поведения осужденного не связывать с выполнением последним определенных функций в рамках пенитенциарного учреждения, с его правомерным поведением, добросовестным отношением к труду и обучению внутри исправительной системы. Действия (бездействие) осужденного должны оцениваться только с точки зрения его подготовки к освобождению через процессы его

ресоциализации или социализации, данные критерии должны указывать на изменения в системе социализации осужденного, его приспособления, подготовки и обучения к жизни в нормальной социальной среде. [1, с. 146]

Как представляется, необходимо давать оценку исправления осужденному за весь период отбывания наказания, принимая в учет все факторы, свидетельствующие об изменении ценностных ориентаций в плане социализации личности, и непосредственно стремление осужденного к их изменению, при подготовке его к освобождению.

По нашему мнению, критериями готовности к жизни в обществе после освобождения могут быть:

- готовность к соблюдению установленного порядка отбывания наказания (отсутствие действующих дисциплинарных взысканий);
- повышение образовательного и культурного уровня осужденного в период отбывания лишения свободы;
- определение осужденным четкой жизненной позиции после освобождения, направленной на обеспечение нормального функционирования в обществе, стремление к установленной позиции;
- готовность законным путем обеспечивать свое существование после освобождения;
- отсутствие склонности к употреблению наркотических средств, алкогольной зависимости (прохождение в период отбывания наказания курса лечения от алкогольной и наркотической зависимости, кодирование);
- приобретение профессии в период отбывания наказания, которая будет служить для осужденного источником его существования после освобождения;
- возмещение ущерба, причиненного преступлением, стремление к погашению исковых обязательств, к уплате алиментов;
- установление и поддержание социально полезных связей с лицами, могущими оказать помощь осужденному после освобождения;
- внутреннее убеждение о необходимости соблюдения установленных обществом норм поведения;
- отношение к труду, в том числе и к общественно полезному.

Этот перечень не является исчерпывающим и может быть дополнен в зависимости от категорий лиц, отбывающих лишение свободы. На наш взгляд, при применении критериев исправления необходимо подходить индивидуально, исходя из личности осужденного и его стремления к приобретению социально полезного статуса.

Анализируя практику проведения эксперимента по внедрению «социальных лифтов» в деятельность системы исполнения наказаний, можно констатировать, что сама идея была правильной и имеет право на жизнь, однако основные ее принципы и положения требуют более глубокой научной и практической проработки. Основным критерием, без которого невозможно достижение поставленного результата, должна быть обоюдная заинтересованность сотрудников учреждений и непосредственно объекта воздействия, осужденного, содержащегося в учреждении системы ФСИН России.

О критериях исправления в период отбытия наказания с учетом практики работы учреждений, исполняющих лишение свободы, говорить будет, скорее всего, неверно. Правильнее будет сказать о необходимости достижения намеченного в ходе исполнения лишения свободы определенного результата, о достижении (либо недостижении) критериев, в соответствии с которыми можно судить о готовности человека функционировать согласно общественным и государственным нормам. Во-первых, у человека, совершившего преступление, должно быть выработано внутреннее убеждение о недопустимости совершения преступлений. В работе сотрудников УИС на этом должен быть сделан акцент. Склонность человека к совершению правонарушений должна определяться постоянно, как на первоначальных этапах отбытия наказания, так и на этапах предстоящего освобождения. В данном случае эту оценку должны давать специалисты, психологи, используя уже существующие методики. Склонность к совершению правонарушений должна учитываться при рассмотрении вопроса о досрочном освобождении от наказания, а также в случаях замены его более мягким видом.

Следующим критерием является наличие определенной установки на жизнь после освобождения, человек должен сам реально понимать и иметь четкое представление о том, как он будет осуществлять свою жизнедеятельность на длительный срок, хотя бы первые 3-5 лет после освобождения, в период отбытия наказания он должен самостоятельно подготовить программу своей жизнедеятельности, оценку которой должны дать соответствующие специалисты, при этом не исключается оказание соответствующей помощи и корректировка программы с целью достижения желаемого результата.

Несомненно, одного желания и сформированной в сознании идеи жить в соответствии с общественными нормами явно недостаточно, специалистами должна быть объективно оценена личность, определены факторы, которые уже привели к совершению преступления, за которые человек помещен в места изоляции, намечены мероприятия по корректировке негативных личностных качеств и развитию положительных. Несомненно, будут необходимы мероприятия по развитию определенных личностных качеств, которые в дальнейшем будут способствовать адаптации в обществе после отбытия наказания.

Критерий формирования трудовых навыков и желания трудиться в целях обеспечения своего существования, обеспечения потребностей семьи должен развиваться в соответствии со складывающимися потребностями рынка труда на предполагаемой территории проживания.

Если исходить из того, что совершение преступления (и, как следствие, помещение индивида в места изоляции) происходит, как правило, на основании регулярного нарушения общественных правил и норм, является социальным «заболеванием», должна быть разработана соответствующая программа «лечения», составленная на основании проведения ряда диагностических исследований, послуживших причиной «заболевания».

Что касается непосредственно самого механизма «лечения», а точнее, порядка отбытия наказания, то акцент должен быть сде-

лан на формировании такой линии поведения лица, при которой его реальные условия жизнедеятельности в учреждении будут прямо зависеть от соблюдения им установленных правил и выполнения рекомендаций специалистов. При этом необходимо отметить, что указанная система будет действенной только в том случае, если лицо будет ощущать реальные изменения условий при отбытии наказания, если будет реально работать система стимулов в рамках действующего законодательства. Необходимо предоставить человеку право выбора пути, который он считает правильным.

Учитывая, что в исправительных учреждениях содержится в основном работоспособная, социально активная категория граждан, с учетом преобладания присущих каждому человеку потребностей в самоактуализации необходимо предоставить каждому осужденному возможность найти себя (проявить) даже в условиях отбывания лишения свободы. Существующая система исполнения уголовных наказаний настроена на то, чтобы исключить возможности развития и проявления личности, она ориентирована на соблюдение требований установленного порядка, что, несомненно, является необходимым условием исправительного воздействия. Однако в силу определенных карающих факторов данная система заставляет лиц объединяться в группы с целью противопоставления себя существующему порядку, отстаиванию групповых интересов, затрагивающих каждого участника группы. [6, с. 108-115] На фоне указанных разногласий длительное время существует и поддерживается большинством лиц, находящихся в местах изоляции, сформированная система неформальных социальных отношений, имеющая целью поддержание внутреннего социального порядка и построенная на

поддержании определенных норм поведения, которые обеспечиваются сообществом. В рамках неформального сообщества существует главная, определяющая поведение людей возможность проявить свои личностные качества, и не важно, что они в большинстве направлены на оказание противодействия существующему, определенному правовыми нормами порядку. В итоге с целью индивидуализации (проявления), противопоставления себя угнетающей личности системе возникают скрытые процессы, в большинстве направленные на оказание противодействия существующему порядку, что негативным образом сказывается на взаимоотношениях с персоналом учреждений. Ведь без конструктивного взаимодействия составных частей отдельно функционирующего организма, коим и является учреждение, невозможно достичь желаемого, в нашем случае позитивного результата. При наличии возможности личности трудиться, развиваться, поддерживать социально полезные связи в необходимых, социально полезных рамках, при этом поддерживая конструктивное взаимодействие с персоналом учреждений, неизбежно будет формироваться социально активная и полезная личность.

Таким образом, в процессе исполнения и отбывания уголовного наказания требуется обоснованная правоприменительная оценка исправления осужденного, в основу которой могут быть положены критерии, отражающие поведение осужденного в течение всего периода исправительного воздействия, учитывающие все факторы по изменению его ценностных ориентаций в плане социализации личности, демонстрирующие стремление осужденного к успешной реинтеграции в общество.

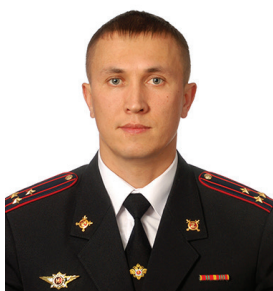
Библиографический список

1. Баранов, Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии / Ю.В. Баранов. – СПб., 2006.
2. Голодов, П.В. Проблемы применения системы «социального лифта» в условиях исправительного учреждения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте / П.В. Голодов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 2.
3. Скаков, А.Б. Об оценке поведения осужденных, лишенных свободы / А.Б. Скаков // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13. – № 2.
4. Скорик, Е.Н. О некоторых проблемах определения критериев оценки достижения целей наказания / Е.Н. Скорик // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 2 (31).
5. Тепляшин, П.В. Многокритериальный подход при конкурсном отборе осужденных к условно-досрочному освобождению / П.В. Тепляшин // Пролог: журнал о праве. – 2014. – Т. 2. – № 4.
6. Тепляшин, П.В. Социокультурные установки как детерминанта преступного поведения личности (в контексте феномена пенитенциарной системы) / П.В. Тепляшин, А.С. Сергиенко // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2015. – № 3.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 343.10

Даниил Георгиевич ШАШИН,

доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

shashin06@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПОЛУЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ИНФОРМАЦИИ ОТ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ, ПРЕСЕЧЕНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

TO THE ISSUE OF OBTAINING BY OPERATIONAL UNITS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES INFORMATION FROM CREDIT ORGANIZATIONS IN REVEALING, PREVENTING, SUPPRESSING AND SOLVING CRIMES RELATED TO DRUG TRAFFICKING

В работе рассматриваются проблемные вопросы взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел с кредитными организациями в части получения в ходе выявления и расследования преступлений информации о движении средств физических и юридических лиц, как непосредственно связанных с незаконным оборотом наркотиков, так и сопутствующих им (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем). Критически оцениваются положения законодательства в рассматриваемой области и обосновываются предложения по его изменению.

The article considers the issues of interaction between operational units of the bodies of internal affairs and the credit organizations connecting with the obtaining information in the course of revealing and investigating crimes information concerning the movement of funds of individuals and legal entities, both directly related to drug trafficking and associated with them (legalization of monetary assets (money laundering) or other property acquired by other persons by criminal means). The provisions of the legislation in the considered area are critically evaluated and the proposals for its change are justified.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, оперативные подразделения, органы внутренних дел, взаимодействие, кредитные организации.

Keywords: drug trafficking, operational units, internal affairs bodies, interaction, credit organizations.

Согласно статистическим данным (URL: <https://мвд.пф/folder/101762/item/15304733>) в январе – мае 2019 года

выявлено 83,1 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их ана-

логов (далее – наркотики), что на 2,6% меньше, чем за аналогичный период 2018 года. При этом сотрудниками органов внутренних дел (далее – ОВД) выявлено 79,9 тыс. преступлений (-2,1%). По сравнению с январем – маем 2018 года на 4,3% выросло число выявленных преступлений, совершённых с целью сбыта, также увеличился их удельный вес в числе рассматриваемых преступлений с 55,6% до 59,6%

Преступления данной направленности наносят существенный урон национальной безопасности, посягая на здоровье населения, экономике Российской Федерации вследствие развития ее теневого сектора и суверенитету государства в целом. В связи с этим особое значение приобретает повышение эффективности деятельности оперативных подразделений по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию данных преступлений. Одним из наиболее эффективных способов борьбы с преступностью является быстрое, полное и объективное расследование преступления, изобличение лиц, его совершивших. Волокита в расследовании может привести к утрате доказательств, что является препятствием установлению истины по уголовному делу.

При расследовании любого преступления наиболее важную роль имеет источник получения информации о совершении противоправного деяния. Зачастую основным источником получения такой информации являются конфиденты. Вместе с тем при проведении интервьюирования сотрудников оперативных подразделений по контролю за оборотом наркотиков было установлено, что периодически необходимую оперативную информацию сотрудники получают от различных организаций и служб: Росфинмониторинг (41% опрошенных), Федеральная налоговая служба РФ (далее – ФНС РФ) (16% опрошенных), банки, Пенсионный фонд РФ (далее – ПФР РФ), Фонд социального страхования (далее – ФСС) (15% опрошенных), ГИБДД, участковые уполномоченные полиции (УУП) и иные службы полиции (28% опрошенных).

Так, при документировании предикатного состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ (легализация (отмывание)

денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем), являющегося сопутствующим основному составу преступления, предусмотренного, например, ст. 228.1 УК РФ (незаконному сбыту наркотиков), сотруднику оперативного подразделения необходимо взаимодействовать с ФНС РФ. Посредством проведения ОРМ наведение справок можно получить такие документы, как выписка из единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), копии учредительных документов, копии балансовых отчетов и иных бухгалтерских документов, информацию о применяемой системе налогообложения, информацию об имеющихся и имевшихся расчетных счетах, копии приказов о назначении на должность руководителя организации (директора) и финансового директора (главного бухгалтера), об учредителе (руководителе) организации и всех фирмах, где он является таковым, о доходах учредителя (руководителя) за интересующий период, о количестве работников организации, по которым предоставлялись формы 2-НДФЛ (в виде реестра с указанием Ф.И.О., даты рождения, адреса места проживания) и другие. [2]

Для подтверждения фиктивности деятельности организации возможно запросить в ПФ РФ и ФСС РФ информацию о работниках организации, за которых вносятся платежи. В ГИБДД и службе по надзору за состоянием самоходных и других видов техники (Гостехнадзор) необходимо истребовать сведения о зарегистрированных на юридическое лицо и его учредителя (руководителя) транспортных средствах, самоходных машинах, тракторах, квадроциклах и т.д.

Таким образом, очевидно, что выявить факт того, что фирма, представляющая оперативный интерес, является подставной и/или осуществляет лжеэкономическую деятельность в целях легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, возможно лишь посредством взаимодействия с иными государственными службами и негосударственными организациями.

Для решения задачи оперативно-розыскного обеспечения полного и всесторонне-

го расследования дела необходимо, чтобы сотрудники оперативных подразделений и иных служб и организаций находились в тесной взаимосвязи друг с другом, так как путем производства исключительно оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) порой проблематично, а зачастую и невозможно установить обстоятельства совершенного противоправного деяния. Нередко оперативному подразделению необходимо получить ту или иную информацию, составляющую банковскую или иную охраняемую законом тайн в коммерческой и/или некоммерческой кредитной организации.

Однако взаимоотношения правоохранительного органа и кредитной организации проходит не всегда так, как это отвечало бы требованиям борьбы с преступностью, а именно принципам наступательности и неотвратимости наказания.

Конституция РФ в ст. 55 устанавливает, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Сотрудник оперативного подразделения при проведении проверки полученной информации направляет соответствующие запросы в банки и другие кредитные организации в рамках проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как «Наведение справок», но кредитные организации зачастую отказываются отвечать на них, ссылаясь на ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности» (далее – закон о банках и банковской деятельности).

Нельзя сказать, что законодатель не обращает внимание на рассматриваемые отношения. Вместе с тем, несмотря на внесенные в 2018 году в закон о банках и банковской деятельности Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 322-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» изменения в части

выдачи справок органам предварительного расследования, говорить о решении всех вопросов, связанных с выдачей информации правоохранительным органам, а именно оперативным подразделениям, не приходится.

Действительно, существующий порядок предоставления сведений, содержащих банковскую тайну, не имеет четкой правовой регламентации, в результате чего и возникают проблемы при взаимодействии с кредитными организациями. Согласно действующему законодательству банки вправе не предоставлять какую-либо информацию относительно счетов юридических и физических лиц, движении их денежных средств, о структурировании безналичных денежных средств с использованием банковских счетов, поскольку данная информация охраняется правом на банковскую тайну.

В случае отказа банка предоставить необходимую информацию оперативному подразделению или его сотруднику приходится обращаться либо в суд для получения судебного решения, либо к «посреднику» – Росфинмониторингу, что неприемлемо при ограниченных сроках проверки информации о возможном совершении преступления, так как следы преступления могут быть утрачены при несвоевременном их документировании средствами ОРД.

С другой стороны, получение ответов на запросы, направляемые в Росфинмониторинг, также занимает достаточно длительное время, а если же ответы на запросы приходят своевременно, то зачастую носят достаточно формальный характер. Кроме того, результаты различного рода финансовых расследований, проведенных Росфинмониторингом, не могут использоваться в качестве доказательств, так как оперативно значимую информацию, полученную от Росфинмониторинга, приходится дублировать: направлять повторные запросы с судебным решением в кредитные учреждения для получения аналогичных сведений, что, безусловно, отражается на процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Решение рассмотренных проблем возможно было бы, во-первых, в увеличении штата сотрудников Росфинмониторинга, что

позволило бы своевременно и полно отвечать на запросы различных правоохранительных органов, либо, во-вторых, в законодательном закреплении результатов финансовых расследований, проведенных Росфинмониторингом, в качестве доказательств, либо, в-третьих, в наделении данной службы правом осуществлять ОРД с последующей передачей материалов на возбуждение уголовного дела в соответствующие следственные подразделения.

Вместе с тем высказанные предложения могут и должны быть критически оценены, так как увеличение штата сотрудников Росфинмониторинга повлечет нагрузку на бюджет страны, перечень источников доказательств, предусмотренных ст. 74 УПК РФ, стабилен и не может постоянно пополняться, а наделение правом осуществления ОРД Росфинмониторинга будет означать создание еще одной правоохранительной структуры.

Более простым решением проблем, связанных с предоставлением кредитными организациями (банками, ломбардами и т.д.) необходимых сведений, охраняемых банковской тайной, представляется внесение изменения в ст. 26 закона о банках и банковской деятельности – право сотрудников, уполномоченных осуществлять ОРД, при выполнении ими функций по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений на получение необходимой информации без судебного решения на основании мотивированного запроса.

В контексте темы работы мы не затрагиваем возможность получения оперативными подразделениями информации от кредитной организации при решении других задач ОРД, указанных в ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД), таких как: осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, в силу иной направленности этих задач.

Высказанное выше предложение о внесении изменений в закон о банках и банковской деятельности основывается на следующих размышлениях.

В соответствии с требованиями п. 10 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – закон о полиции) сотрудникам полиции для выполнения возложенных обязанностей предоставляется право проводить ОРМ, производить при осуществлении ОРД изъятие документов, предметов, материалов, сообщений и иные предусмотренные федеральным законом действия, принимать меры по розыску похищенного имущества.

Наведение справок является одним из видов ОРМ, предусмотренных ст. 6 закона об ОРД, и является одним из элементов содержания ОРД как государственной правоохранительной деятельности в борьбе с преступностью.

С другой стороны, п. 4 ч. 1 ст. 13 закона о полиции для выполнения возложенных на полицию обязанностей предоставляет ей право в связи с расследуемыми уголовными делами и находящимися в производстве делами об административных правонарушениях, а также в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, запрашивать и получать на безвозмездной основе по мотивированному запросу уполномоченных должностных лиц полиции (здесь и далее курсив мой. – Д.Ш.) от государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций, должностных лиц и граждан сведения, справки, документы (их копии), иную необходимую информацию, в том числе персональные данные граждан, за исключением случаев, когда федеральным законом установлен специальный порядок получения информации.

В соответствии с ч. 4 ст. 13 закона о полиции требования (запросы, представления, предписания) уполномоченных должностных лиц полиции, обязательны для исполнения всеми государственными и муниципальными органами, организациями, должностными лицами и иными лицами в сроки, установлен-

ные в требовании (запросе, представлении, предписании).

В соответствии с п. 6 ст. 28 закона о полиции сотрудник полиции (оперативного подразделения органов внутренних дел) имеет право на доступ в установленном порядке к сведениям, составляющим государственную тайну, если выполнение служебных обязанностей по замешаемой должности связано с использованием таких сведений. Трудно представить сотрудника оперативного подразделения, не имеющего права на доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, и не обращающегося с таковой.

Принимая во внимание, что действия сотрудников оперативных подразделений полиции по направлению запросов в кредитные организации обусловлены выполнением возложенных на них обязанностей по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также тот факт, что указанные действия соответствуют правам сотрудников органов внутренних дел, предоставление информации, отнесенной к профессиональной тайне, по запросам полиции не может быть расценено как ее разглашение.

Более того, в соответствии с ч. 6 ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация, составляющая профессиональную тайну, может быть предоставлена третьим лицам в соответствии с федеральными законами и (или) по решению суда.

Вышепредставленному предложению и выводу способствуют и правила конкуренции нормативных правовых актов, так как закон о банковской деятельности, закон о полиции и закон об ОРД являются федеральными законами, но принятыми в разное время. Так, закон о банках и банковской деятельности, будучи обычным федеральным законом, не имеет преимуществ перед другими федеральными законами с точки зрения определенной непосредственно Конституцией РФ иерархии нормативных правовых актов.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о

проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» сформулированы два правила определения конкуренции норм нормативных правовых актов:

1) в отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы применяется правило «*lex posterior derogat priori*» (последующий закон отменяет предыдущие). Это означает, что даже если в последующем законе специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений отсутствует, то в случае коллизии между ними действует последующий закон;

2) вместе с тем независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений.

Применяя первое из указанных правил приходим к выводу, что наиболее поздним является закон о полиции (принят в 2011 г.). Исходя из положений второго правила следует признать приоритетными нормы закона о банках и банковской деятельности, так как, на первый взгляд, именно он специально предназначен для регулирования соответствующих отношений. Однако закон о банках и банковской деятельности регулирует в большей степени функционирование кредитных организаций, то есть сферу частного, а не публичного права, коим являются отношения в сфере оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства. В связи с этим закон о банках и банковской деятельности не является приоритетным в правовом регулировании отношений по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, а следовательно, должны применяться законы, регулирующие именно эту сферу отношений, – закон о полиции и закон об ОРД. Последние в указанной части противоречий (коллизий) не содержат.

Библиографический список

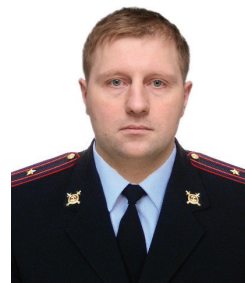
1. Железняк, Н.С. О проблемах законодательного регулирования судебного ограничения конституционных прав граждан в оперативно-розыскной деятельности / Н.С. Железняк // Оперативник (сыщик). – 2009. – № 1 (18). – С. 17-23.
2. Поляков, Н.В. К вопросу о документировании и доказывании фиктивной деятельности фирм-однодневок при осуществлении незаконной банковской деятельности / Н.В. Поляков // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – № 16-1. – С. 85-86.
3. Шашин, Д.Г. Уголовно-процессуальное законодательство России и Монголии: некоторые проблемные аспекты производства проверки сообщений о преступлениях / Д.Г. Шашин, А.В. Коршунов // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – V : материалы международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (Улан-Удэ, 12 апреля 2013 г.) / науч. ред. Ю.П. Гармаев ; отв. ред. А.Ф. Онуфриенко. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2013. – С. 188-192.

УДК 343.10

Евгений Борисович МЕЛЬНИКОВ,
начальник кафедры криминалистики Сибирского
юридического института МВД России (г. Красноярск),
кандидат химических наук, доцент
ewgen0807@mail.ru

Евгений Викторович ПОПЕЛЬНИЦКИЙ,
преподаватель кафедры криминалистики Сибирского
юридического института МВД России (г. Красноярск)
evilmorning@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОКРЫТИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

CURRENT TRENDS IN THE CONCEALMENT OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Статья посвящена рассмотрению способов сокрытия наркотических средств и психотропных веществ при осуществлении наркотрафика, предложена их авторская классификация. Отдельно рассмотрены способы сокрытия, связанные с изменениями агрегатного состояния контролируемых веществ путем изменения их физических и химических свойств. Проанализированы результаты деятельности антинаркотических подразделений ряда иностранных государств по выявлению замаскированных наркотических средств и психотропных веществ. Рассмотрены современные тенденции изменения способов маскировки наркотических средств и психотропных веществ, в том числе с использованием химических методов в нарколабораториях. Отмечены проблемные вопросы обнаружения замаскированных наркотических средств. Предложены пути решения некоторых из них.

The article is devoted to the consideration of the methods for concealing narcotic drugs and psychotropic substances during drug trafficking. The authors propose the classification of these methods. The article also considers the methods of concealment associated with changes in the state of aggregation of controlled substances by changing their physical and chemical properties. The results of the activities of anti-drug units in a number of foreign countries to identify disguised narcotic drugs and psychotropic substances are analyzed. The current trends in the ways of disguise of narcotic drugs and psychotropic substances, including using chemical methods in drug laboratories, are considered. The authors determine the issues of detection of disguised drugs and suggest solutions to some of them.

Ключевые слова: наркотические средства и психотропные вещества, сокрытие наркотиков, контрабанда, нарколаборатории.

Keywords: narcotic drugs and psychotropic substances, drug concealment, smuggling, drug labs.

Глобализация экономических процессов, развитие научно-технического прогресса влечет множество изменений во всех сферах человеческой деятельности. Наркопреступность под действием этих факторов также динамично развивается и видоизменяется. Количество контролируемых соединений за последнее десятилетие

росло весьма активно.[1] В первую очередь это относится к наркотикам синтетического происхождения. Продолжительная законодательная процедура включения в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства РФ от 30

июня 1998 г. № 681 (далее – Перечень), привело к тому, что имеющееся в отечественном законодательстве (Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ О наркотических средствах и психотропных веществах) понятие аналогов наркотических средств и психотропных веществ (далее – аналоги) стало активно использоваться в правоприменительной практике. Бесконтактный сбыт наркотических средств посредством сети Интернет с использованием криптовалют, носивший еще десять лет назад единичный характер, в настоящее время стал основным способом совершения подобных преступлений. [3] В этой криминальной деятельности одной из наиболее актуальных и сложных задач, решаемых современной наркопреступностью, является доставка наркотического средства конечному потребителю. Получаемые фактически по цене витаминов наркотические средства синтетического и полусинтетического происхождения имеют довольно высокую розничную цену. Действительно, от момента производства до конечного потребителя цена наркотиков может увеличиваться в сто и более раз. Традиционная схема незаконного оборота включает следующие основные стадии:

производство (приобретение) сырья (следует выделить в отдельную стадию, так как в подавляющем большинстве случаев данное сырье, будучи, например, наркосодержащим растением или прекурсором, контролируется);

производство наркотиков;

транспортировка от места производства к месту хранения;

хранение;

транспортировка через таможенные границы (контрабанда);

транспортировка к месту хранения;

организация хранения;

оптовый сбыт;

мелкооптовый сбыт;

сбыт конечному потребителю.

Следует отметить, что на каждой стадии реализации данной криминальной схемы происходит закономерное увеличение цены для конечного потребителя. [5] Наиболее весомый вклад в этот процесс вносит транспортировка через таможенные границы (контрабанда). Это объясняется тем, что данная стадия является наиболее рискован-

ной, здесь наркодельцы могут потерять значительную партию «товара», что отражается в увеличении стоимости контролируемого вещества по мере пересечения таможенных границ. Несмотря на подобные обстоятельства, современная наркопреступность является высокодоходным и высокоэффективным криминальным бизнесом, соперничая только с незаконной торговлей оружием. Следует констатировать, что современной тенденцией развития является деятельность, направленная на сокращение числа стадий, количества промежуточных посредников, снижение рисков и, как следствие, повышение доходности. Например, современный способ бесконтактного сбыта посредством сети Интернет практически исключил необходимость стадий оптового и мелкооптового сбыта. В то же время достаточно рискованными остаются стадии транспортировки и контрабанды, которые сложно исключить из схемы незаконного оборота. Очевидны два способа снижения рисков перемешаемых наркотиков:

– исключение стадии пересечения таможенной границы посредством организации производства на месте потребления;

– совершенствование способов маскировки перемешаемых наркотиков.

При всей кажущейся перспективности первого способа он не лишен недостатков, поэтому зачастую используются в сочетании со вторым. Действительно, получение синтетических наркотиков из доступного сырья облегчает производство, поскольку исключает стадию производства сырья. Для ряда наркотических средств она требует использования значительных материальных, человеческих и временных ресурсов, зачастую является определяющей по времени и наиболее опасной с точки зрения возможного обнаружения подпольной нарколаборатории сотрудниками правоохранительных органов. Этот способ также исключает контрабанду и позволяет хранить наркотики на месте их производства. Это обстоятельство во многом обусловило всплеск популярности синтетических наркотиков, приведший за последние годы к изменению структуры наркорынка в Российской Федерации. В то же время применение данного способа невозможно для наркотических средств растительного и по-

лусинтетического происхождения, которые составляют по массе более 80% в незаконном обороте наркотиков. Легкость распространения и производства таких соединений из местного наркосодержащего сырья создает опасность конкуренции, что и приводит к снижению цены, а следовательно, прибыли наркодельцов. Кроме того, приобретение специфического сырья и лабораторного оборудования для производства наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, нахождение мест производства в стране, в которой совершается сбыт, делает подобную схему незаконного оборота уязвимой к противодействию со стороны правоохранительных органов. С учетом изложенных обстоятельств следует отметить, что современная международная преступность прилагает значительные усилия для совершенствования способов сокрытия наркотиков при перемещении через таможенные границы при осуществлении наркотрафика.

В настоящее время известны несколько основных способов маскировки наркотических средств и психотропных веществ с целью скрытой транспортировки. В работе В.А. Жбанкова и А.В. Табакова рассматриваются ряд способов перемещения наркотических средств, затрудняющих обнаружение предметов контрабанды. [2, с. 137] При этом авторами выделяются следующие: с сокрытием путем использования тайников, с физическим сокрытием и с сокрытием путем помещения предметов контрабанды в труднодоступные места, не предназначенные для транспортировки и (или) хранения товаров соответствующего вида. Перечисленные способы по своему содержанию мало чем отличаются друг от друга и связаны, прежде всего, с физическим (механическим) перемещением и размещением предмета контрабанды внутри других материальных объектов, вне зависимости от того, был ли такой материальный объект специально изготовлен, приспособлен или является естественной полостью тела человека. Причем в данном случае перемешаемые наркотики, как правило, не изменяют свой первоначальный вид, агрегатное состояние или химический состав. Частично соглашаясь с мнением авторов и объединив обозначенные выше способы сокрытия

в одну классификационную группу, основное внимание в нашей работе уделим способам сокрытия наркотиков, представляющим наибольшие трудности их обнаружения.

Действительно, способ механического сокрытия, то есть размещения наркотиков внутри других объектов (скорлупа ореха, кочаны капусты, луковицы, банки из-под кофе, в полости человеческого тела и другие) является наиболее распространенным. Как правило, он и наименее эффективен, так как наркотик может быть выявлен с помощью инструментальных методов обнаружения или служебных собак. Примером следующего распространенного способа сокрытия выступает приготовление механических смесей (например, с кондитерским маком, крахмалом, кофе, приправами и т.д.). Учитывая, что многие наркотические средства растворяются в воде, спирте либо неполярных растворителях, другим способом сокрытия является изготовление растворов. Сложившийся у многих людей стереотип предполагает, что наркотические средства представляют твердые вещества, что на самом деле не вполне соответствует действительности. Достаточно вспомнить, что большая часть лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, представляет собой растворы. Пропитывание растворами наркотических средств предметов-носителей (растительной массы, тканей, других пористых материалов, продуктов питания, изготовление мазей, паст, приготовление масляных растворов, содержащих контролируемые вещества) встречается в практике противодействия наркотрафику. Таким образом, перемешаемым через таможенные границы наркотикам придается вид других товаров, что сопровождается существенным изменением их внешних признаков. [2, с. 141]

Известны случаи применения нескольких способов одновременно. Например, растворы веществ скрывают под слоем несмешиваемой жидкости, пропитанные вещества помещают под видом элементов автомобилей и т.д. В последнее время проявляется тенденция к совершенствованию существующих способов скрытой транспортировки: использование частных самолетов, беспилотных летательных аппаратов, подводных лодок, маг-

нитных контейнеров на внешней поверхности корпуса морских судов. О подобных фактах неоднократно сообщалось средствами массовой информации (например: <https://lenta.ru/news/2010/07/04/submarine>) в материалах о панамериканском наркотрафике. Известны случаи обнаружения растворенных наркотических средств и психотропных веществ в легально ввозимых нефтепродуктах, продуктах питания. [6]

Способы скрытой транспортировки постоянно совершенствуются и создаются новые. [4] Одним из таких принципиально новых способов сокрытой доставки является изменение химической структуры наркотических средств путем легкообратимой химической реакции. Вторым способом транспортировка набора химических веществ, как правило, прекурсоров, из которых наркотическое средство может быть получено посредством несложного одно-двухстадийного химического превращения, не требующего от исполнителя высокой квалификации, специального оборудования, которое может быть легко проведено даже с использованием кухонной посуды и бытовой техники. Такие наборы реактивов известны на практике под названиями «конструктор» или «лего». По своей сути такие наборы представляют собой объекты, подготовленные для изготовления (производства) наркотических средств, так как состав и количество компонентов «конструктора» предполагают безусловную возможность реализации процесса.

Несмотря на кажущуюся схожесть, данные способы скрытой транспортировки имеют ряд принципиальных различий. Так, в случае пересечения через таможенную границу измененных химическим способом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, например в форме комплексных соединений, различие заключается в том, что наркотики уже были произведены, а их структура намеренно изменялась для целей сокрытия при транспортировке. При этом производство наркотиков в стране-производителе значительно усложняется, в отличие от рассмотренной ранее классической схемы создается дополнительная лаборатория в стране-получателе. Такая форма маскировки при наркотрафике имеет свою специфику. Как в стране-производителе, так и в стране-полу-

чателе, в которой осуществляется конвертация в товарную форму, необходимо оборудовать специализированную дорогостоящую лабораторию, деятельность которой должна оставаться незамеченной правоохранительными органами. С учетом разовости поставок и ограничением производительности лаборатории приходится организовывать хранение либо готовой продукции, либо провозимого через границу соединения.

Другое отличие рассматриваемого способа транспортировки от получения наркотического средства из «конструктора» заключается в том, что наркотики уже были ранее произведены, фактически контролируемые вещества производят дважды, что не может не сказаться на их стоимости с учетом неизбежных технологических потерь. Хотя справедливо было бы заметить, что в процессе конвертирования наркотическое средство становится гораздо более чистым. Переведенное в иную химическую форму наркотическое средство по своим физическим и химическим свойствам значительно отличается от исходного вида, что в ряде случаев дает отрицательный результат его аналитического определения по стандартным методикам, создает дополнительные трудности для сотрудников правоохранительных органов по его обнаружению. При этом вероятность его изъятия из незаконного оборота заметно снижается. Например, комплексные соединения кокаина с переходными металлами не обнаруживаются служебными собаками, не выявляются методом качественных реакций и хроматографическими методами. Кроме того, комплексные соединения, а равно иные химические соединения наркотических средств и психотропных веществ, не включенные в примечание к списку II Перечня (в частности, морфина и кокаина), не относятся к контролируемым на территории Российской Федерации. Таким образом, транспортировка наркотиков в форме устойчивых химических соединений значительно снижает риск их обнаружения. Даже в случае установления их химической природы в соответствии с законодательством многих стран это не повлечет за собой уголовного преследования и даже утраты груза. Указанная тенденция наблюдается не только в Южной Америке, но и в Центральной

Азии, где в последнее время участились случаи перевода героина в жидкую форму путем создания неводорастворимых соединений. Очевидно, такой способ характерен для полусинтетических наркотических средств. В случае получения синтетических наркотических средств, как правило, организуются поставки сырья и производятся наркотики непосредственно в стране-потребителе. При этом, как показывает отечественная практика борьбы с наркопреступностью, сбыт синтетических наркотиков зачастую организывают в других регионах, не затрагивая регион, в котором осуществляется наркопроизводство. Указанное также требует применения специальных мер маскировки при транспортировке внутри страны в целях дальнейшего сбыта. Одним из способов выявления таких лабораторий может служить комплексный анализ изымаемых из оборота химических веществ с целью определения нехарактерных для стандартного производственного цикла примесей, а также мониторинг спроса на химические реактивы и специальное оборудование, в том числе приобретаемого посредством сети Интернет.

Рассмотренные нами способы маскировки в полной мере отражают современные тенденции сокрытия наркотических средств и психотропных веществ при их незаконном перемещении через таможенные границы. Появление способов маскировки, связанных с изменением химического состава наркотических средств, или перемещение их в виде наборов компонентов, подготовленных для изготовления (производства) наркотических средств, в значительной мере осложняют процесс их обнаружения.

С учетом изложенного представляется целесообразным расширять сферы международного сотрудничества в сфере противодействия наркотрафику, в том числе в сфере обмена информацией о появлении новых способов сокрытия и маскировки наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, выявления потока химических реактивов которые могут быть использованы для получения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Библиографический список

1. United Nations Office on Drugs Crime (UNODC), Data from the UNODC Early Warning Advisory on New Psychoactive Substances. 2015.
2. Жбанков, В.А. Криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, совершаемой членами организованных преступных формирований : монография / В.А. Жбанков, А.В. Табаков. – М.: Из-во Российской таможенной академии, 2014.
3. Земцова, С.И. О некоторых элементах криминалистической характеристики сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемого с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 1. – С. 245-252.
4. Клименко, И.И. Контрабанда наркотиков: проблемы расследования, взаимодействия следствия и дознания : монография / И.И. Клименко ; науч. ред. В.Н. Карагодин. – Барнаул: Изд-во Барнаульского юридического института МВД России, 2006. – 240 с.
5. Роганов, С.А. Расследование преступлений в сфере нетрадиционного наркобизнеса / С.А. Роганов. – СПб: Юридический центр Пресс, 2005. – 549 с.
6. Тарасова, Н.В. Наркомания: опыт борьбы в США / Н.В. Тарасова. – М.:ИЮР-КНИГА, 2004. – 184 с.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 340.11

Ирина Андреевна ДЕМИДОВА,

заведующий кафедрой правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент

demidova-irina00@mail.ru

ПРАВОМЕНТАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

LEGAL-MENTAL CHARACTERISTICS OF BELARUSIAN SOCIETY

Статья посвящена исследованию ментальных оснований правовой культуры современного белорусского общества. Устанавливаются научные подходы к пониманию правового менталитета и его соотносению с правовой ментальностью. Дается характеристика общих факторов этногенеза в преломлении к становлению белорусского этноса. Использование социологических данных позволяет описать ментальные особенности представителей различных этносов и представить ментальный портрет белорусов.

The article deals with the studies of the mental foundations of the legal culture of the modern Belarusian society. Scientific approaches to the understanding of legal mindset and its correlation with legal mentality are established. The characteristic of common ethnogenesis factors in the refraction to the formation of the Belarusian ethnos is given. The use of sociological data allows to describe the mental characteristics of various ethnic groups and to present a mental portrait of Belarusians..

Ключевые слова: правовая культура, правовой менталитет, правовое сознание, правовая ментальность, этнос.

Keywords: legal culture, legal mindset, legal consciousness, legal mentality, ethnos.

Правовая культура как социально-правовое явление в качестве объекта научного исследования полагает различные подходы к ее познанию. То обстоятельство, что формирование правовой культуры общества происходит в рамках определенного исторического периода и конкретной государственности, актуализирует установление базисных духовных и культурных основ правовой культуры, обуславливающих специфику правового сознания и правового менталитета членов социума. В этой связи

теоретико-правовое исследование правовой культуры современного белорусского общества включает в том числе поиск социокультурных оснований правовой культуры, что возможно посредством установления особенностей формирования правового менталитета общества и обозначения отличных черт правовой ментальности белорусов.

Автор исходит из того, что правоментальная характеристика белорусского общества представляет собой социальный срез правовой культуры. В данном случае использование

социологического метода изучения феномена правовой культуры представляется оправданным. При этом построение теоретической конструкции правовой культуры требует четкости в определении сущности и содержания терминов «правовой менталитет», «правовая ментальность», а также их соотнесение, что призвано расширить теоретическое знание правовой культуры.

Целью нашего исследования выступил анализ ментальных особенностей белорусского общества в историческом и современном аспектах, направленный на установление характерных черт правовой культуры общества.

Следует отметить, что в основу понимания правового менталитета могут быть положены различные подходы к установлению сути и природы менталитета в целом: историко-антропологический, культурологический, психологический, философский и социологический и др., каждый из которых имеет свое предметное поле. В рамках историко-антропологического подхода – это исторические традиции, образ и уклад жизни людей, национальный язык; культурологического – культурные проявления ментальных особенностей; психологического – поведенческие стереотипы; философского – ценностные основания и т.д. При этом предметное поле социологического ракурса менталитета составляет совокупность характеристик, «замеряемых» эмпирически, в число которых исследователями включаются восприятие человеком территории проживания, образ родины; религиозность в системе мирозерцания; отношение к власти, авторитетам; степень социальной и личной активности или пассивности; склонность к новизне или сохранение традиционного мироощущения и др. В общем плане обозначенные ментальные черты отражаются в позициях, ценностных ориентациях и мотивациях представителей социума, их мировоззренческих и поведенческих стереотипах, в том числе в правовой сфере.

Правовой менталитет как объект исследования достаточно широко изучен российскими учеными-правоведами. Установлению национальной специфики российского правового менталитета посвящены

докторские диссертации Р.С. Байниязова, А.Ю. Мордовцева и др., кандидатские работы таких авторов, как М.С. Балаянц, В.Н. Вовк, А.В. Довлекаева, Д.В. Меняйло, Р.М. Овчиев, М.Г. Тюрин и др. Сущностные характеристики правового менталитета находят выражение в его дефиниции. Правовой менталитет определяется как «исторически сложившиеся специфические, наиболее типичные и устойчивые для определенной социальной или национально-этнической общности системы мировоззренческих представлений, оценок и реакций на объекты государственно-правовой действительности» [11, с. 7]. Вследствие этого содержание правового менталитета отражает процесс правокультурного развития тех или иных социальных общностей. В условиях социума это проявляется как в характере правового мышления, так и в образе действия в правовой сфере его членов.

Многофункциональность правового менталитета обнаруживается в выделении познавательной, оценочной, регулятивной, функции сохранения (защиты), накопительной, коммуникативной, функции по упорядочиванию, стабилизации и консервации правосознания, а также функции категоризации и интеграции (научный подход Д.В. Меняйло). При этом понятие «правовой менталитет» применяется не только в отношении определенной социальной или исторической общности, но и по отношению к отдельной личности. Так, в обосновании А.Ю. Мордовцева «правовой (политико-правовой) менталитет является совокупностью (системой) правовых архетипов и представлений, устойчивых, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, типах цивилизаций и т.п. имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности (политических институтов и структур, национальных и конфессиональных отношений и др.), определяют специфику правового поведения индивида, тех или иных социальных, профессиональных групп, государственных органов и должностных лиц» [12, с. 13]. В таком контексте право-

вой менталитет выступает и «проявлением», и основой правовой культуры как общества, так и личности, что требует установления соотношения понятий «правовая культура», «правовой менталитет», «правовое сознание».

Большинством ученых менталитет корреспондируется, прежде всего, с правовым сознанием и, соответственно, определяется: 1) в качестве структурного элемента правового сознания, занимающего особенное место в психологических и идеологических структурах сознания, что обусловлено социальными, этническими, религиозными, научными, культурными и иными стереотипами людей, самобытностью их включенности в тот или иной социум и т.п. [2, с. 31-32]; 2) в виде наиболее глубинного и весьма устойчивого уровня отражения имеющих место в конкретном социуме, этносе или типе цивилизации правовых феноменов, реалий, юридической деятельности, признается основой формирования национального правового сознания, обуславливающего неповторимый колорит и специфику содержания последнего, характер его проявлений [12, с. 25]. При таком рассмотрении посредством правового менталитета осуществляется содержательная и уровневая характеристики правового сознания.

Тесная связь правового менталитета и правовой культуры проявляется в том, что допускается практическое отождествление понятий «правовой менталитет» и «правовая культура», выражающееся в структурировании правового менталитета на такие категории, как правосознание, юридически значимая деятельность, действующее и разрабатываемое законодательство. [6, с. 13-14] Также правовая культура представляется носителем национального «генетического кода», который составляет основу правового менталитета и выступает особым механизмом защиты от чуждого инокультурного влияния, разрушающего исходные предпосылки национальной правовой идентичности. [13, с. 195] В таком понимании благодаря правовой ментальности правовые системы сохраняют национальную идентичность и специфические черты различных правовых культур.

По вопросу соотношения правового менталитета и правовой ментальности имеют ме-

сто следующие научные позиции. По мнению белорусского автора Н.М. Юрашевич, «как субъективный образ действительности менталитет представляет собой своеобразную систему глубинных, устойчивых и относительно поверхностных, изменчивых представлений, определяющих миропонимание и мироощущение людей», «ментальность выступает не только как содержание сознания и самосознания (чувства, взгляды, представления и т.п.), но и как стиль мышления (способ понимания и оценки действительности), т.е. как то, что люди думают, так и то, как они мыслят, как воспринимают и реагируют на события» [15, с. 86]. В данной трактовке менталитет практически отождествляется с ментальностью.

При этом большинством авторов проводится различие правового менталитета и правовой ментальности. К примеру, в аргументации А.Ю. Мордовцева «правовой менталитет – это результат ряда научных обобщений более высокого уровня, правовая ментальность же представляет собой некоторую диалектическую конкретизацию, результат хорошо известного в методологии гуманитарных исследований движения от абстрактного к конкретному, от сущности к явлению, т.е. всегда соотносена с вполне реальным коллективным или индивидуальным носителем в качестве одного из его идентификационных признаков, находит свое воплощение в тех или иных его юридически значимых поведенческих актах, реакциях, установках и т.п.» [12, с. 26]. В обосновании Р.С. Байниязова в системе элементов юридического сознания правовая ментальность предстает в виде глубинного слоя сознания, в определенной мере смыкаясь с бессознательным правовым уровнем, с юридическим подсознанием [2, с. 31-32]. Представленный подход соответствует следующему определению: «ментальность – это гибкие, вариативные психологические процессы, состояния и формы духовной деятельности, миропостижения и веры, а также инвариантные, априорные компоненты, слои и структуры, свойственные различным социальным субъектам и индивидам, различным социальным группам и обществу» [13, с. 194]. При таком подходе считается, что ментальность выражает по-

вседневный облик коллективного сознания, не отраженного и не систематизированного посредством теоретических обобщений. В силу того, что признаками ментальности являются неосознанность или неполная осознанность, отражение представлений не только интеллектуальной элиты, но и широких слоев населения, обоснованным представляется рассмотрение правового менталитета в качестве особой характеристики правового развития общества, исторической основы и проявления правовой культуры, а правовой ментальности – как обобщенной характеристики представителей этноса.

Определение специфики правового менталитета белорусского общества и особенностей правовой ментальности белорусов возможно посредством установления особенностей складывания этноса. Формирование белорусского этноса как глобальная научная проблема была обозначена в XIX веке в работах этнографов, филологов, историков. Так, изучением белорусского этноса занимались этнографы Е.Ф. Карский [7], Ф. Кудринский [9], историк В.М. Довнар-Запольский [4] и др. Анализ факторов, оказавших влияние на складывание этноса, позволяет установить специфику ментальных характеристик этноса и объяснить особенности правового развития общества.

Как этнос белорусы входят в более широкие межэтнические сообщества – восточнославянское и славянское. Основными факторами этногенеза и причинами формирования этнонационального менталитета определяются: 1) природно-климатические условия формирования этноса; 2) геополитические условия, которые предполагают либо эволюционное, добровольное взаимодополнение и взаимообогащение этнонациональных культур, либо насильственное навязывание одним этносом социокультурных ценностей другим этносам, либо эклектическое соединение элементов различных культур; 3) социокультурные условия, которые находят выражение в системе социальных отношений, ценностных ориентациях, нормах, стандартах поведения, привычках, обрядах, типах хозяйственной жизни; 4) психоэнергетические особенности типичных представителей

этноса; 5) межэтническое и межконфессиональное взаимодействие. [8, с. 30-31] В совокупности указанные факторы обуславливают особенности социогенотипа представителей того или иного этноса.

Базовым фактором складывания любого этноса считаются природно-климатические условия его формирования, что способствовало введению понятия «кормящий ландшафт», так называемая природно-географическая среда обитания этноса. Принято считать, что малоплодородный «кормящий ландшафт» сказался на формировании таких ментальных характеристик белорусов, как трудолюбие и толерантность.

Природные условия развития белорусского этноса обусловили такое отличительное свойство белорусской культуры, как синкретичность, под которой понимается целостность, неотделимость человека, общества и природы. Как следствие, в общественном сознании человек не противопоставляется обществу (грамаде), общество – природе. [8, с. 79] Указанное обстоятельство оказало влияние на восприятие белорусами общественных институтов. Невозможность подчинить природу и выжить без взаимопомощи выработало у белорусов в качестве базового алгоритма поиск путей к согласию, компромиссу, гармонии с окружающим миром, людьми и природой.

В силу того, что этнос привязан к территории происхождения, историческое расположение белорусских земель позволяет считать важнейшим фактором формирования менталитета белорусского этноса геополитические условия – нахождение не только в географическом центре Европы, но и на перекрестке геополитических и социокультурных осей «Запад-Восток» в контексте правового развития – европейской и азиатской правовой культуры. В этой связи базовой проблемой культурного развития белорусского этноса выступает стыковка общей и правовой культуры Запада и Востока. Отмечая такие особенности Беларуси, как ее срединное положение, белорусский философ И. Абдиралович (Кончевский) в произведении «Адвечным шляхам. Даследзіны беларускага светагляду» (1921) признает неизбеж-

ность культурного выбора между Востоком (Россией) и Западом (Польшей), проповедавшим гуманистические, либеральные, демократические идеи. [1, с. 15-16]. По мнению философа, белорусская ментальность, или национальная идея, состоит в отказе от «мессианских» форм восточного византизма (унитарность общественно-политической жизни, нетерпимость к инакомыслию, концентрация власти в одних руках, общинность и слабое проявление особенностей, тотальный экспансионизм) и западного индивидуализма, синтезе лучших сторон этих двух культурно-исторических типов на основе самобытных национальных форм общественной жизни и культуры. В силу объективных причин путь Беларуси – отличный от восточного и западного и одновременно соединяющий обе традиции и в то же время независимый от них. Как следствие, правовая культура белорусского общества не подпадает в полной мере под характеристики правовых культур западной или восточной цивилизаций, при этом на территории Беларуси неизбежна интеграция проявлений западной и восточной правовой культуры.

Социокультурные условия формирования восточнославянского этноса в целом определяются наличием дохристианского и христианского периодов. Считается, что дохристианская культура явилась мировоззренческим ответом древних славян на необходимость выживания в суровых природных условиях. При этом языческие верования славян характеризуются верой в сверхъестественные силы не только окружающей природы, но и своих предков. По мнению белорусского социолога В.В. Кириенко, у восточных славян можно говорить не о языческой, а о родовой религии, что отражает единство рода и связано с существованием пантеона богов во главе с Родом. [8, с. 84] В обоснование данной позиции приводятся следующие аргументы: производное от рода понятие «Родина» у восточных славян выражает сложные взаимосвязи «во-первых, с родом, родней, предками, во-вторых, с ландшафтом, окружающим род, с природой и, в-третьих, с особенными отношениями, в которых люди ощущают себя родными, родимыми» [8, с. 92]. В совокупно-

сти природно-родовые мироощущения восточных славян обуславливают синхронизацию их жизни как в производственной, так и в личной, бытовой сфере. Это определяет психоэнергетические особенности типичных представителей этноса. Так, базовыми алгоритмами взаимодействия восточных славян в пространстве и во времени выступают следующие: «так, как у людей», «не хуже, чем у людей», «как люди, так и я». [8, с. 88] Включенность человека в род и его неотделимость от общества впоследствии предопределяют социоцентристский тип правовой культуры белорусского общества.

В качестве существенного фактора формирования менталитета белорусов выступает процесс межэтнического взаимодействия: на востоке – с двумя вариантами великорусского этноса (великорусами и субэтносом в виде старообрядцев), на юге – с малороссийским (украинским) этносом, на северо-западе – с балтскими этносами, на западе – с польским. Данное обстоятельство формирует такие ментальные черты белорусов, как толерантность (настроенность на поиск компромисса) и миролюбие. Таким образом, базовые ментальные характеристики белорусов (толерантность и миролюбие) проявляются двояко: не только в отсутствии противопоставления человека социуму и природе, но и в принятии, уважении культуры и обычаев соседей.

По мнению этнографа Ф. Кудринского, «положительные черты белоруса, составляющие фундаментальную основу его этнографического типа, общи всем племенам славянской расы. Такими чертами являются: сильная религиозность (с большой склонностью к обрядности), любовь к родине (патриотизм), семейственность, природное добродушие, сердечность. Говорить об этих сторонах типа белоруса – значит характеризовать одновременно и великоруса, и малороса» [9]. При этом этнографический тип белоруса характеризуют следующие отличительные признаки: индивидуальность, недоверие к окружающим людям как естественная форма личного построения, что не позволяет белорусу всесторонне проявиться как в сфере общественной, так и личной жизни, включая отсутствие веры в собственные силы, непредприимчи-

вость, способность приспособиться к разнообразным условиям жизни, увеличенная чувствительность и большая экспансивность, пассивная подчиненность, терпеливость, консерватизм. [9] Указанные характеристики в полной мере проявляются в ментальном автопортрете современных белорусов.

Проведенное белорусским ученым В.В. Кириенко социологическое исследование белорусской ментальности позволило включить в число доминирующих характеристик современных белорусов трудолюбие, толерантность, коллективизм и др., средне выраженных – патриотизм, уважение традиций и др., слабо присутствующих – законопослушание, стремление к быстрым радикальным общественным изменениям, предприимчивость, расчетливость, соревновательность и др. [8, с. 152-153] В качестве идеальных ментальных характеристик с точки зрения белорусских респондентов выступают уважение традиций, следование им (выбор 92,2%), законопослушание (90,5%), патриотизм (87,7%), а также коллективизм (78,1%), духовность (77,1%), толерантность (76,1%). [8, с. 153-154] Таким образом, отмечается несовпадение реальных и идеальных ментальных характеристик, что предполагает корректировку менталитета посредством формирования системы соответствующих ценностей, включая правовые, в общественном сознании. Отставание от идеального уровня, так называемую группу дискомфорта по самооощущениям белорусов составляют: в блоке рационально-деятельностных характеристик – точность и аккуратность, обязательность, верность слову, принятому решению, предприимчивость и расчетливость, законопослушание; в блоке либеральных, индивидуалистических характеристик – стремление к личной свободе, независимости, соревновательность, конкуренция; в блоке традиционных, коллективистских – уважение традиций, следование им, уважение младшими старших, забота старших о младших, чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей национальности. [8, с. 162] Можно говорить о том, что современными белорусами осознается необходимость поливекторного изменения ментальных черт. Данное обстоя-

тельство обуславливает потребность восприятия положительных качеств представителей других этносов, в том числе в политико-правовой сфере.

К примеру, у русских в качестве доминирующих белорусскими респондентами выделены такие характеристики, как гостеприимство, коллективизм, патриотизм, теплота и сердечность в отношении между людьми, совестливость и сострадание, толерантность, что позволяет говорить о так называемой «русской душе». Установлено, что «менее всего русские, в представлении белорусов, обладают точностью, аккуратностью, законопослушанием, предприимчивостью, расчетливостью; индивидуализмом, обязательностью, верностью слову, принятому решению; соревновательностью, конкуренцией» [8, с. 162-163]. Приведенные данные свидетельствуют, что у русских, также как и у белорусов, в меньшей степени выражены рационально-деятельностные и либеральные характеристики.

В качестве доминирующей в украинском ментальном портрете белорусскими респондентами определена только одна характеристика – гостеприимство. К средне выраженным характеристикам украинцев белорусы отнесли патриотизм, трудолюбие, толерантность. Менее выраженными определили индивидуализм, стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям, духовность, законопослушание, верность слову, принятому решению, соревновательность, конкуренцию и ряд других. [8, с. 164] Обращает на себя внимание практическое совпадение менее выраженных характеристик русских и украинцев. Отличными являются характеристики белорусами литовцев и поляков. Для литовцев доминирующей характеристикой определяется стремление к личной свободе и независимости, средне выраженными – уважение традиций, следование им, индивидуализм, предприимчивость, расчетливость, патриотизм, стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям; менее выраженными – толерантность [8, с. 166-167] Ярко выраженных доминирующих черт у поляков белорусы не обнаружили, средне выраженными названы уважение традиций, предприимчивость, расчетливость, индивиду-

ализм, духовность, трудолюбие, законопослушание и ряд других [8, с. 168], выражающих западные ценности. Показанные посредством социологического исследования ментальные портреты представителей различных этносов позволяют констатировать при наличии отличительных черт большую схожесть русских и белорусов, что находит отражение в мировоззренческих и поведенческих стереотипах в правовой сфере.

Так, в контексте отношения к политико-правовым институтам типичной характеристикой российского правового менталитета определяется устойчивое представление об оправданности подчиненного положения личности по отношению к государству, верховенстве государства над правом, приоритете морали и нравственности по отношению к праву. [3, с. 3] Объяснение специфики правового развития исследователи ищут в особенностях политической географии России (поле глобальных культурных столкновений), исторической оппозиции власти и народа, противопоставлении морали и права, преобладании харизматического лидерства над институциональным руководством, особой роли и значении православной религии и ряде других факторов. При этом общими чертами правового менталитета русских и белорусов считается приоритет традиционных норм перед «писаным правом», а также признание общего более важным, чем частное.

Особенности восприятия правовых явлений и институтов отражаются в произведениях народного творчества – пословицах и поговорках, которые иллюстрируют глубинный слой общественного сознания. Обращает на себя внимание, что в русском фольклоре значительное число пословиц и поговорок, связанных с правом, обладают негативным содержанием: «В России нет закона, есть столб, а на столбе корона», «Закон – паутина: шмель проскочит, муха увязнет», «В суд ногой, в карман рукой», «Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло», «Закон что столб: перешагнуть нельзя, а обойти можно», «Где два юриста, там три мнения» и др. [10, с. 5-6], «Где закон, там и обида» [5, с. 324]. В народном творчестве отмечается двойственное отношение к суду. Устанавливается, что

«Пристрастный суд разбоя злее» и одновременно утверждается, что «Судья праведный – ограда камня» [14, с. 250]. Преобладает негативное отношение к суду, что находит отражение в следующих пословицах и поговорках: «Где суд, там и неправда», «Из суда, что из пруда сухой не выйдешь», «Не бойся истца, бойся судьи», «Перед богом ставь свечку, перед судьей – мешок», «В суд поди и кошелек неси», «Пошел в суд в кафтане, а вышел нагишом» [5, с. 326]. Фиксация в сознании народа негативных традиций функционирования определенных правовых институтов обозначает направление правовой реформы для формирования должного уровня правовой культуры общества: совершенствование законодательства и судебной системы.

Проведенное исследование приводит к следующим выводам.

1. Актуализация проблематики менталитета в современных научных изысканиях определяется признанием того, что любое общество, в том числе белорусское, являясь многомерным пространством, выступает не только как территориальное, экономическое, социальное, геополитическое, но и как ментальное единство его членов. Ментальное измерение позволяет охарактеризовать в том числе правовое развитие общества. Менталитет выступает относительно постоянной исторической величиной, его своеобразие определяется глубинными структурами общественного самосознания, в основе которого лежит отношение представителей этноса (в дальнейшем народа, нации) к окружающим природным и социальным явлениям, в политико-правовой сфере – к политическим институтам, к политическим и правовым событиям и процессам, к юридическим действиям и фактам и т.д.

2. Установление основным «хранилищем» менталитета подсознательного уровня психики личности позволяет считать его сущностной чертой латентность, скрытость от непосредственного наблюдения. Использование социологического метода исследования дает возможность отойти от традиционных излишне психологизированных воззрений в пользу рациональности иного типа посредством выявления социокультурной природы

национального политико-правового менталитета. Анализ базовых факторов этногенеза и причин формирования этнонационального менталитета позволяет понять особенности национального правового менталитета и специфику ментальности этноса.

3. Менталитет предстает как образ мысли, мироощущение и мировосприятие исторической общности людей, проявляющиеся в мировоззренческих и поведенческих стереотипах. Многообразные факторы формирования белорусского этноса способствовали складыванию таких базовых ментальных черт белорусов, как трудолюбие, толерантность, миролюбие (отсутствие противопоставления человека социуму и природе, принятие, уважение культуры и обычаев соседей), в правовой сфере – подчиненность и традиционность. Отличительными свойствами белорусской культуры является синкретичность, что определяется как признанием целостности, неотделимости человека, общества и природы, так и объективным процессом интеграции общей и правовой культур Запада и Востока в силу геополитического положения белорусских земель.

4. Обращение к проблематике менталитета в контексте изучения правовой культуры конкретного общества полагает исследование его архитектоники в виде совокупности взаимопроникающих структур – не только социального взаимодействия и поведения субъектов в правовой сфере, но и стиля юридического мышления, а также политико-юридической парадигмы и других возможных внешних проявлений правового менталитета и ментальности. Представленный подход позволяет выявить сложные феномены общественного правового сознания, объективируемые в национальных государственно-политических институтах, в правовых явлениях, в системе политико-правовых отношений, в национальном фольклоре, в совокупности определяющих национальный правовой уклад. Ментальные характеристики представителей этноса призваны способствовать пониманию и объяснению специфики восприятия членами того или иного общества правовых явлений, особенности менталитета – осмыслению отличных черт правовой культуры общества, верному определению направлений правовой модернизации.

Библиографический список

1. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч ; прадм. С. Дубаўца. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.
2. Байниязов, Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет / Р.С Байниязов // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 31-40.
3. Бугаенко, Ю.Ю. Правовая культура в современной России (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ю.Ю. Бугаенко. – Краснодар, 2004. – 19 с.
4. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Минск: Беларусь, 2003. – 680 с.
5. Живая вода. Сборник русских народных песен, сказок, пословиц, загадок / сост., вступит. ст. и примеч. В.П. Аникина. – М. : Дет. лит., 1975. – 367 с.
6. Иванников, И.А. Концепция правовой культуры / И.А Иванников // Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 12-16.

Библиографический список

7. Карский, Е.Ф. Белорусы : в 3 т. / Е.Ф. Карский. – Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. – Минск: БелЭн, 2006. – 656 с. : 2 карты. – Т. 2 : Язык белорусского народа. Кн.1. – Минск: Бел Эн., 2006. – 456 с. – Кн. 2. – Минск: Бел Эн., 2006. – 512 с. – Т. 3 : Очерки словесности белорусского племени. Кн. 1. – Минск: Бел Эн., 2007. – 584 с. – Кн. 2. – Минск: БелЭн., 2007. – 704 с.
8. Кириенко, В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. – 319 с.
9. Кудринский, Ф. Белоруссы (Общий очерк) / Ф. Кудринский // Виленский календарь на 1905 простой год. Вильна: Типография «Русский Почин», 1904. – URL: http://www.russianresources.lt/archive/Vilnius/Kudrin_21.html. (дата обращения: 14.12.2018).
10. Леванский, В.А. Юристы о пословицах, характеризующих правовую систему общества / В.А. Леванский, Н.Я. Соколов // Государство и право. – 2009. – № 7. – С. 5-12.
11. Меняйло, Д.В. Правовой менталитет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Меняйло. – Волгоград, 2003. – 23 с.
12. Мордовцев, А.Ю. Российская государственность в ментально-правовом измерении : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.Ю. Мордовцев. – Ростов-на-Дону, 2004. – 56 с.
13. Мурунова, А.В. Правовая культура и правовая ментальность: проблема соотношения / А.В. Мурунова // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 194-197.
14. Седельник, В.В. Юридические пословицы и поговорки как элемент правового менталитета / В.В. Седельник // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы VI Междунар. науч. конф., Гомель, 21–22 мая 2009 г. / под общ. ред. В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. – С. 249-251.
15. Юрашевич, Н.М. Правовой менталитет белорусского общества / Н.М. Юрашевич // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2007 – № 3. – 85-88.

УДК 343.102

Александр Владимирович ШАХМАТОВ,
профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор
a-chahmatov@yandex.ru

Ардак Маратович КАРЛ,
адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России
karl_ardak@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПЕРЕЧНЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

ON THE ISSUE OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE LIST OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE MEASURES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

В статье исследуется система оперативно-розыскных мероприятий. В частности, проведен сравнительный анализ перечня оперативно-розыскных мероприятий в Российской Федерации и Республике Казахстан, на основании которого авторы вносят ряд предложений о дополнении перечня оперативно-розыскных мероприятий в целях совершенствования оперативно-розыскных законодательств Российской Федерации и Республике Казахстан.

The article investigates system of operational investigative measures. A comparative analysis of the list of operational search activities in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan is given. In order to improve the operational-search legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, the author proposes to supplement the list of operational investigative measures.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, содержание оперативно-розыскных мероприятий, засада, захват, оперативный эксперимент, полиграфологическое исследование.

Keywords: operational search activities, contents of operational search activities, ambush, bust operation, operational experiment, polygraph examination.

Каждый вид оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) имеет большое количество собственных особенностей. Однако ОРМ невозможно считать отдельными и не зависящими друг от друга способами получения и собирания информации, они представляют собой целостную организованную систему, относятся к упорядоченной совокупности действий, имеющей внутреннюю взаимосвязь. Во-первых, им свойственна целостная правовая конструк-

ция. Во-вторых, они выполняют принципы и нравственные требования оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). В-третьих, они формируются на познавательной форме, направленной на получение и фиксацию оперативно значимой информации.

Статья 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») ограничивает осуществление действий, не входящих в законодательный перечень ОРМ.

Статья 11 Закона Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон РК «Об ОРД»), посвященная видам ОРМ, не указывает, что приведенный перечень общих и специальных ОРМ является исчерпывающим. При этом в п. 1 ст. 8 Закона РК «Об ОРД» предусмотрено, что органы, уполномоченные осуществлять ОРД, имеют право проводить ОРМ, перечисленные в ст. 11 этого закона, гласно и негласно в пределах своей компетенции. Получается, что закон все же ограничивает перечень ОРМ закрепленными в ст. 11.

В связи с этим вопрос о целесообразности закрытого перечня ОРМ среди специалистов рассматривается по-разному: одни ученые такой подход законодателя критикуют, другие – поддерживают. В частности, В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров считают, что в ст. 6 ФЗ «Об ОРД» исчерпывающий перечень ОРМ малосостоятелен и неперспективен. Авторы отмечают, что для правоприменителя это становится своеобразным «тормозом» на пути поиска новых, нетрадиционных форм и методов борьбы с преступностью. [1, с. 11, 12]

А.Д. Парманасов, поддерживая В.М. Аتماжитова и В.Г. Боброва, считает, что, чтобы не затрагивать конституционные права и свободу личности, ст. 6 Модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» необходимо дополнить фразой: «органы, осуществляющие ОРД, вправе проводить иные действия, отвечающие требованиям принципов ОРД, направленные на решение задач ОРД, не ограничивающие конституционных прав и свобод граждан и не причиняющие вреда окружающей среде» [9, с. 154].

В.Н. Омелин считает такой вывод весьма спорным. Автор отмечает, что в плане соблюдения принципа законности, прав и свобод личности в ОРД позиция авторов представляется уязвимой, а также использование результатов ОРМ в уголовном процессе будет проблемным, так как станет не ясно, при осуществлении каких конкретно допустимых ОРМ были получены фактические данные. [8, с. 191]

И.А. Батаев в юридической литературе, посвященной результатам ОРД в уголовном процессе, утверждает, что в рамках ОРД мо-

гут осуществляться только те ОРМ, исчерпывающий перечень которых предусмотрен ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД». [2, с. 23]

Профессор А.Е. Чечётин считает, что проблема закрытости содержания ОРМ решится, если закон предусмотрит проведение помимо ОРМ иных действий, направленных на решение задач ОРД, отвечающих принципам ОРД и не причиняющих вреда гражданам. [17, с. 85]

По поводу «иных действий» Парламентская Ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности приняла проект модельного Соглашения о сотрудничестве государств – членов ОДКБ в сфере оперативно-розыскной деятельности [7], где помимо указанных обстоятельств под оперативно-розыскными действиями понимаются содержащиеся в законах об ОРД организационные, управленческие и иные действия, обеспечивающие законность и эффективность ОРД. Из этого следует, что ОРД проводится посредством не только ОРМ, но и организационных, управленческих и иных действий.

В юридической литературе специалистами высказано мнение о том, что целесообразно уточнить, какие именно мероприятия необходимы в перечне ОРМ.

В частности, С.И. Захарцев, рассматривая вопрос об увеличении перечня ОРМ, считает, что засада, захват, применение полиграфа, тарификация соединений являются ОРМ. [5, с. 220] В Казахстане М.П. Сысалов также считает, что следует учесть такие два мероприятия, как оперативный эксперимент и полиграфологическое исследование. Они имеют достаточно серьезное научное обоснование считать их ОРМ. [13, с. 160]

А.Ю. Шумилов писал, что засада – это один из выработанных оперативно-розыскной практикой способов пресечения преступления: заблаговременное и скрытое размещение оперативника (или группы) на известном или наиболее вероятном маршруте движения (месте появления) лица, совершившего преступление, разыскиваемого или иного изучаемого лица с целью его захвата. [18, с. 98] Из данного определения очевидно, что засада не имеет никаких познавательных сторон, а именно получение оперативной информа-

ции, а также ее фиксация, которые есть у каждого ОРМ.

Верно отметил В.Н. Омелин, что такое действие можно именовать оперативно-тактическим. [8, с. 192] На наш взгляд, целью засады является разгром преступника, что не является целью оперативно-розыскного закона в общем.

Вторым оперативно-розыскным мероприятием С.И. Захарцев выделяет захват. Ранее данный вопрос исследовал Н.И. Крашенинников. По его мнению, сущность захвата является оперативно-розыскным действием. [6, с. 51] Такого же мнения придерживается Н.С. Железняк. Однако у него название звучит немного иначе, он называет мероприятие «задержание лица, подозреваемого в совершении преступления», а также сужает круг захвата лиц. [4, с. 30]

Б.Б. Булатов посвятил задержанию лиц по подозрению в совершении преступления целую главу в монографии и считает, что, совершенствуя уголовно-процессуальное законодательство, в УПК РФ необходимо указать основание и круг лиц, имеющих право проводить задержание гражданина т.е. захват и доставку в орган дознания, к следователю, прокурору. [3, с. 74] Его мысль поддерживает А.Е. Чечётин, предлагая дополнить ст. 15 ФЗ «Об ОРД» положением, разрешающим оперативным сотрудникам осуществлять захват покушающихся на совершение преступления или находящихся в розыске. [17, с. 88]

На законодательном уровне захват закреплён в оперативно-розыском законе Казахстана. Его наименование – «проведение операций по захвату вооружённых преступников». Законодательное понятие сужает круг преступных лиц, то есть данное ОРМ можно применить только к вооружённым лицам. В связи с этим возникает необходимость принятия целого ряда дополнительных мер, обеспечивающих безопасность участников операции и лиц, которые могут оказаться в зоне задержания преступника.

В законодательстве Казахстана по поводу названия данного ОРМ есть два вопроса: можно ли проводить захват невооружённых преступников? можно ли проводить захват, когда не имеется возбужденного уголовного дела?

Считаем, что осуществлять захват невооружённых преступников можно, так как не всегда захват производится только вооружённых лиц. В отношении второго вопроса – захват необходимо производить не только преступников, но и подозреваемых в совершении преступления.

Казахстанские ученые С.В. Паташков, Ж.М. Чокин, Е.Е. Каймульдинов попытались дать авторское определение данному ОРМ. Они считают, что «под проведением операций по захвату вооружённых преступников следует считать комплекс взаимосвязанных и согласованных по месту и времени проведения оперативно-розыскных, административных (режимных), военно-тактических (штурма, захвата) и уголовно-процессуальных действий, осуществляемых оперативными органами и другими силами в целях предупреждения или пресечения вооружённого сопротивления задерживаемых лиц и принятия к ним мер, предусмотренных законом» [10, с. 146].

Из определения можно понять, что захват вооружённых преступников требует тщательной подготовки перед проведением операции. При этом в самой операции проводятся и другие ОРМ, такие как опрос, установление гласных и негласных отношений, внедрение, применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность, применение специальных технических средств, применение служебно-розыскных собак и другие.

Результаты проведенного нами опроса сотрудников оперативных подразделений ОВД в Российской Федерации показывают, что 26,5% респондентов посчитали целесообразным закрепить в законодательстве действие «захват» в качестве ОРМ. Однако 58,8% оперативных сотрудников были против, а 14,7% затруднились ответить.

Следует отметить, что сотрудники, решившие дополнить закон новым ОРМ, занимались именно противодействием организованной преступности. Это говорит о том, что в большинстве случаев данные респонденты сталкиваются с проблемами, которые требуют быстрого реагирования.

На основании изложенного мы считаем, что данное мероприятие играет важную роль в ОРД и что необходимо изменить в ст. 11

Закона РК «Об ОРД» название данного ОРМ с «операции по захвату вооруженных преступников» на «захват лиц, подозреваемых в совершении преступления» и в ст. 6 ФЗ «Об ОРД» закрепить его в качестве самостоятельного ОРМ под таким же названием.

Также в данное время для решения задач ОРД популярность набирает такое действие, как применение полиграфа. Однако можно ли его считать самостоятельным ОРМ? Многие специалисты уделяли внимание данному вопросу [13, с. 160; 16, с. 157], однако немногие считают применение полиграфа самостоятельным ОРМ [14, с. 63; 15, с. 24-25]. Мы поддерживаем позицию ученых, считающих применение полиграфа самостоятельным ОРМ.

К примеру, С.И. Захарцев и М.П. Сысалов считают, что применение полиграфа – это не разновидность опроса, а отдельное ОРМ – «полиграфологическое исследование». Основной задачей опроса является получение оперативно значимой информации, тогда как задачи полиграфа гораздо шире. [13, с. 162]

Верно отметил А.Е. Чечётин, что гласные и негласные полиграфологические исследования должны относиться к ОРМ «полиграфологическое исследование» не только по сути, но и нормативно. [17, с. 127] Законопроект № 478780-5 «О применении полиграфа» был предложен на рассмотрение в декабре 2010 г. Однако через два года его сняли с рассмотрения. Причиной этому послужило несоблюдение правил внесения законопроекта авторами текста, а также несоответствие ст. 105 регламента Госдумы. [11]

В России Инструкция от 28 декабря 1994 г. № 437 «О порядке использования полиграфа при опросе граждан» осталась. В Казахстане отсутствуют и закон, и инструкция. Об этом писала Г. Сагынбекова, поставив вопрос о принятии соответствующего закона, так как при исследовании на полиграфе затрагиваются права и свободы человека. Поэтому естественно, что в правовом государстве такие принципиально новые средства получения доказательств должны вводиться в практику государственных органов только решениями законодательной власти. [12]

В ходе проведения опроса оперативных сотрудников с целью определения полиграфологического исследования как самостоя-

тельного ОРМ выяснилось, что в Казахстане 48% респондентов, основываясь на своем опыте, посчитали нужным добавить полиграфологическое исследование в перечень ОРМ, 42% решили его не выделять как самостоятельное ОРМ и 10% затруднились ответить. Среди оперативных сотрудников России всего лишь 27% посчитали, что полиграфологическое исследование может осуществляться как самостоятельное ОРМ, 63% приняли решение, что «полиграфологическое исследование» является разновидностью опроса и 11% затруднились ответить.

Процент оперативных сотрудников, которые считают, что исследование на полиграфе может быть самостоятельным ОРМ, в Казахстане больше, чем в России. Мы считаем, что такое различие вызвано отсутствием надлежащих нормативных правовых актов, которые разъясняли бы понятия и способы применения полиграфа.

В сравнении с опросом полиграфологическое исследование является более сложным мероприятием как по подготовке, так и по применению его в отношении объекта. Также основной целью опроса является добывание оперативно значимой информации, а цель полиграфологического исследования – оценка достоверности сообщаемой информации, а также изучение психологических особенностей объекта.

Мы считаем, что полиграфологическое исследование в оперативно-розыскных законах России и Казахстана следует закрепить в качестве самостоятельного ОРМ.

Казахстанское оперативно-розыскное законодательство не имеет оперативного эксперимента в перечне ОРМ. М.П. Сысалов предлагает включить его в перечень, хотя при этом он лишь классифицирует оперативный эксперимент на несколько групп, но не дает конкретного обоснования, для чего он необходим. Данное мероприятие, как сказал профессор А.Ю. Шумилов, является «специальным или особо острым ОРМ», отличительная черта которого – активное воздействие на преступную деятельность, сопряженное с реальной опасностью для оперативных сотрудников преступить грань дозволенного законом. [19, с. 106]

Следует отметить, что в Законе РК «Об ОРД» имеется аналогичное оперативному эксперименту ОРМ «применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность».

Одной из важных проблем в теории ОРД является отсутствие законодательного определения каждому ОРМ. Проблема заключается в том, что различные оперативные подразделения государственных органов, проводящие ОРД, понимают их по-разному, вследствие чего в своих ведомственных нормативных актах дают им разные определения.

Следует отметить, что в закреплении понятия каждого ОРМ в законах «Об оперативно-розыскной деятельности» с нами соли-

дарны 63,7% опрошенных нами лиц в ОВД Российской Федерации и 70% – в МВД Республики Казахстан.

Таким образом, подводя итог сравнительного анализа перечня оперативно-розыскных мероприятий законодательств России и Казахстана, можно сделать вывод, что закрытость перечня ОРМ должна оставаться, а для осуществления рассмотренных нами действий необходимо оперативно-розыскные законы дополнить такими мероприятиями, как захват лиц, подозреваемых в совершении преступления, и полиграфологическое исследование.

Библиографический список

1. Аتماжитов, В.М. Современное состояние и основные направления развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : научный доклад / В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров. – М., 2001. – 24 с.
2. Батаев, И.А. Уголовно-процессуальный аспект использования результатов оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / И.А. Батаев. – Ижевск, 2004. – 124 с.
3. Булатов, Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б.Б. Булатов. – Омск, 2003. – 320 с.
4. Железняк, Н.С. К вопросу о соотношении оперативно-розыскных мероприятий и оперативно-розыскной деятельности / Н.С. Железняк // Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики : материалы научно-практического семинара / отв. ред. В.М. Аتماжитов. – М., 2005. – С. 27-31.
5. Захарцев, С.И. Теория и правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий : дис. ... д-ра юрид. наук / С.И. Захарцев. – СПб., 2004. – 397 с.
6. Крашенинников, Н.И. Получение оперативно-процессуальной информации о преступлениях и использование ее в оперативной судебной-следственной практике / Н.И. Крашенинников. – СПб., 2001. – 115 с.
7. О проекте модельного Соглашения о сотрудничестве государств – членов ОДКБ в сфере оперативно-розыскной деятельности : постановление ПА ОДКБ от 30 октября 2018 г. № 11-4 // Парламентская Ассамблея ОДКБ. – URL: <http://www.paodkb.ru/docs/>.
8. Омелин, В.Н. О системе оперативно-розыскных мероприятий / В.Н. Омелин // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности : сборник научных трудов / под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – М., 2017. – С. 188-206.

9. Парманасов, А.Д. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности в странах – участниках Евразийского экономического союза (по материалам органов внутренних дел) : дис ... канд. юрид. наук / А.Д. Парманасов. – СПб., 2018. – 263 с.
10. Паташков, С.В. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / С.В. Паташков, Ж.М. Чокин, Е.Е. Каймульдинов. – Алматы, 2002. – 259 с.
11. Проект Федерального закона № 478780-5 «О применении полиграфа» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24.12.2010) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.03.2019).
12. Сагынбекова, Г. Полиграф как источник доказательств / Г. Сагынбекова // Сайт «Zakon.kz». – URL: <https://www.zakon.kz/221763-poligraf-kak-istochnik-dokazatelstv-g.html> (дата обращения: 01.03.2019).
13. Сысалов, М.П. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник / М.П. Сысалов. – Алматы, 2004. – 338 с.
14. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.С. Бахты. – Хабаровск, 2013. – 240 с.
15. Фирсов, О.В. Правовые основы оперативно-розыскных мероприятий : учебное пособие / О.В. Фирсов. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2011. – 208 с.
16. Холодный, Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты) / Ю.И. Холодный. – М., 2000. – 157 с.
17. Чечётин, А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий : монография / А.Е. Чечётин. – М., 2006. – 180 с.
18. Шумилов, А.Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия / А.Ю. Шумилов. — М., 2004. – 364 с.
19. Шумилов, А.Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий : учебное пособие / А.Ю. Шумилов. – М., 1999. – 126 с.

УДК 343.119

Алия Кайратовна САЛЫКОВА,доцент кафедры уголовного права и процесса
Центрально-Казахстанской академии
(Казахстан, г. Караганда)

aliya-salykova@mail.ru

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ (СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ) В СИСТЕМЕ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION (COOPERATION AGREEMENT) IN THE SYSTEMS OF CRIMINAL LEGISLATION NORMS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

В статье исследуется место досудебного соглашения о сотрудничестве (соглашения о сотрудничестве) в системе норм уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан с учетом подходов к определению правовой природы указанного института, особенностей законодательной регламентации назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств. В результате предлагаются изменения части 1 статьи 61 и частей 2 и 4 статьи 62 УК РФ, частей 3 и 6 статьи 55, статей 67, 72 и 73 УК РК.

The place of a pre-trial agreement on cooperation in the systems of criminal legislation norms in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan is considered in the article taking into account different approaches to determining the legal nature of the mentioned institution as well as peculiarities of legal regulation of sentencing in the presence of mitigating circumstances. As a result, some changes of Part 1 of Art. 61 and of Parts 2 and 4 of Art. 62 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as changes of Part 3 and 6 of Art. 55, Arts. 67, 72 and 73 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan are proposed by the author.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, соглашение о сотрудничестве, процессуальное соглашение, правовая природа, обстоятельства, смягчающие наказание, назначение наказания.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation, cooperation agreement, procedural agreement, legal nature, mitigating circumstances, sentencing.

Досудебному соглашению о сотрудничестве в Уголовном кодексе Российской Федерации посвящены положения двух статей: чч. 2 и 4 ст. 62, ст. 631. Насколько оптимальным является место данного правового института в системе уголовно-правовых норм? Соответствует ли оно его правовой природе?

В теории уголовного права вопрос о правовой природе досудебного соглашения о сотрудничестве однозначно не решен.

Высказано мнение, что досудебное соглашение о сотрудничестве, а точнее факт его заключения, можно рассматривать как самостоятельное обстоятельство, смягчающее наказание. Так, С.С. Ключников полагает, что факт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве свидетельствует о положительном постпреступном поведении подозреваемого или обвиняемого, который добровольно изъявляет желание по содействию следствию, изобличению сообщни-

ков преступления, что дает основание для оценки этого соглашения в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, и делает вывод о необходимости дополнения ч. 1 ст. 61 УК РФ пунктом «и¹» – «заключение досудебного соглашения о сотрудничестве». [8, с. 19-20] При этом автор предлагает посвятить досудебному соглашению о сотрудничестве отдельную норму в ст. 63.1 УК РФ, в которой определить понятие такого соглашения, обязательства его сторон и правовые последствия при выполнении и невыполнении его условий. [8, с. 9-10]

А.В. Боярская, рассматривая особый порядок при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), наряду с особым порядком судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) и производством дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ) в качестве упрощенной уголовно-процессуальной процедуры, определяет его юридическую природу как обстоятельства, смягчающего наказание, и предлагает статью 61 УК РФ дополнить пунктами «л»: «постановление приговора в упрощенном порядке, предусмотренном главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, с соблюдением всех необходимых условий применения данного производства», и «м»: «постановление приговора в упрощенном порядке, предусмотренном главами 32.1, 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, с соблюдением всех необходимых условий применения каждого из указанных производств». [3, с. 51-55] Специально выделять смягчающее наказание обстоятельство в виде «заключения и исполнения досудебного соглашения о сотрудничестве», по мнению А.В. Боярской, не следует, поскольку содержательно оно будет дублировать другое обстоятельство, предусмотренное п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. [3, с. 54] В предлагаемой А.В. Боярской редакции ст. 62 УК РФ в ч. 1 предусмотрено назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п.п. «и», и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, в чч. 2 и 3 – при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п.п. «л» и «м» ч. 1 ст. 61 УК РФ соот-

ветственно. В ч. 4 ст. 62 УК РФ содержится положение, согласно которому «в случае одновременного наличия смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и», «к» и «л» или «м» части первой ст. 61 настоящего Кодекса, сначала применяется правило, содержащееся в части первой настоящей статьи, а затем – содержащееся в части второй или третьей настоящей статьи» [3, с. 54].

В научной литературе достаточно распространено сравнение досудебного соглашения о сотрудничестве с деятельным раскаянием. И.Э. Звечаровский отмечает единство данных институтов по их социально-правовому назначению и механизму действия: сначала положительный результат со стороны лица, совершившего преступление (например, явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления), и лишь затем – хотя и не совпадающие по характеру и объему, но благоприятные уголовно-правовые последствия. Отличие механизма действия института соглашения о сотрудничестве от института деятельного раскаяния автор усматривает в одном: если последний начинает «работать» сразу после совершения преступления, то институт соглашения о сотрудничестве – лишь после заключения такого соглашения, а соответственно, после признания лица, совершившего преступление, подозреваемым или обвиняемым. [6, с. 14] Соглашаясь с рассуждениями И.Э. Звечаровского, Н.Н. Кириллова видит еще одно различие между названными институтами в моменте реализации: «Деятельное раскаяние может быть реализовано путем прекращения уголовного преследования как на стадии предварительного расследования, так и в суде. Выполнение условий досудебного соглашения о сотрудничестве влечет за собой благоприятные уголовно-правовые последствия лишь на судебных стадиях уголовного процесса» [7, с. 203].

М.В. Головизнин правовую природу досудебного соглашения о сотрудничестве считает возможным определить как процессуальное основание применения мер поощрения и положений института особого порядка при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. [4, с. 33] Вопрос о месте до-

судебного соглашения о сотрудничестве при этом не исследовался, но и регламентация «льготного» порядка назначения наказания как уголовно-правового последствия такого соглашения именно в статье 62 УК РФ критике не подвергалась.

А.Ф. Залов видит в досудебном соглашении о сотрудничестве новый «материально-процессуальный институт, в котором произошло слияние признаков и деятельного раскаяния и вызванных «дейтельным раскаянием» правовых последствий, сходных по своему характеру с «особым порядком», выраженных в упрощенной форме судопроизводства» и предлагает с учетом этого новую редакцию ч. 2 ст. 62 УК РФ [5, с. 36-37], не оспаривая тем самым выбранное законодателем место норм о рассматриваемом соглашении в ст. 62 УК РФ.

Анализ приведенных высказываний позволяет утверждать, что, несмотря на большое количество определений правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве, может быть два логически верных варианта определения места норм о таком соглашении в уголовном законе.

Первый – в ст. 62 УК РФ, как это имеет место в настоящее время. Учитывая название ст. 62 УК РФ «Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств», такой вариант определения места норм о досудебном соглашении будет правильным в случае признания такового в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, в том числе как специального вида деятельного раскаяния. При этом вопрос формулировки обстоятельства требует дополнительного обсуждения.

Второй – в самостоятельной статье уголовного закона. Данный вариант будет обоснованным, если досудебное соглашение о сотрудничестве рассматривать в качестве самостоятельного института, влияющего на снижение размера назначаемого наказания, но вне рамок института обстоятельств, смягчающих наказание. Сходная ситуация имеет место с институтом неоконченного преступления. Законодатель не рассматривает разновидности неоконченного преступления в качестве смягчающих наказание обстоятельств, но предусматривает «льготный» порядок на-

значения наказания в самостоятельной статье уголовного закона (ст. 66 УК РФ).

Выбор одного из указанных вариантов основывается на решении следующих вопросов. Признает ли действующее уголовное законодательство досудебное соглашение о сотрудничестве обстоятельством, смягчающим наказание? Есть ли основания для такого признания?

На первый вопрос трудно дать однозначный ответ. С одной стороны, в перечне смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренном ч. 1 ст. 61 УК РФ, досудебного соглашения нет. В ч. 2 ст. 62 УК РФ обязательным условием смягчения наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве названо наличие предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельств, смягчающих наказание. Сопоставление названия ст. 62 УК РФ с содержанием ее второй части приводит нас к выводу, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве признается законодателем скорее не обстоятельством, смягчающим наказание, а юридическим фактом, при котором обстоятельства, предусмотренные п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, будут влечь более «льготный» порядок назначения наказания. С другой стороны, ч. 4 ст. 62 УК РФ связывает смягчение наказания только с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, что с учетом названия данной статьи уголовного закона является аргументом в пользу того, что заключение досудебного соглашения – обстоятельство, смягчающее наказание.

Налицо рассогласованность положений уголовно-правовых норм между собой и с положением ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ: «Судья, удостоверившись, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, постановляет обвинительный приговор и с учетом положений частями 2 и 4 статьи 62 Уголовного кодекса Российской Федерации назначает подсудимому наказание».

Очевидно, что уголовно-правовые последствия в виде смягчения наказания по правилам ч. 2 или ч. 4 ст. 62 УК РФ должны наступать не ввиду заключения досудебного

соглашения о сотрудничестве (данный факт лишь порождает уголовно-процессуальные отношения, в которых реализуются особенности проведения предварительного следствия и особый порядок принятия судебного решения, но сам по себе не тождественен позитивному постпреступному поведению лица, совершившего преступление), а ввиду соблюдения условий и выполнения обязательств по досудебному соглашению.

Выполнение лицом, совершившим преступление, обязательств по заключенному с ним досудебному соглашению о сотрудничестве и надо исследовать на предмет правовой природы. Итак, можно ли рассматривать выполнение лицом, совершившим преступление, обязательств по заключенному с ним досудебному соглашению о сотрудничестве в качестве обстоятельства, смягчающего наказание?

Традиционно обстоятельства, смягчающие наказание, определяют как обстоятельства, индивидуализирующие наказание, предусмотренные законом или признаваемые таковыми судом, отражающие пониженную степень общественной опасности преступления и (или) личности виновного, учитываемые при назначении наказания. [9, с. 11; 10, с. 8]

Нет оснований спорить с распространенным утверждением, что «с уголовно-правовой точки зрения институт досудебного соглашения представляет собой правовое средство индивидуализации уголовной ответственности лица» [11, с. 118].

Выполнение лицом, совершившим преступление, обязательств по заключенному с ним досудебному соглашению о сотрудничестве означает совершение им действий по оказанию содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате совершения преступления. Нельзя не согласиться с И.Э. Звечаровским о сходстве институтов досудебного соглашения о сотрудничестве и деятельного раскаяния. [6, с. 14] На наш взгляд, выполнение обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве является специальным видом деятельного раскаяния,

предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, поскольку обладает рядом со схожими признаками двумя особенностями: во-первых, требует обязательную процессуальную форму (ст. 317.3 УПК РФ), во-вторых, не может ограничиваться содействием следствию лишь путем сообщения лицом сведений о его собственном участии в преступной деятельности (ч. 4 ст. 317.6 УК РФ).

То, что выполнение досудебного соглашения о сотрудничестве является специальным видом деятельного раскаяния, косвенно подтверждается разъяснением в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»: «при установлении обстоятельств, предусмотренных как частью 1, так и частью 2 статьи 62 Уголовного кодекса Российской Федерации, наказание назначается по правилам части второй этой статьи». «Тем самым, – справедливо отмечают Н.В. Артеменко и Н.Г. Шимбарева, – Верховный Суд четко определяет, что ч. 2 ст. 62 УК РФ выступает специальной нормой по отношению к ч. 1 этой же статьи (именно поэтому невозможно их последовательное применение)» [2, с. 7].

Если выполнение обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве является специальным видом деятельного раскаяния, а последнее традиционно признается законодателем одним из обстоятельств, смягчающих наказание, то есть основания для признания таковым и его специального вида.

Вопрос в том, как это обстоятельство сформулировать. Как отмечено выше, С.С. Ключников предлагает дополнить ч. 1 ст. 61 УК РФ пунктом «и¹» – «заключение досудебного соглашения о сотрудничестве» [8, с. 19-20], а А.В. Боярская – п. «м»: «постановления приговора в упрощенном порядке, предусмотренном главами 32.1, 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, с соблюдением всех необходимых условий применения каждого из указанных производств» [3, с. 54]. Обозначение пункта ч. 1 ст. 61 УК РФ буквой «и¹» соответствует разделяемой нами концепции, со-

гласно которой выполнение обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве – это специальный вид деятельного раскаяния, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Что же касается формулировки содержания исследуемого смягчающего наказание обстоятельства, то оба указанных варианта являются, на наш взгляд, уязвимыми. Первый из них – по названным ранее причинам, главная из которых состоит в том, что выражение намерения оказать содействие следствию, хоть и закрепленное в надлежащей процессуальной форме, и реальное содействие – не одно и то же. И только реальное положительное постпреступное поведение может снижать общественную опасность преступления, то есть быть смягчающим обстоятельством.

Второй вариант ставит во главу угла процессуальные особенности постановления приговора, но постановление приговора – это деятельность суда. Может ли деятельность суда снижать общественную опасность преступления? Очевидно, нет. Конечно, особый порядок постановления приговора, в частности предусмотренный главой 40.1 УПК РФ, предполагает выполнение обязательств лицом по заключенному досудебному соглашению о сотрудничестве. Однако А.В. Боярская, считая возможным одновременное применение положений ст. 62 УК РФ и о порядке назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств, и п. «и» и п. «м» ч. 1 ст. 61 УК РФ (в авторской редакции), тем самым как бы разрывает действия лица по оказанию содействия следствию и особый процессуальный порядок.

Есть и еще одно обстоятельство, не позволяющее согласиться с рассматриваемой точкой зрения. В соответствии с п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»: «В тех случаях, когда по уголовному делу установлено соблюдение всех условий и выполнение всех обязательств, предусмотренных в досудебном соглашении о сотрудничестве, однако суд в силу тех или иных оснований выносит постановление о

прекращении особого порядка судебного разбирательства (например, если содеянное подсудимым подлежит переквалификации и для этого требуется исследование собранных по делу доказательств), при судебном разбирательстве в общем порядке суду следует назначать подсудимому наказание по правилам части 2 или части 4 статьи 62 УК РФ». Таким образом, как верно отметил А. Александров, «Уголовный кодекс в качестве условия для применения положений частей второй и четвертой статьи 62 обязательного проведения особого порядка судебного разбирательства не требует» [1, с. 55].

Другими словами, законодатель связывает «льготные» правовые последствия, предусмотренные ч. 2 и ч. 4 ст. 62 УК РФ именно с деятельностью лица, совершившего преступление, по выполнению обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве.

Учитывая сказанное, предлагаем:

– часть 1 ст. 61 УК РФ дополнить п. «и¹»: «выполнение обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве»;

– изложение норм, предусмотренных чч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ, начинать со слов: «При наличии смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и¹» ч. 1 ст. 61 УК РФ...».

В уголовном законе Российской Федерации есть еще одна норма, посвященная досудебному соглашению о сотрудничестве, точнее, нарушению такого соглашения, которая содержится в ст. 631 УК РФ. Полагаем, что в случае принятия предлагаемых нами изменений ст. 62 УК РФ необходимость в ст. 631 УК РФ отпадет.

В Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК РК) несколько норм посвящены процессуальному соглашению, формами которого согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан (далее – УПК РК) является сделка о признании вины и соглашение о сотрудничестве. В нормах УК РК используется родовое понятие «процессуальное соглашение», термин «соглашение о сотрудничестве» не употребляется.

Влияние процессуального соглашения на назначение наказания отражено в ч. 3 ст. 55 УК РК: «По делам ускоренного производст-

ва, а также по делам, по которым выполнены все условия процессуального соглашения, срок или размер основного вида наказания за совершенное уголовное правонарушение не может превышать половину максимального срока или размера, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса...». Отметим, что смягчение наказания законодатель Республики Казахстан ставит в зависимость не от факта заключения процессуального соглашения (как в уголовном законодательстве России), а от выполнения условий такого соглашения, что по названным выше причинам более правильно.

Статья 55 УК РК носит название «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное уголовное правонарушение», но, несмотря на сходство в названии со статьей 64 УК РФ, не аналогична ей по содержанию.

Так, в ст. 55 УК РК регламентированы случаи любого смягчения наказания, в частности неназначения лишения свободы при наличии в санкции менее строгих, чем лишение свободы, видов наказания (ч. 1); при наличии смягчающего обстоятельства, не предусмотренного в качестве признака совершенного преступления, и отсутствии отягчающих обстоятельств (ч. 2); по делам ускоренного досудебного расследования, при выполнении условий процессуального соглашения, а также приказом производстве (ч. 3); при наличии исключительных обстоятельств (чч. 4 и 5).

Учитывая, что выполнение условий процессуального соглашения как основание «льготного» порядка назначения наказания содержится в одной части ст. 55 УК РФ совместно с «упрощенными процессуальными процедурами», можно сделать вывод, что законодатель видит правовую природу процессуального соглашения именно в его взаимосвязи с процессуальными особенностями расследования и вынесения судебного решения, то есть с процессуальной формой, а не с содержанием рассматриваемого соглашения как правового явления.

Возможно, такой подход к определению места процессуального соглашения в системе норм уголовного права о назначении

наказания объясняется тем, что законодатель Республики Казахстан не придает особого статуса деятельному раскаянию среди иных смягчающих обстоятельств. В УК РК нет аналога норм, предусмотренных чч. 1 и 3 ст. 62 УК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 55 УК РК при наличии любого смягчающего обстоятельства, не предусмотренного в качестве признака совершенного преступления, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок и размер основного вида наказания не может превышать при совершении преступления небольшой или средней тяжести – половины, тяжкого преступления – двух третей, особо тяжкого преступления – трех четвертей максимального срока и размера, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части кодекса.

И хотя содержательный подход к определению правовой природы любого правового явления, в том числе исследуемого соглашения, мы считаем более правильным, чем формальный, изменять место процессуального соглашения в ст. 55 УК РФ, а также включать выполнение условий такого соглашения в перечень обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность и наказание, закрепленный в ст. 53 УК РК, мы не предлагаем. Во-первых, ввиду вышеназванных особенностей регламентации смягчения наказания в УК РК. Во-вторых, такое изменение создаст коллизию норм, предусмотренных чч. 2 и 3 ст. 55 УК РК. Кроме того, процессуальное соглашение, как мы отмечали, имеет две формы: соглашение о сотрудничестве и сделку о признании вины. И если выполнение условий (обязательств) соглашения о сотрудничестве можно назвать специальным видом деятельного раскаяния, то такое утверждение в отношении простого признания вины не столь бесспорно.

Положительной особенностью законодательной регламентации процессуального соглашения в уголовном законодательстве Республики Казахстан является то, что все правовые последствия выполнения условий такого соглашения отражены именно в уголовном законе.

Помимо сокращения верхнего предела наиболее строгого наказания (ч. 3 ст. 55 УК РФ) таким правовым последствием может

быть назначение наказания ниже низшего предела (ч. 6 ст. 55 УК РФ). Возможность освобождения от уголовной ответственности при выполнении условий процессуального соглашения предусмотрена ст. 67 УК РК. В ст. 72 и 73 УК РК содержатся положения об особенностях условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо сокращение срока назначенного наказания применительно к осужденным, выполнившим условия процессуального соглашения.

Представляется, что опыт законодательной регламентации всех возможных правовых последствий досудебного соглашения о сотрудничестве именно в уголовном законодательстве можно было бы перенять российскому законодательству. В соответствии с ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ: «По усмотрению суда подсудимому с учетом положений статей 64, 73 и 80.1 УК РФ могут быть назначены более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или он может быть освобожден от отбывания наказания». Учитывая содержание принципа законности – «преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 3 УК РФ), считаем, что положение о возможности применения названных статей в случае выполнения обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве должно содержаться в уголовном законе: либо в ч. 2 ст. 62 УК РФ, либо в самих указанных статьях уголовного закона (ст. 64, 73, 80.1 УК РФ).

Возвращаясь к уголовно-правовой регламентации исследуемого правового явления в Республике Казахстан, отметим ее слабый, на наш взгляд, момент. Использование родового понятия «процессуальное соглашение» было бы уместным, если положения уголовного закона в равной степени распространялись бы на обе формы процессуального соглашения – сделку о признании вины и соглашение о сотрудничестве, но это далеко не так. Например, положения ст. 72 и 73 УК РК, регламентирующих особенности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и за-

мены неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо сокращение срока назначенного наказания применительно к осужденным, выполнившим условия процессуального соглашения, следует толковать ограничительно. Так как сделка о признании вины не может быть заключена с осужденным, в указанных статьях уголовного закона имеется в виду соглашение о сотрудничестве. Данный вывод строится на сопоставлении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства. При толковании положений ст. 67 УК РК, согласно которой «лицо, выполнившее все условия процессуального соглашения, может быть освобождено от уголовной ответственности», такой прием неприменим, поскольку статус указанного лица не конкретизируется. Разъяснение по вопросу о том, какое процессуальное соглашение имел в виду законодатель в ст. 67 УК РФ, дается в п. 25 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 7 июля 2016 г. № 4 «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве»: «Применение статьи 67 Уголовного кодекса Республики Казахстан при рассмотрении дела в согласительном производстве недопустимо, поскольку эта норма применима лишь к лицу, заключившему процессуальное соглашение о сотрудничестве, при условии выполнения им всех условий соглашения».

Представляется, что оптимальная формулировка законодательных положений должна способствовать их буквальному толкованию, в связи с чем предлагаем в ст. 67, 72 и 73 УК РК термин «процессуальное соглашение» заменить термином «соглашение о сотрудничестве». Для исключения двоякого толкования положений чч. 3 и 6 ст. 55 УК РК и для их согласования с положениями ст. 67, 72 и 73 УК РК считаем целесообразным чч. 3 и 6 ст. 55 УК РК выражение «при выполнении условий процессуального соглашения» дополнить словами «в форме сделки о признании вины или соглашения о сотрудничестве».

Подводя итог изложенному, можно сделать некоторые выводы.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации, регламентируя

досудебное соглашение о сотрудничестве в нормах, предусмотренных ч. 2, 4 ст. 62 и 631 УК РФ, демонстрирует рассогласованность положений названных норм между собой и с соответствующими уголовно-процессуальными нормами.

Исследование вопроса о правовой природе досудебного соглашения о сотрудничестве и его месте в системе уголовно-правовых норм Российской Федерации позволило обосновать суждение о том, что не сам факт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а выполнение обязательств по такому соглашению можно рассматривать в рамках института обстоятельств, смягчающих наказание, в качестве специального вида деятельного раскаяния.

Для преодоления проблемы рассогласованности норм, учитывая правовую природу исследуемого правового явления, предлагаем дополнить ч. 1 ст. 61 УК РФ пунктом «и¹»: «выполнение обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве»; изложение норм, предусмотренных чч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ, начинать со слов: «При наличии смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и¹» ч. 1 ст. 61 УК РФ...»; статью 631 УК РФ исключить из уголовного закона.

Регламентацию процессуального соглашения в уголовном законодательстве Республики Казахстан следует в целом признать логически выверенной. В качестве положительных моментов можно назвать то, что, во-первых, смягчение наказания законодатель Республики Казахстан ставит в зависимость не от факта заключения процессуального соглашения (как в уголовном законодательстве России), а от выполнения условий такого со-

глашения; во-вторых, все правовые последствия выполнения условий такого соглашения отражены именно в уголовном законе. Данный положительный опыт мог бы быть воспринят, на наш взгляд, уголовным законодательством Российской Федерации.

Законодатель Республики Казахстан видит правовую природу процессуального соглашения именно в его взаимосвязи с процессуальными особенностями расследования и вынесения судебного решения, то есть с процессуальной формой, а не содержанием рассматриваемого соглашения как правового явления. Несмотря на то, что содержательный подход к определению правовой природы любого правового явления, в том числе исследуемого соглашения, мы считаем более правильным, чем формальный, изменять его место в статье 55 УК РК, а также включать выполнение условий такого соглашения в перечень обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность и наказание, закрепленный в ст. 53 УК РК, мы не предлагаем, поскольку это создаст коллизию многих норм институтов смягчения и назначения наказания.

Перспективным направлением совершенствования законодательной регламентации норм уголовного права Республики Казахстан о процессуальном соглашении является, на наш взгляд, использование в ст. 67, 72 и 73 УК РК не родового понятия «процессуальное соглашение», а видового – «соглашение о сотрудничестве», а в чч. 3 и 6 ст. 55 УК РК – детализированного выражения «при выполнении условий процессуального соглашения форме сделки о признании вины или соглашения о сотрудничестве».

Библиографический список

1. Александров, А. Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу / А. Александров // Уголовное право. – 2011. – № 1.
2. Артеменко, Н.В. Верховный Суд о правилах смягчения уголовного наказания / Н.В. Артеменко, Н.Г. Шимбарева // Уголовное право. – 2016. – № 5.
3. Боярская, А.В. Проблемы конструирования специальных правил назначения наказания, связанных с применением упрощенных уголовно-процессуальных процедур / А.В. Боярская // Российская юстиция. – 2014. – № 5.
4. Головизнин, М.В. О природе особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / М.В. Головизнин // Российский судья. – 2012. – № 7.
5. Залов, А.Ф. Сделка с правосудием: проблемы правоприменения / А.Ф. Залов // Законность. – 2011. – № 8.
6. Звечаровский, И.Э. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве / И.Э. Звечаровский // Законность. – 2009. – № 9.
7. Кириллова, Н.П. Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и в случае его нарушения / Н.П. Кириллова // Известия вузов. Правоведение. – 2009. – № 6.
8. Ключников, С.С. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве и его уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид наук / С.С. Ключников. – Краснодар, 2013.
9. Кругликов, Л.Л. Смягчающие и отягчающие обстоятельства / Л.Л. Кругликов. – Ярославль, 1977.
10. Мишкин, В.Б. Смягчение наказания в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Б. Мишкин. – Омск, 2013.
11. Стовповой, А. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве на предварительном следствии / А. Стовповой, В. Тюнин // Уголовное право. – 2010. – № 3.

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 342.9

Андрей Александрович КОНДРАШЕВ,
заведующий кафедрой конституционного, административного
и муниципального права Юридического института
Сибирского федерального университета (г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор

legis75@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН НА ИНФОРМАЦИЮ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

THE MAIN TRENDS IN RESTRICTING CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS TO INFORMATION ON THE INTERNET: RUSSIAN LEGISLATION AND PRACTICE

Статья посвящена проблеме ограничения свободы выражения мнения в Интернете в России. Автор на основе сравнения китайско-азиатской и американско-европейской моделей регулирования размещения информации в сети Интернет приходит к выводу, что Россия постепенно движется в сторону механизма регулирования Интернета, инициированного Китаем. Об этом свидетельствует экспоненциальное увеличение числа оснований внесудебного блокирования интернет-ресурсов, рост числа уполномоченных органов, имеющих право принимать решения о блокировках, постоянное увеличение и ужесточение санкций (уголовных и административных) за размещение той или иной информации в сети Интернет.

The article is devoted to the problem of restricting freedom of expression on the Internet in Russia. On the basis of a comparison between the Sino-Asian and American-European models for regulating the placement the information on the Internet, the author comes to the conclusion that Russia is gradually moving towards the mechanism for regulating the Internet initiated by China. The evidence includes the exponential increase in the number of out-of-court grounds for blocking Internet resources as well as the increase in the number of bodies authorized to decide on blocking resources and toughening sanctions (criminal and administrative) for placing particular information on the Internet.

Ключевые слова: свобода слова, свобода выражения мнения, ограничения свободы распространения информации в сети Интернет, закон об ответственности за оскорбление государства, уголовная ответственность за высказывания в Интернете.

Keywords: *freedom of speech, freedom of expression, restrictions on freedom of information dissemination on the Internet, law on liability for insulting the state, criminal liability for statements on the Internet.*

В последние годы, а именно с 2012 года, российское государство принимает разнообразные законы, направленные на регулирование размещения информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, причем используя инструменты, позволяющие в широких пределах ограничивать реализацию конституционных прав и свобод граждан: от свободы выражения мнения до права на охрану частной жизни.

Как известно, посредством сети Интернет может быть реализовано практически любое конституционное (основное) право человека. Как отмечает М.Ю. Серeda, «ограничение доступа к ресурсу может затронуть не только свободу распространения информации, но и свободу СМИ, свободу предпринимательства, право на образование и др. Существующее законодательство об ограничении прав и свобод в сети Интернет предполагает применение мер государственного принуждения, не всегда являющихся мерами юридической ответственности. Указанные меры действуют в отношении физических и юридических лиц, не нарушающих законодательства» [8].

Международная правозащитная организация Human Rights Watch (HRW) опубликовала еще в 2017 году доклад о системе ограничений свободы слова в России – «Онлайн и по всем фронтам. Наступление на свободу выражения мнений в России».

По мнению экспертов этой авторитетной международной организации, ряд законов Российской Федерации, принятых после 2012 года, последовательно направлены на сужение пространства для общественных дискуссий, в том числе в Интернете, и особенно по вопросам, которые российские власти считают для себя неудобными или чреватými расколом в обществе. [12]

Среди законов, фигурирующих в докладе HRW, упоминаются все резонансные законодательные инициативы последних лет: закон о защите чувств верующих (Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»), так

называемый закон Лугового (Федеральный закон от 28.12.2013 № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»»), принятый в 2013 году, который позволяет властям в 24 часа и без судебного распоряжения блокировать онлайн-ресурсы, распространяющие призывы к массовым беспорядкам, экстремистским действиям или участию в несанкционированных массовых мероприятиях, принятый в декабре 2018 года закон Яровой (Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»), закон о борьбе с колумбайн-сообществами (Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности») о блокировке не только информации, толкающей детей на совершение противоправных действий, но и контента, который склоняет несовершеннолетних к действиям, представляющим опасность для их жизни и здоровья.

Конечно, нельзя считать правильным утверждение, что государство должно полностью устраниваться от государственного контроля и регулирования размещения информации в Интернете. Ведь с помощью сети Интернет каждый год совершается все больше различных правонарушений – от мелкого кибермошенничества до организации террористических актов, кроме того, Интернет, как указывается некоторыми авторами, может использоваться в целях ведения информационных войн. [2]

Как известно, ст. 29 Конституции РФ закрепляет комплексное субъективное право – свободу слова (ч. 1) в совокупности со свободой выражения своего мнения (ч. 3) и свободой доступа к информации и ее распространения (ч. 4). Хотя в науке есть и иная

позиция – рассматривать каждое из них как самостоятельное субъективное право. Например, свобода выражения мнения, как считают некоторые исследователи, относится к наиболее признанным правам человека – это право закреплено в конституциях более 87% стран. [9]

Ни в одной из зарубежных конституций исследуемое нами комплексное субъективное право не рассматривается как абсолютное. Оно подлежит ограничениям, которые необходимы для обеспечения государственной безопасности, защиты публичных и частных интересов.

В современный период основным способом ограничения прав и свобод человека в сети Интернет является ограничение доступа пользователей к интернет-ресурсам (далее – блокировка интернет-ресурсов) посредством возложения обязанности на операторов связи (провайдеров доступа) с помощью фильтрации адресов ресурсов с запрещенной информацией.

В разных странах мира исторически сложились различные политико-правовые концепции в отношении свободы распространения информации и выражения своего мнения. Так, в США и некоторых европейских государствах реализуется стратегия минимального вмешательства государства в процесс управления сетью Интернет и ограничений доступа к контенту. При этом национальное законодательство этих стран содержит нормативно-правовые акты, нацеленные на борьбу с терроризмом, охрану авторских прав, защиту несовершеннолетних от воздействия вредной информации, которые также предусматривают в качестве ограничительной меры блокировку сайтов, как правило, по судебному решению. [3]

В противоположность этому китайско-азиатская модель¹ правового регулирования интернет-сферы является более жесткой и преследует в качестве основной цели невозможность доступа к информации, содержащейся на сайтах вне Китая и содержа-

щих критику политического режима. [5] Эта система получила название «Золотой шит», она просто блокирует доступ к сотням тысяч сервисов. [10] Блокирование сайтов происходит как автоматически, как только система определяет слова и словосочетания, находящиеся в «черном списке», так с помощью работы десятков тысяч «частных» цензоров, работающих на аутсорсе. Кроме того, система автоматически блокирует доступ к глобальным сервисам, таким как Google, Facebook, YouTube, Instagram, Twitter, сайт Википедии на всех языках, ресурсам различных иностранных СМИ – The New York Times, The Independent, Bloomberg, BBC и другим. [4] Фактически и наша страна последовательно идет по пути регулирования Интернета, используемому властями Китая. Об этом свидетельствует принятие Госдумой инициативы, предложенной сенатором А. Клишасом, – закона о суверенном Рунете – проект Федерального закона № 608767-7 «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» (окончательная ред., принятая ГД ФС РФ 16.04.2019), который позволяет создать инфраструктуру полной изоляции российского Интернета по китайскому образцу.

В конце 2015 года Швейцарский институт сравнительного законодательства Совета Европы изучил вопрос о блокировании, установлении фильтров и изъятии интернет-контента. Это было комплексное исследование, коснувшееся законодательства, которое предусматривает ограничительные меры, например, в области защиты авторских прав, борьбы с детской порнографией, антитеррористических мер, клеветы и других сфер, обращая особое внимание на процессуальный аспект и гарантии свободы выражения мнения. [11]

В докладе подчеркивалось, что в большинстве государств-членов законодательство об ограничительных мерах доступно и

1 Во Вьетнаме с 1 января 2018 года действует закон, обязывающий Facebook и Google хранить данные пользователей на территории страны, запрещающий критиковать действующие власти и обязывающий интернет-провайдеров выдавать данные пользователей по запросу. В Индонезии тоже действует закон о локальном хранении данных. Сплошного запрета на иностранные соцсети нет, но в стране часто запрещают отдельные сервисы – в 2017 году это был Telegram из-за террористических каналов, в 2018 году – Vimeo, Tumblr и Reddit по цензурным соображениям..

предсказуемо, является точным и ясным в применении. В некоторых случаях оно допускает наложение ограничительных мер на онлайн-контент с применением расплывчатых, неточных и излишне широких выражений, таких как «унижение национального достоинства», «богохульство», «оскорбление чувств» или в области борьбы с терроризмом, таких как «экстремизм», «террористическая пропаганда» или «содействие терроризму». Как отмечается в зарубежной литературе, «стратегии блокирования зачастую непрозрачны, и административные органы недостаточно подотчетны общественности. Апелляционные процедуры либо отсутствуют либо, при их наличии, неэффективны. Таким образом, все больше и больше ставится под сомнение совместимость мер блокирования доступа с фундаментальным правом на свободу самовыражения» [1].

Какие же тенденции можно выявить, проанализировав развитие российского законодательства в сфере ограничения прав на распространение информации в сети Интернет за последние 20 лет?

1. Начиная с 2000-х годов наблюдается как увеличение составов преступлений экстремистской направленности, так и внедрение в составы иных преступлений так называемых «экстремистских» мотивов при том, что само это понятие было введено в законодательный оборот только в 2001 году (4 специальных состава, и плюс 4 состава с соответствующим мотивом)¹. Причем большая часть статей УК РФ, содержащих данный термин, применяется именно к деяниям, совершенным не с помощью каких-либо действий, направленных против жизни и здоровья граждан, или даже призывов к насилию, а посредством размещения материалов информационного содержания в сети Интернет. Можно только приветствовать недавнее принятие Федерального закона от 27.12.2018 № 521-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» – о декриминализации первичного размещения информации,

содержащей экстремистский контент в сети Интернет, и перевод этого состава в административный проступок.

Но при этом мы опять имеем появление так называемой «административной преюдиции» (как и в случае с нарушениями законодательства о публичных мероприятиях), когда повторное нарушение приводит к наступлению уже уголовной ответственности.

С 2010 года наблюдался значительный рост числа уголовных дел по так называемым «экстремистским» статьям, особенно в связи с репостами и перепостами в социальных сетях и блогах. Если в 2010 году по экстремистским статьям были осуждены 30 пользователей соцсетей, то в 2015 году – уже 216. В 2014-2016 годах с онлайн-активностью было связано около 85% приговоров за «экстремистские высказывания» с наказаниями от штрафа и обязательных работ до лишения свободы. По данным Центра «Сова», который периодически публикует списки лиц, лишенных на данный момент свободы за «экстремистские преступления» необщественного характера, в списке на сентябрь 2015 года значились 54 фамилии, а в февральском 2017 года – уже 94. [6]

2. Второй тенденцией можно назвать рост количества государственных органов, наделенных правом принимать решения о блокировке доступа к интернет-ресурсам. Полномочиями в области блокировки интернет-ресурсов обладают: суды, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации ФНС, МВД РФ, Генеральная прокуратура РФ, Минюст, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), Росмолодежь, ФССП.

3. Еще одной тенденцией правового регулирования информации, размещаемой в сети Интернет, стало увеличение количества оснований блокировки доступа во внесудебном порядке. Если до 2012 года практически

¹ При этом в Уголовном кодексе РСФСР, утратившем силу с 1 января 1997 года, был такой состав, как «нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии» (ст. 74), и еще один состав (ст. 102 «Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах») предусматривал наличие соответствующего мотива..

все решения о блокировке доступа к интернет-сайтам выносили суды по искам заинтересованных лиц (в этом качестве выступали граждане, организации, ФНС, МВД и т.д.), то в настоящее время большинство случаев блокирования осуществляется именно в рамках специфических оснований Роскомнадзором по обращению уполномоченных органов. К числу этих оснований отнесены: нарушение запрета на осуществление экстремистской деятельности, деятельность, связанная с организацией азартных игр, незаконное использование объектов интеллектуальной собственности, нарушение законов Российской Федерации (например, способы ухода от налогов); распространение информации, причиняющей вред здоровью и развитию несовершеннолетних (от порнографии и информации, побуждающей к суициду, до нецензурной брани); информация о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств; продажа алкоголя онлайн; информация, содержащая призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, информационные материалы иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

4. Четвертой тенденцией можно назвать произошедший де-факто переход от судебного способа блокировки интернет-контента к административному порядку принятия решений о блокировании доступа к информации, причем с сокращением времени на принятие решений о блокировании контента провайдером. С каждым годом количество случаев блокирования информации по судебным решениям падает, а блокировка информации в Интернете по решениям уполномоченных органов выросла в десятки раз. Согласно нынешнему законодательному регулированию, введенному в декабре 2018 года, хостинг-провайдер, получив предписание от Роскомнадзора, должен «незамедлительно» уведомлять владельца сайта об этом. Тот должен будет «незамедлительно» (не позднее 24

часов) удалять запрещенный контент, иначе сайт будет заблокирован.

Ускоренный процесс блокировок затронул следующие виды запрещенного контента: детская порнография, пропаганда суицида, распространение наркотических препаратов, азартные игры, продажа алкоголя и распространение имен несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений. Также под упрощенный порядок попали блокировки, осуществляемые по решениям судов. И это, возможно, можно было признать достаточным, если бы законодатель в 2018 году не расширил этот список такими деяниями, как призывы к массовым беспорядкам, к осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, размещение недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, информационных материалов иностранной или международной неправительственной организации. Во всех указанных случаях велика доля усмотрения со стороны Генеральной прокуратуры, а самое главное – это наличие неопределенных и оценочных терминов, не исключающих возможность избирательного правоприменения.

5. И, наконец, пятой тенденцией выступает наличие в законодательстве оценочных и неясных с точки зрения формальной определенности терминов, не имеющих известных стандартов правоприменения, используемых для принятия решений о блокировании доступа к информации.

Так, под критерий «информация о способах совершения самоубийства» (пп. «в» п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019)

«Об информации, информационных технологиях и о защите информации») подпадают многие классические произведения, историческая, религиозная (буддийская) и страноведческая литература.

Согласно официальной статистике Роскомнадзора, за пять лет в Реестр были внесены 322 тысячи интернет-ресурсов, в том числе 34,6% были заблокированы по решению суда. [7]

Что необходимо сделать для изменения и совершенствования законодательства и судебной практики по ограничению прав граждан России в Интернете:

1) декриминализовать все деяния, предусматривающие ответственность за высказывания в Интернете, которые не содержат прямых призывов к насильственным действиям (а также за репосты и лайки высказываний) по таким антиэкстремистским статьям, как ст. 280, 282 УК РФ, а также по статье за оскорбление чувств верующих (ст. 148 УК РФ), ст. 212.1 УК РФ (неоднократное нарушение порядка проведения массового мероприятия), 284.1 УК РФ (деятельность нежелательной организации);

2) блокировка доступа к информационным ресурсам в Интернете должна быть возможна по общему правилу только на основании судебного решения, а административный порядок блокировки следует оставить только для тех случаев, которые касаются материалов, связанных с сексуальной эксплуатацией детей либо с информацией о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, местах приобретения таких средств, а также организации террористических актов;

3) необходимо исключить прокуратуру из числа субъектов, которые наделены правом подавать соответствующие иски в суды или решения о досудебной блокировке сайтов, содержащих экстремистский контент. Это должны делать только субъекты, чьи права нарушены информацией, размещаемой на сайте (например, местные администрации в отношении несогласованных массовых мероприятий), или органы, непосредственно ответственные за расследование преступлений этой категории (органы внутренних дел при

условии проведения соответствующей экспертизы);

4) необходимо наделить правом обжалования решений (принятых как в административном, так и в судебном порядке) о включении интернет-ресурсов в различного рода списки запрещенных сайтов всех заинтересованных лиц, в том числе и граждан, так как в случае блокировки ресурса с запрещенным контентом одновременно может быть блокирован доступ к информации, распространение которой не нарушает законодательства России.

Выводы. Постепенно происходит движение нашей страны от реагирования на фактически размещенную информацию в сети к жестко контролируемому государством механизму многослойной фильтрации интернет-контента, причем без использования судебных решений только на основе усмотрения уполномоченных органов, использующих оценочные и неопределенные основания для принятия решений, что расширяет возможности для юридически опосредованного ограничения права граждан на свободу выражения своего мнения.

В настоящий момент мы наблюдаем начало деятельности так называемых законов о неуважении к власти (Федеральный закон от 18.03.2019 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»), которые фактически вводят административную ответственность для граждан (опять же с установлением жестких санкций) и блокировку интернет-ресурсов за критику органов власти, конкретных должностных лиц. Причем блокировка осуществляется незамедлительно по требованию Генеральной прокуратуры (Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"»).

Подобные законы действительно действуют в некоторых странах Европы (в Германии, Франции и Бельгии), но там они не применяются к высказыванию мнений в сети Интернет. Новый закон вводит дополнительный состав в ст. 20.1 КоАП РФ за мелкое хули-

ганство. Причем авторы этого нововведения считают, что недостаточно уже действующих норм, устанавливающих ответственность за оскорбление представителей власти или символов власти: за явное неуважение общества, проявляемое в общественных местах (ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ); за оскорбление (ст. 5.61. КоАП РФ); за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ); за надругательство над государственным гербом, флагом РФ (ст. 329 УК РФ).

Изменения, внесенные в статью 20.1 КоАП РФ, – ч.ч. 3-5 – фактически приравнивают оскорбление власти в Интернете к мелкому хулиганству. Статья не буквально, но довольно близко по смыслу воспроизводит текст знаменитой «антисоветской» статьи («систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй...»), которая до 1989 года существовала в Уголовном кодексе РСФСР (ст. 190.1 УК РСФСР).

Но нужно вспомнить, что в соответствии со статьями 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12 февраля 2004 года на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы, «политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ. Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении

того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий».

Следует отметить, что законодательная формулировка, представляющая сочетание целых трех оценочных терминов, не дает ответа на ключевой вопрос: что означает «неуважение к органам власти», символам или обществу? Толкования этого оценочного термина в законе, а равно и в судебной практике нет. Что касается неуважения, то это понятие всегда предполагает некий стандарт этических ценностей, нарушение которых влечёт неуважение, поэтому какие действия будут считаться неуважением, зависит только от квалификации таких действий судом, а это именно то, что создает широкие возможности для избирательного применения. Аналогично совершенно не понятно, как правоприменители должны трактовать последствие «неуважения» в виде «оскорбления человеческого достоинства и общественной нравственности»? И, в-третьих, не ясно, а что представляет собой сама «неприличная форма» (ведь понятия «неприличная лексика», «неприличная форма выражения», «цензурная лексика» как в научном лексиконе, так и в общеупотребительной лексике часто не совпадают)? И первые случаи применения закона о неуважении к власти дают определенные поводы для дискуссии относительно его правовой определенности.¹

¹ Первым подвергнутым административному наказанию – штрафу – по ст. 20.3 КоАП РФ стал 34-летний житель Малой Вишеры (Новгородская область) Юрий Картыжев. Суд вынес решение о назначении ему штрафа в 30 тысяч рублей за пост во «ВКонтакте» со словами «Путин – сказочный *****». Закон о неуважении к власти вступил в силу с 29 марта. Картыжев опубликовал свой пост 31 марта. Причем следует заметить, что в посте отсутствовало упоминание о том, что Путин (в посте не указаны были и инициалы данного лица) занимает пост Президента РФ.

Библиографический список

1. Акдениз, Я. Свобода выражения мнения в Интернете: исследование правовых норм и практик, связанных со свободой выражения мнения, свободным потоком информации и плюрализмом СМИ в Интернете в государствах – участниках ОБСЕ. Вена, 2011 год / Я. Акдениз. – URL: <http://www.osce.org/ru/fom/89063?download=true>.
2. Бородин, К.В. Правовое регулирование распространения информации в сети Интернет в условиях информационной войны / К.В. Бородин // Право и кибербезопасность. – 2014. – № 1. – С. 27-31.
3. Ваховский, А.М. Политико-правовые вопросы регулирования Интернета: мировой опыт и российская практика / А.М. Ваховский // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – С. 3-11.
4. Великий фаервол: особенности Интернета в Китае. – URL: <http://tass.ru/info/2530474>.
5. Глазунов, О.Н. Специфика правового регулирования сети Интернет в Китайской Народной Республике / О.Н. Глазунов, В.В. Авдеенко // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 2. – С. 93-96.
6. Доклад Центра «Сова»: неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в 2017 году. – URL: https://www.sova-center.ru/misuse/publications/2018/03/d38945/#_Тос507372805.
7. Ельчанинова, Н.Б. Проблемы совершенствования законодательства в сфере ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет / Н.Б. Ельчанинова // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 12. – С. 119-121.
8. Серeda, М.Ю. Механизм ограничения конституционных прав и свобод человека в сети Интернет / М.Ю. Серeda // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. – 2013. – № 2 (15). – С. 83-93.
9. Соболева, А.К. Свобода выражения мнения в практике Европейского Суда: старые подходы и новые тенденции в толковании статьи 10 ЕКПЧ / А.К. Соболева // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21. – № 2. С. 235-262.
10. King, G. How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression / G. King, J. Pan, M.E. Roberts // American Political Science Review. – 2013. – Vol. 107. – Iss. 2. – P. 326-343. – URL: <https://doi.org/10.1017/S0003055413000014>.
11. Comparative study on blocking, filtering and take-down of illegal internet content. URL: <https://www.coe.int/en/web/freedom-expression/study-filtering-blocking-and-take-down-of-illegal-content-on-the-internet>.
12. Online and On All Fronts Russia's Assault on Freedom of Expression. – URL: https://www.hrw.org/report/2017/07/18/online-and-all-fronts/russias-assault-freedom-expression?_ga=2.25635965.1586429801.1500281624-464509152.1496743078.

УДК 371.13

Марина Петровна КОРНЕЕВА,

доцент кафедры организации огневой
и физической подготовки

Академии управления МВД России, (г. Москва)

кандидат юридических наук

kmp1314@mail.ru

ФАКТОРЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FACTORS OF ORGANIZATION OF VOCATIONAL TRAINING IN LAW-ENFORCEMENT UNITS OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье на основе общефилософских принципов диалектики, а также формально-логического и системно-структурного метода выявлены факторы организации профессиональной служебной и физической подготовки во взаимосвязи с их влиянием на деятельность руководителя территориального органа МВД России, представлено авторское определение понятия «факторы организации профессиональной служебной и физической подготовки в органах внутренних дел». На основе анализа научных исследований, законодательных и иных нормативных правовых актов, практики организации профессиональной служебной и физической подготовки автором представлен открытый перечень факторов организации обозначенного вида деятельности, продемонстрирована взаимосвязь влияния факторов на деятельность руководителей подразделений органов внутренних дел. Обоснована необходимость детального исследования системы факторов организации профессиональной подготовки, а также их классификации, что будет способствовать повышению эффективности разработки руководителями подразделений органов внутренних дел организационно-управленческих мер по профессиональной служебной и физической подготовке в условиях меняющейся внутренней и внешней среды функционирования подразделений профессиональной подготовки.

Factors of organization of vocational service and physical training of the personnel and the correlation with its influence on the activities of the head of the territorial (local) Internal Affairs body are identified in the article on the basis of general philosophic principles of dialectics as well as of formal-logical and system-structural method. The author's definition of the term "factors of organization of vocational service and physical training of law-enforcement personnel" is presented in the article. Based on the analysis of scientific, legislative and other normative legal acts as well as of practice of organization of vocational service and physical training the author presents the open list of factors of organizing the mentioned kind of activities and demonstrates the correlation of these factors and the activities of the heads of law-enforcement units. The author substantiates the need for a detailed study of the system of vocational training factors, as well as their classification, that will facilitate the improvement of the efficiency of the development of organizational and managerial measures for vocational service and physical training in a changing internal and external environment of functioning vocational training units by the heads of Internal Affairs units.

Ключевые слова: подразделения органов внутренних дел Российской Федерации, виды профессиональной служебной и физической подготовки, факторы организации профессиональной подготовки.

Keywords: law-enforcement units of the Russian Federation, types of vocational service and physical training, factors of vocational training organization.

Анализ практики организации профессиональной подготовки личного состава вызывает необходимость теоретической разработки системы факторов организации руководителями подразделений органов внутренних дел профессиональной служебной и физической подготовки, что обуславливается несколькими составляющими.

Во-первых, комплексом законодательных и иных нормативных правовых актов стратегического характера, определяющих развитие системы профессиональной подготовки одним из основных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности Российской Федерации.¹

Во-вторых, наличием фактов неудовлетворительных результатов профессиональной служебной и физической подготовки (далее – ПСиФП) сотрудников территориальных органов МВД России по итогам инспекторских проверок. Так, согласно аналитическому обзору о состоянии ПСиФП в органах внутренних дел Российской Федерации в 2017/2018 году, предоставленном ДГСУ МВД России, в 14 из 15 инспектируемых территориальных органов МВД России на региональном уровне в 2017 году получили неудовлетворительные оценки по практическим стрельбам 40% сотрудников, по боевым приёмам борьбы – 25%. По результатам инспектирования в 2018 году неудовлетворительные оценки по профессиональной служебной и физической подготовке получили 14 из 18 территориальных органов МВД России на региональном уровне (далее – ТО МВД России), что свидетельствует о проблемах в организации рассматриваемого направления деятельности.

В-третьих, результатами итоговых занятий в органах внутренних дел в 2017 году, где 42397 сотрудников, или 6,4%, признаны профессионально непригодными к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

В-четвертых, недостатками организационно-штатного построения подразделений

профессиональной подготовки управлений (отделов) по работе с личным составом (далее – ППП УР/ЛС) территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровне управления, характеризующегося отсутствием дифференцированного подхода в соотношении выполняемых функций к организационно-штатному построению.

Так, согласно официальным статистическим сведениям, представленным ДГСК МВД России, общее количество сотрудников ППП УР/ЛС ТО МВД России составляет 2207 (АППГ – 2183). Нагрузка на одного сотрудника ППП УР/ЛС ТО МВД России (без учёта ТО МВД России на районном уровне) в среднем – 300,3 ед. личного состава, что отражается на уровне профессиональной подготовленности сотрудников: отсутствие необходимых профессиональных знаний, умений и навыков для выполнения служебных обязанностей, нарушения мер безопасности при обращении с табельным огнестрельным оружием, несоблюдение мер личной безопасности, а в сочетании с отсутствием специалистов и современной учебно-материальной базы по ПСиФП приводит к серьёзным чрезвычайным происшествиям, в том числе потерям среди личного состава, как правило, в ТО МВД России.

Указанные проблемы, с одной стороны, а с другой – проблемы, являющиеся факторами, вызывают объективную необходимость незамедлительного реагирования руководителями подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) путём разработки организационно-управленческих мер превентивного характера, мер реагирования на сложившуюся обстановку, мер по устранению наступивших последствий.

Вместе с тем, как показывает практика управленческой деятельности ППП УР/ЛС ТО МВД России, руководителями ТО МВД России не в полной мере, а то и вовсе не принимаются во внимание факторы, оказываю-

1 О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7; О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1); О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 30 декабря 2015 г. № 683// СПС КонсультантПлюс; О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // СПС КонсультантПлюс.

шие существенное влияние на организацию ПСиФП. Одними из основных причин тому являются отсутствие знаний о системе факторов в рассматриваемой сфере деятельности, отсутствие теоретических разработок с точки зрения управления деятельностью ППП УРПС ТО МВД России.

Восполнение знаний о системе и закономерностях влияния факторов организации профессиональной подготовки на деятельность руководителей в условиях неопределённости функционирования ППП УРПС ТО МВД России во внешней и внутренней среде послужит действенным инструментарием для повышения результативности решения оперативно-служебных задач по направлениям деятельности, в том числе с возможным применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Изложенное свидетельствует об актуальности темы статьи, теоретической и практической значимости в сфере управления деятельностью ППП УРПС ТО МВД России.

Применяя общеправовые принципы диалектики к предмету исследования, необходимо для выявления факторов подвергнуть разбору этимологию происхождения понятия «фактор». Так, Толковым словарем С. И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой понятие «фактор» определяется как «...момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении».

С точки зрения социального управления понятия «фактор» и «условие» широко используются в контексте безопасности, движения проектов, объёмов производства. Причём понятие «фактор» определяется через понятие «условие», «показатель», «правовое пространство», «среда». Показательной является следующая дефиниция: «Фактор – это одно из основных условий происходящего явления или процесса» [13, с. 356].

Е.Ф. Яськов, занимаясь исследованием вопросов, посвящённых условиям и факторам с позиции социального управления, пришёл к выводу, что «условия труда представляют собой совокупность факторов окружающей среды, то есть условия труда отождествляются с факторами, а также с важным аспектом отличия – внешним происхождением. Поня-

тие «фактор» без отнесения к какой-либо деятельности (труду, организации и т. п.) содержит признаки причинности и динамичности» [14, с. 244].

С позиции теории управления правоохранительными органами анализ отдельных работ показал, что, как правило, содержание понятий «фактор», «фактор организации» не раскрывается, а всего лишь предпринимается попытка отнести их к предмету исследования [1, с. 66-71; 2, с. 57; 3, с. 550-551; 7, с. 85; 8, с. 8-14; 12, с. 382-388]. В качестве исключения можно привести позицию Е.А. Ефремовой, предложившей «под фактором понимать существенные обстоятельства, которые являются движущей силой (причиной) в обеспечении субъектом управления деятельности подчинённых органов и (или) должностных лиц» [6, с. 150].

Таким образом, основываясь на различных подходах ученых и отдельных исследователей различных отраслей науки, под факторами организации профессиональной служебной и физической подготовки в подразделениях ОВД предлагается понимать существенные обстоятельства, воздействующие на деятельность руководителей подразделений территориальных органов МВД России по упорядочению и обеспечению профессиональной подготовки личного состава.

Как ранее автором было отмечено, до настоящего времени факторы организации профессиональной подготовки подразделений ОВД остались вне рамок научных изысканий. Вместе с тем с позиции социального управления, управления правоохранительными органами отдельные учёные заложили фундамент для проведения дальнейших исследований в рассматриваемой сфере.

Так, И.С. Баженов к таким факторам относит «сложную криминогенную обстановку в регионе» [4, с. 6].

В.А. Мережко выделяет схожие факторы с И.С. Баженовым: «рост преступности в целом или отдельных ее видов, ухудшение раскрываемости, нарушение законности, неподготовленность личного состава к деятельности в экстремальных условиях, слабый контроль и проверка исполнения, укрытие преступлений» [9, с. 20-21].

Г.А. Атаманчук рассматривает такую группу факторов, как территориальные, социальные, организационные, правовые, взаимодействия управленческих элементов; кадровые [3, с. 550-551].

Преломляя различные научные подходы к рассматриваемой проблематике через предмет нашего исследования, а также основываясь на информационно-аналитических материалах, представленных ТО МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях, содержащих сведения управленческой деятельности в сфере профессиональной подготовки, был разработан открытый перечень факторов организации ПСиФП в подразделениях ОВД во взаимосвязи, с внутренней и внешней средой функционирования, требующих от руководителей ТО МВД России незамедлительного реагирования.

1. Законодательные и иные нормативные правовые акты. Например, п. 1 ст. 18 гл. 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» наделяет сотрудника полиции правом применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Обозначенные нормы права обязывают руководителей ТО МВД России реализовывать их в практическую деятельность через разработку комплекса организационно-управленческих мер: превентивного характера в целях предотвращения возможного неправомерного применения сотрудниками ОВД физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, мер реагирования и мер по стабилизации ситуации. В качестве другого примера приведём нормы права постановления Правительства Российской Федерации от 20 августа 2009 г. № 695 «Об утверждении Перечня военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта и федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих руководство развитием этих видов спорта», которым утверждается перечень военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта и федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих руководство развитием этих видов спорта, в число которых входит МВД России по таким служебно-прикладным видам спорта, как служебное двоеборье, служебное многоборье,

служебный биатлон, многоборье кинологов. Содержащиеся в нормативном правовом документе положения обязывают субъектов управления (руководителей ТО МВД России) разрабатывать организационно-управленческие меры по обеспечению и развитию служебно-прикладных видов спорта среди личного состава. В частности, в качестве примера можно предложить открытый перечень мер:

- организовать сбор, обработку и систематизацию информации о сотрудниках, имеющих спортивные разряды, а также имеющих склонность к занятиям по служебно-прикладным видам спорта;

- на основе полученной информации организационно-распорядительным документом утвердить положение о спортивных секциях по служебно-прикладным видам спорта, график работы секции;

- разработать тематический план, исходя из специфики вида служебно-прикладного спорта;

- определить, с учётом наличия высококвалифицированного специалиста в сфере служебно-прикладного вида спорта, сотрудника для осуществления тренировочного процесса с личным составом;

- внести в должностные инструкции (регламенты) сотрудников, ответственность за организацию тренировочного процесса и др.

2. Требования руководящих документов ОВД, предъявляемые к организации профессиональной подготовки.

Такие документы в основном разрабатываются на основе законодательных и иных нормативных правовых актов. В частности, распоряжение МВД России от 26 декабря 2018 г. № 1/14858 «Об утверждении методики ведомственной оценки деятельности подразделений по работе с личным составом территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровне», которым утверждается оценка эффективности деятельности территориального органа МВД России. В число основных показателей оценки эффективности деятельности проверяемого подразделения применительно к организации ПСиФП: количество фактов утрат табельного оружия и боепри-

пасов к нему в результате хищения из комнат хранения оружия, халатного отношения, нахождения в состоянии опьянения и иных нарушений дисциплины (законности); количество фактов гибели и ранений (травмирования) сотрудников в результате непрофессиональных действий при задержании правонарушителей, отражении нападения с их стороны, в ходе проверки документов, при неосторожном (неумелом, небрежном) обращении с табельным оружием (боеприпасами); количество фактов гибели и ранений (травмирования) граждан в результате непрофессиональных действий сотрудников; оценку ПСиФП, включающую в себя такие индикаторы, как оценка профессиональных знаний по правовой подготовке; оценка профессиональных знаний и навыков по служебной подготовке; практическое выполнение контрольных упражнений по огневой подготовке; практическое выполнение контрольных нормативов и боевых приёмов борьбы по физической подготовке; оценка объективности присвоения (подтверждения) квалификационных званий сотрудникам.

Кроме того, содержит руководство оценки эффективности по таким показателям, как оценка организации первоначальной подготовки и дополнительного профессионального образования, организации комплектования образовательных учреждений, организации научного обеспечения.

Таким образом, положения обозначенного распорядительного документа обязывают руководителя соответствующего ТО МВД России на региональном уровне через управляющее воздействие на ППП УРЛС организовать деятельность по перечисленным направлениям деятельности. В частности, организовать систему сбора, обработки и систематизации информации, предметом которой будут являться показатели и критерии оценки, указанные в распоряжении; разработать или внести изменения в должностные регламенты (инструкции) должностных лиц подразделений профессиональной подготовки обязанности в соответствии с требованием распоряжения по отдельным направлениям деятельности и др.

Распоряжение МВД России от 26 июня 2018 г. № 1/7067 «О совершенствовании

системы профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, их подготовки по служебно-прикладным видам спорта и проведения мероприятий в области физической культуры и спорта» обязывает руководителей территориальных органов МВД России в пределах своей компетенции формировать спортивные сборные команды МВД России по видам спорта, организовать их тренировочный процесс и обеспечивать участие на соревнованиях по служебно-прикладным и иным видам спорта; организовать ведение учёта данных о результатах проведённых спортивных мероприятий, а также об участии личного состава на соревнованиях различного уровня и др.

3. Состояние законности среди личного состава подразделения ОВД, связанное с непрофессиональными действиями сотрудников ОВД вне огневого контакта с правонарушителями либо при задержании правонарушителей.

В частности, ярким примером непрофессиональных действий сотрудников ОВД, повлекших гибель сотрудника ОВД, свидетельствует следующая ситуация, произошедшая в одном из ТО МВД России при осуществлении профессиональных функций сотрудником ОВД.

Старший лейтенант полиции Б., придя в кабинет, приступил к чистке оружия, в ходе которого, не убедившись в безопасности своих действий, не извлекши снаряжённый патронами магазин, попытался проверить отсутствие патрона в патроннике, искусственно создав для себя иллюзию безопасности и продолжая свои противоправные действия, когда пистолет стал снаряжённым и готовым к выстрелу, в нарушение мер безопасности направил оружие в сторону стажёра К., произвёл спуск курка, в результате чего произошёл выстрел, пуля попала в стажёра К., который от полученных телесных повреждений скончался на месте происшествия. В отношении сотрудника, произведшего выстрел СУ СК РФ возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ (по материалам служебной проверки).

Как следствие, обозначенное обстоятельство повлияло на принятие руководителем соответствующего ТО МВД России на региональном уровне организационно-управленческих мер превентивного характера, мер реагирования и мер по стабилизации ситуации в форме управленческого решения, утверждающего алгоритм реализации обозначенным мер. В частности, доведение обстоятельств данного происшествия до всего личного состава и опасности, возникающей при неосторожном обращении с оружием; организации и проведении дополнительных теоретических занятий с личным составом по изучению мер безопасности при обращении с оружием, порядка разборки и сборки пистолета Макарова и т.д., по итогам которых принять зачеты, в ходе чего дать реальную оценку вверенному личному составу о готовности обращения с табельным оружием, знанию мер безопасности и тактики обращения с оружием; организации приема-выдачи вооружения личному составу на службу, занятия, для обслуживания (чистки, смазки), в экстренных случаях; организации квартальных выездов сотрудников отдела профессиональной подготовки в территориальные органы внутренних дел для проверки организации работы по профессиональной подготовке сотрудников, получения ими теоретических и практических навыков владения оружием, знания нормативных правовых актов, а также состояния работы в данном направлении, проводить проверки ведения учётно-планирующей документации, при выявлении недостатков, устранять их на месте с оказанием практической помощи.

4. Состояние уровня профессиональной подготовленности личного состава территориального органа МВД России, который определяется действиями личного состава в сложных стрессогенных ситуациях, в условиях неопределенности, связанных с возможным применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Так, в 2016 году в ГУ МВД России по Алтайскому краю в результате непрофессиональных действий сотрудников ОВД, характеризующихся несоблюдением мер личной безопасности, психологической неготовности к выполнению оперативно-служебных за-

дач был зафиксирован рост количества уголовных дел, связанных с причинением вреда здоровью сотрудникам ОВД при контакте с правонарушителями (ст. 318 УК РФ) (Аналитический обзор о состоянии профессиональной служебной и физической подготовки ГУ МВД России по Алтайскому краю в 2016 году : информационное письмо ГУ МВД России по Алтайскому краю от 14.08.2018 № 9/1533).

Обозначенное обстоятельство обязывает руководителей соответствующих ТО МВД России разрабатывать меры профилактического характера в целях недопущения подобных фактов.

Так, в 2017 году в ГУ МВД России по Волгоградской области реализован комплекс мероприятий по совершенствованию уровня профессиональной подготовленности сотрудников, в том числе направленных на профилактику чрезвычайных происшествий, связанных с гибелью и ранениями сотрудников ОВД (Аналитический обзор о состоянии профессиональной служебной и физической подготовки ГУ МВД России по Волгоградской области в 2017 году: информационное письмо ГУ МВД России по Волгоградской области от 17.08.2018 № 6/133), в которые вошли:

- организация анализа УРЛС ГУ не реже 1 раза в полугодие фактов получения травм сотрудниками подразделений ГУ и территориальных ОВД в результате физического контакта с правонарушителями и доведение результатов до органов и подразделений в виде обзоров и указаний, ежемесячное обсуждение на тематическом селекторе по вопросам работы с кадрами;

- ежегодное рассмотрение вопросов профилактики чрезвычайных происшествий, связанных с гибелью и ранениями сотрудников ОВД, на оперативных совещаниях при начальнике Главного управления;

- организация специального обучения сотрудников ОВД на базе Волгоградской академии МВД России перед убытием в служебные командировки на территорию Северо-Кавказского региона;

- организация и проведение совместно с преподавательским составом кафедры огневой подготовки академии учебных сборов

по вопросам обеспечения личной безопасности сотрудника полиции в условиях огневого контакта с преступником.

Кроме изложенного, уровень профессиональной подготовленности личного состава подразделений ОВД в соответствии с нормативными правовыми актами МВД России¹ определяется по результатам инспекторских, целевых, контрольных и итоговых занятий.

Например, в случае выставления общей оценки уровня профессиональной подготовленности личному составу ТО МВД России на районном уровне оценки «неудовлетворительно» по результатам итоговой проверки руководитель соответствующего ТО МВД России на региональном уровне разрабатывает ряд мер по устранению сложившейся ситуации. В частности, для оказания практической помощи руководителям учебных групп ТО МВД России на районном уровне может создавать в рамках предоставленных полномочий группы по организации ПСиФП.

Такая практика существует в УМВД России по Пензенской области. С целью совершенствования деятельности руководителей учебных групп подразделений ТО МВД России на районном уровне по организации ПСиФП была создана временная организационная структура в форме «внештатной» рабочей группы. В обязанности данной группы входит обучение руководителей учебных групп организации и методике проведения с личным составом занятий по огневой и физической подготовке, а также ведению планирующей, отчетно-учётной документации.²

5. Криминогенная обстановка на обслуживаемой территории ОВД. Например, преобладание отдельных категорий преступлений либо рост конкретных уголовно наказуемых деяний, административных правонарушений требует от руководителя ТО МВД России незамедлительного принятия мер организационно-управленческого характера, направленных на снижение уровня преступности конкретного вида, стабилизацию оперативной обстановки в случае её

осложнения, путём обучения личного состава по направлениям оперативно-служебной деятельности в рамках правовой, служебной, огневой и физической подготовки во взаимосвязи с видами или преобладанием отдельных категорий преступности.

6. Состояние ресурсов (кадровые, материально-технические и др.), которыми располагает орган для решения поставленных задач в сфере организации профессиональной служебной и физической подготовки. Обозначенный фактор включает в себя обеспеченность ТО МВД России кадровыми, материально-техническими, финансовыми и другими ресурсами для повышения эффективности профессиональной подготовленности личного состава.

В частности, отсутствие в ТО МВД России собственной материально-технической базы (тиры, спортивные залы) для проведения занятий по огневой и физической подготовке вынуждают руководителей ТО МВД России заключать договоры с физкультурно-оздоровительными комплексами, военизированными организациями для проведения практических стрельб, образовательными организациями МВД России, дислоцирующимися на территории одного субъекта Российской Федерации.

7. Состояние общественного мнения о деятельности подразделений ОВД и их должностных лиц.

На состояние общественного мнения существенное влияние оказывают материалы дискредитирующего характера, размещённые СМИ. С одной стороны, информационными поводами могут служить резонансные факты непрофессиональных действий сотрудников ОВД при выполнении оперативно-служебных задач, характеризующиеся неправомерным применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, некомпетентностью, связанной с незнанием законодательных и иных нормативных правовых актов по направлениям оперативно-служебной деятельности, то есть исходящие от самих сотрудников ОВД.

¹ Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275.

² Об организации профессиональной служебной и физической подготовки рядового и начальствующего состава органов внутренних дел области в 2018 году : приказ УМВД России по Пензенской области от 28 декабря 2017 г. № 2420.

В качестве примера информационного повода можно привести следующий: «В ночь с 21 на 22 августа 2016 года находящийся на суточном дежурстве следователь ОМВД по Орджоникидзевскому району г. Уфы лейтенант юстиции И.И. опубликовал в социальной сети «ВКонтакте» видео, в котором раскритиковал предварительное следствие МВД России, обвинил в унижении и оскорблениях своего непосредственного начальника (начальника СО), в связи с которыми И.И. решил покончить жизнь самоубийством. После этого следователь И.И. покончил с собой на рабочем месте путем производства выстрела в голову из табельного пистолета» [10].

Руководством МВД России по Республике Башкортостан была создана комиссия для установления причин самоубийства следователя. В ходе служебной проверки вины непосредственного руководителя ОПС и руководителя ТО полиции не установлено. Материалы проверки направлены в следственные органы. [11]

Предсмертную видеозапись следователя распространили местные СМИ, что позволило отнести обозначенные сведения к информационным поводам локального значения. Затем данную информацию осветили и

федеральные СМИ, в связи с чем указанный информационный повод перешёл в разряд информационных поводов федерального значения.

С другой стороны, информационными поводами могут послужить материалы, размещаемые самими СМИ, дискредитирующего характера, не соответствующие действительности.

И те, и другие поводы оказывают существенное влияние на деятельность руководителей подразделений ОВД по разработке и принятию мер организационно-управленческого характера.

Таким образом, предпринятые попытки рассмотрения в рамках научной статьи факторов организации профессиональной подготовки подразделений ОВД будет способствовать с точки зрения практической значимости систематизации у руководителей территориальных органов МВД России существующих знаний в рассматриваемой сфере деятельности и эффективному применению их в практической деятельности, с позиции теоретической значимости будут являться предпосылкой для фундаментальных исследований в структуре системы профессиональной подготовки сотрудников ОВД.

Библиографический список

1. Алиуллов, Р.Р. Факторы, обуславливающие взаимодействие подразделений органов внутренних дел применительно к оперативно-служебной деятельности: принципы, формы / Р.Р. Алиуллов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – № 4 (18). – С. 66-71.
2. Александров, А.А. Анализ и оценка оперативной обстановки в республике, крае, области (правовые и организационные аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Александров. – М., 2004.
3. Атаманчук, Г.В. Управление – фактор развития (размышления об управленческой деятельности) / В.Г. Атаманчук. – М., 2002.

4. Баженов, И.С. Организация МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации взаимодействия с органами исполнительной власти по противодействию преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.С. Баженов. – М., 2009.
5. В Уфе следователь покончил с собой, оставив предсмертное видеообращение : интернет-статья от 22 августа 2016 г. – URI: <https://www.ufa.kp.ru/daily/26571.5/3587044/> (дата обращения 18.02.2019).
6. Ефремова, Е.А. Организация расследования преступлений экономической направленности: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.11 / Е.А. Ефремова. – М., 2014.
7. Касьян, В.Ю. Оценка организации правоохранительной деятельности органов внутренних дел (вопросы методологии) : дис. ... канд. юрид. наук / В.Ю. Касьян. – М., 2007.
8. Клушин, О.З. Оперативная обстановка: понятие, анализ, прогноз / О.З. Клушин. – М., 2010.
9. Мережко, В.А. Анализ информации и использование аналитических данных в работе МВД, УВД / В.А. Мережко. – М., 1977.
10. Молодой следователь из Уфы покончил с собой из-за унижений женщины-начальника : интернет статья от 22 августа 2016 г. – URI: <http://www.yaplakal.com/forum1/topic1436918.html> (дата обращения 18.02.2019).
11. МВД по РБ завершило служебную проверку по факту самоубийства сотрудника // МВД России по Республике Башкортостан. – URI: <https://02.mvd.rf/news/item/8727157> (дата обращения 18.02.2019).
12. Торопин, Ю.В. Факторы, препятствующие достоверности показателей преступности / Ю.В. Торопин // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений : сб. матер. всерос. научно-практ. конф. : в 3 ч. – М., 2011. – Ч.1.
13. Управление организацией: энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2001.
14. Яськов, Е.Ф. Теория и практика социального управления : словарь-справочник / Е.Ф. Яськов. – М., 1997.

УДК 343.9

Виктор Николаевич БОРКОВ,
начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент
e-mail: borkovv@mail.ru

Анастас Павлович СПИРИДОНОВ,
прокурор Омской области, доктор юридических наук, профессор

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ ПУТЕМ ОСЛАБЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ УСПЕШНОЙ

THE FIGHT AGAINST CORRUPTION BY WEAKENING CRIMINAL REPRESSION CANNOT BE SUCCESSFUL

В статье исследуются подходы законодателя к развитию уголовно-правовых средств противодействия коррупции. Дополнение уголовного закона специальными нормами, предусматривающими ответственность за должностные преступления, – это эффективный, но достаточно тонкий инструмент дифференциации ответственности. Общественная опасность посягательств, предусматриваемых новыми нормами, должна адекватно оцениваться как сама по себе, так и в соотношении с уже закрепленной в законе оценкой опасности смежных должностных преступлений. Нарушение законодателем этого правила приводит к либерализации ответственности за коррупционные преступления и дальнейшему рассогласованию уголовного закона.

The article considers the legislator's approaches to the development of criminal law means to counter corruption. The addition to the criminal law special norms providing for the liability for official misconduct is an effective but subtle enough tool for differentiating liability. The public danger of encroachment, provided for by the new rules, should be adequately evaluated, both by itself and in relation to the already established in the law assessment of the risk of related official misconduct. Violation of this rule by the legislator leads to the liberalization of liability for corruption crimes and further inconsistency in the criminal law.

Ключевые слова: модификация функционирования государства, должностные преступления, конкуренция уголовно-правовых норм, злоупотребления в сфере закупок, мелкое взяточничество, либерализация ответственности.

Keywords: *modification of the state functioning, official misconduct, competition of criminal law norms, procurement abuses, petty bribery, liberalization of liability.*

Квалификация преступлений является одним из ключевых понятий науки уголовного права. Правильная квалификация наиболее полно раскрывает предупредительный и карательный потенциал уголовно-правовых норм. Квалификация преступлений – это деятельность, связанная с

изучением фактических обстоятельств дела и уяснением содержания и смысла выбранной уголовно-правовой нормы. Известно, что вопросы правильного отражения фактических обстоятельств, различные аспекты познания конкретного события преступления являются предметом исследования уголовного процес-

са, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Уголовно-правовая наука исследует методологические основы применения соответствующих норм. При внесении изменений в уголовный закон необходимо прогнозировать, как новая специальная норма будет соотноситься с уже существующими средствами охраны актуализированных общественных отношений, а также как изменится квалификация посягательств, и ранее признаваемых преступлениями.

В условиях динамичного развития общества и усложнения социально-экономических отношений важную роль в обеспечении справедливости и повышении эффективности предупреждения преступлений играет дифференциация уголовной ответственности. Реакция государства на модификацию коррупционных и любых других преступлений должна быть соразмерной характеру и степени их общественной опасности. Признание гражданами справедливости уголовного закона способствует соблюдению предусмотренных в нем запретов.

Разумный баланс интересов участников уголовно-правовых отношений достигается путем дифференциации ответственности, которая обеспечивается нормами как Общей, так и Особенной частей УК РФ. Задачи по ранжированию и уточнению ответственности выполняют практически все признаки основных, квалифицированных и привилегированных составов, а также нормы, описывающие двусоставные преступления. Предпринимаемые законодателем усилия по обеспечению беспробельности охраны нормального функционирования государства, стремление к отражению в конструкциях составов всех оттенков общественно опасных посягательств часто приводят к дублированию запретов, что порождает в процессе квалификации преступлений конкуренцию уголовно-правовых норм, под которой понимается ситуация, когда одно общественно опасное посягательство содержит признаки двух и более составов преступлений, предусмотренных уголовным законом, и следует выбрать один из них. В процессе квалификации должностных преступлений возникает проблема разрешения следующих видов конкуренции: общей и специальной норм,

основного и квалифицированного составов, квалифицированного и привилегированного составов, части и целого.

При конкуренции общей и специальной норм признаки совершенного общественно опасного деяния соответствуют признакам двух составов преступлений, предусмотренных различными статьями УК РФ, и последние соотносятся как общая и специальная нормы. Состав запрещаемого общей нормой преступления характеризуется общими признаками и охватывает значительно больший, в сравнении со специальной нормой, круг общественно опасного поведения. Специальная норма создается законодателем путем конкретизации уже имеющихся признаков деяний, запрещаемых общей нормой, или введения дополнительных, чем ограничивается область ее применения. Например, ст. 285 УК РФ выступает в качестве общей нормы по отношению к ряду норм, предусматривающих ответственность за должностные преступления. К специальным видам злоупотребления должностными полномочиями следует отнести: нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301 УК РФ), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ). При совершении всех перечисленных преступлений виновные вопреки интересам службы и власти используют предоставленные им должностные полномочия, злоупотребляют ими.

Особенностью соотношения общей и специальной норм является то, что последняя содержит все признаки первой, а также указание на обстоятельства, уточняющие круг запрещаемых деяний. Формальный подход к уяснению смысла такого соотношения может привести к ошибочным выводам. Так, указание на корыстную или иную личную заинтересованность отсутствует во многих специальных видах должностного злоупотребления, например в диспозиции ст. 299 и 301 УК РФ.

В приведенных и подобных случаях корыстная или иная личная заинтересованность выступают в качестве латентного признака посягательства. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела, заведомо незаконные задержание, заключение под стражу, равно как и воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, не могут преследовать благие цели.

Не является препятствием для признания норм, предусматривающих ответственность за перечисленные выше преступления, специальными по отношению к должностному злоупотреблению и то обстоятельство, что их составы сконструированы как формальные. В исследуемом аспекте показательны возможные виды характерных для преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ, «существенных нарушений прав и законных интересов граждан или организаций или охраняемых законом интересов общества или государства», которые приводятся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий». Заметим, что все они состоят в действиях или бездействии виновных. «Под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.)». Поэтому очевидно, что вред от преступлений, предусмотренных

ст. 169, 299, 301 УК РФ, который состоит в нарушении гарантированных Конституцией РФ прав на занятие предпринимательской деятельностью, защиту от незаконного и необоснованного обвинения, а также права на свободу и личную неприкосновенность, соотносится с возможным вредом от злоупотребления должностными полномочиями как особенное с общим.

Вносимые в уголовный закон изменения порождают новые, не такие очевидные, как приведенное выше, сочетания конкурирующих норм. При внимательном прочтении ст. 200.4 УК РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» видно, что данная норма предусматривает специальный вид мошенничества. В соответствии со ст. 200.4 УК РФ нарушение субъектом данного посягательства законодательства о контрактной системе в сфере закупок для государственных нужд связано с обманом или злоупотреблением доверием распорядителя бюджетных средств. А если руководитель государственной организации, принимающий административно-хозяйственные решения о расходовании бюджетных средств, является организатором хищения при осуществлении государственных закупок, то содействовавшие этому работники контрактной службы являются пособниками присвоения или растраты.

Субъектами преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ, являются работники государственных и муниципальных организаций заказчиков, осуществляющих закупки товаров, работ, услуг, которые в рамках охраняемых отношений не преследуют цели извлечения прибыли, поэтому и ущерб в виде упущенной выгоды здесь не характерен. Ущерб государственному заказчику от злоупотребления в сфере закупок может выражаться в оплате не выполненных или выполненных в неполном объеме работ, не поставленных товаров, не оказанных услуг, а также в очевидном завышении цены на них. Во всех перечисленных случаях денежные средства необоснованно перечисляются на счета организаций подрядчиков, поставщиков и исполнителей. Таким образом, в пер-

вом приближении ст. 200.4 УК РФ является специальной нормой по отношению к ч. 3 ст. 159 УК РФ и чч. 3-5 ст. 33 ст. 160 УК РФ. Примечательно, что Уголовный кодекс Кыргызской Республики достаточно подробно описывает правила квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм. В соответствии с ч. 3 ст. 22 УК КР преимущество имеет норма об исполнении преступления над нормой о соучастии в нем организатора, подстрекателя или пособника.

Механизм совершаемого работником контрактной службы злоупотребления доверием распорядителя бюджетных средств соответствует описанию высшей судебной инстанцией мошенничества. В соответствии с п.п. 2 и 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» «обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества... Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам (выделено нами. – В.Б., А.С.). Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например служебным положением лица». С.П. Гребенщиков и П.С. Яни признают мошенничеством «деяние, в результате которого изъятое у собственника имущество передается собственником (иным лицом) не виновному и не его соучастникам или близким родственникам, а в том числе юридическому лицу, подконтрольному в силу служебного положения или иных обстоятельств виновному» [2, с. 44].

Следование правилу конкуренции общей и специальной норм при квалификации посягательств на государственную собственность в сфере закупок способно привести к значительному снижению уровня ее уголовно-правовой охраны. Подход, избранный законодателем при конкретизации ответственности за злоупотребления в сфере закупок, мы связываем с общей тенденцией ослабления позиций государства в экономическом секторе, отведения ему роли обслуживания интересов отдельных групп общества. [1, с. 6] Ответственность по ст. 200.4 УК РФ наступает только в случае, когда нарушение субъектом законодательства Российской Федерации о контрактной системе причинило крупный ущерб. В соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ таковым признается сумма, превышающая два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным (п. «б» ч. 2 ст. 200.4 УК РФ) – девять миллионов. При этом наказание за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 200.4 УК РФ, – до трех лет лишения свободы, а за совершение данного деяния, причинившего особо крупный ущерб, – до семи лет лишения свободы. Применительно к хищениям суммы крупного и особо крупного размера стоимости похищенного имущества определены в двести пятьдесят тысяч рублей и один миллион рублей (п. 4 примечания к ст. 158 УК РФ). Это в девять раз меньше, чем ущерб, необходимый для признания преступлением злоупотребления в сфере закупок. С другой стороны, за мошенничество, совершенное в крупном размере, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет (ч. 3 ст. 159 УК РФ), т.е. в два раза больше, чем за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 200.4 УК РФ, а за мошенничество в особо крупном размере – десять лет (ч. 4 ст. 159 УК РФ). Получается, что для признания злоупотребления в сфере государственных закупок преступлением (уточняем, речь идет об основном составе) причиненный ущерб должен в девять раз превышать крупный размер мошенничества, а также присвоения или растраты с использованием служебного положения.

В основе конкуренции основного и квалифицированного составов преступления так-

же лежит соотношение общего и особенно-го. Общее – это единое во многом. Единство здесь выступает в форме общности свойств всех преступлений одного вида. Особенное, каковым является квалифицированный состав, обладает дополнительными признаками и поэтому богаче по содержанию. Конкуренция основного и квалифицированного составов разрешается в пользу квалифицированного состава.

Правильное представление о соотношении основного и квалифицированного составов способствует уяснению содержания признаков последнего. Например, в теории и на практике возникают проблемы с уяснением содержания незаконных действий, за которые может быть получена взятка (ч. 3 ст. 290 УК РФ). В ч. 1 ст. 290 УК РФ отсутствует указание на правомерный характер поведения чиновника за взятку. Это позволяет рассматривать ее как общую норму, охватывающую получение взятки за любые, как законные, так и незаконные действия. Закрепление видов служебного поведения за взятку в ч. 1 задает критерии для последующего определения характера и границ незаконных действий применительно к ч. 3. Деньги становятся взяткой только при условиях, описанных в основном составе. Признание ч. 3 ст. 290 УК РФ самостоятельным составом лишает норму признаков, ограничивающих сферу ее применения. Это позволит считать взяточником должностное лицо, совершившее любое преступление за материальное вознаграждение.

Достаточно часто в процессе квалификации нормы, претендующие на применение, конкурируют как часть и целое. Это объясняется особенностями конструкции ряда составов преступлений, объективная сторона которых имеет сложный характер. Это характерно для преступлений, которые совершаются не одномоментно, а представляют собой определенную последовательность действий или деятельность субъекта. Так, незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ) состоит в организации и управлении коммерческой организацией должностным лицом, которое предоставляет такой организации льготы и преимущест-

ва или покровительствует ей в иной форме. Действия в интересах «своей» организации могут содержать признаки злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), но данное преступление является только частью посягательства, предусмотренного ст. 289 УК РФ. Конкуренция части и целого разрешается в пользу целого, поэтому действия виновного следует квалифицировать только по статье, наиболее полно охватывающей совершенное им. Отметим, что в соответствии с ч. 3 ст. 22 УК РК «преимущество имеет... норма о составном преступлении (учтенной законом совокупности преступлений) над нормой, предусматривающей составляющую такого преступления».

Конкуренция квалифицированного и привилегированного составов разрешается в пользу привилегированного. Например, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ предусматривает ответственность за получение и дачу взятки в размере, не превышающем десять тысяч рублей. Если взятка в таком размере будет получена за незаконные действия (ч. 3 ст. 290 УК РФ), группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ) или с вымогательством (п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ), то действия виновного следует квалифицировать именно по ст. 291.2 УК РФ. Объясняется это тем, что состав мелкого взяточничества является привилегированной нормой по отношению к нормам, предусматривающим ответственность за квалифицированные виды получения и дачи взятки. В целом следует поддерживать дифференциацию ответственности за взяточничество в зависимости от размера взятки. Именно размер взятки обуславливает выраженную в действиях, за которые она передается, реальную или потенциальную меру предательства интересов государства. Между тем избранная законодателем тактика либерализации ответственности за мелкое взяточничество, абсолютизирующая при определении общественной опасности посягательства в ущерб другим обстоятельствам именно сумму взятки, является неудачной. Мелкая взятка может быть получена за незаконные действия с вымогательством и организованной группой. Получение мелких взяток может быть систематическим. Во всех этих случаях по

правилу конкуренции квалифицированного и привилегированного составов действия виновного будут квалифицироваться как мелкое взяточничество. Приводя примеры таких посягательств, сотрудники подразделений по борьбе с коррупцией крайне негативно оценивают дополнение уголовного закона ст. 291.2 УК РФ. В случаях получения мелкой взятки за незаконные действия или ее вымогательства изобличение коррупционера в ходе оперативного эксперимента будет незаконным. В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» проведение оперативного эксперимента допускается только в целях пресечения и раскрытия преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких.

Политические и социальные изменения, происходящие в нашем обществе, не всегда имеют только позитивную составляющую, обостряются существующие и возникают новые виды угроз. Особенно динамично развивается государство, модифицируется его деятельность, что является объективной

причиной для совершенствования уголовного закона. Дополнение уголовного закона специальными нормами, предусматривающими ответственность за должностные преступления, – это эффективный, но достаточно тонкий инструмент дифференциации ответственности. Конструируя новые нормы, необходимо учитывать уже сложившуюся систему уголовно-правовой охраны функционирования государства и использования общенародной собственности. Внося изменения в уголовный закон, мало только декларировать их направленность на усиление борьбы с коррупцией. Общественная опасность посягательств, предусматриваемых новыми нормами, должна быть адекватно оценена как сама по себе, так и в соотношении с уже закрепленной в уголовном законе оценкой опасности других, смежных должностных преступлений. Нарушение этого правила приводит к либерализации ответственности за коррупционные преступления и дальнейшему рассогласованию уголовного закона.

Библиографический список

1. Бавсун, М.В. (Не)равенство граждан перед уголовным законом / М.В. Бавсун // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 1.
2. Гребенщиков, П.С. Ответственность за преступления, совершаемые в сфере государственного оборонного заказа / П.С. Гребенщиков, П.С. Яни // Законность. – 2018. – № 5.

УДК 343.17

Юрий Георгиевич ОВЧИННИКОВ,
профессор кафедры уголовного процесса
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
yur147@yandex.ru

О ПОПЫТКЕ ВВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ В ТКАНЬ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ ДИСКУССИИ

ON THE ATTEMPT OF INTRODUCTION OF THE INVESTIGATIVE JUDGE OFFICE INTO THE MODERN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION: SUMMING UP THE DISCUSSION

В статье рассматривается дискуссия о введении в уголовно-процессуальное законодательство фигуры следственного судьи в целях осуществления активного судебного контроля в досудебном производстве, но без принятия на себя функций уголовного преследования. Автор приходит к выводу, что большинство предложений, особенно касающихся стадии предварительного расследования, трудно-реализуемы. В итоге следственный судья так и не получил законодательного отражения в уголовно-процессуальном законе

The article deals with the problem of introduction of the investigative judge office into the criminal procedure legislation, in order to exercise active judicial control in pre-trial proceedings, but without assuming the prosecution functions. The author comes to the conclusion that most proposals, especially those relating to the preliminary investigation stage, are hard to implement. As a result, the investigating judge has not received its legislative reflection in the criminal procedure law.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, судебный контроль, участник уголовного процесса, судья, следственный судья.

Keywords: criminal procedure, pre-trial proceedings, judicial supervision, party to criminal proceedings, judge, investigative judge.

Уголовно-процессуальная деятельность, и особенно стадия предварительного расследования, обуславливается возможностью государственных органов и должностных лиц при наличии оснований, предусмотренных в законе, ограничивать конституционные права и законные интересы личности, проводя следственные действия и осуществляя меры процессуального принуждения. Не исключены случаи, что при принятии ряда решений, лицами ведущими производство по уголовному делу, ограничения могут выходить за рамки допустимости. В целях недопущения указанных действий, а также их минимизации теория уголовно-процессуального права выделяет процессуальный

контроль и надзор как усиленные гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. [10, с. 57]

Особое место в системе механизмов, гарантирующих соблюдение прав участников уголовного судопроизводства в досудебных стадиях, занимает судебный контроль, введенный Законом РФ от 23 мая 1992 г. № 2825-1, предусматривающий механизм обжалования в суд и судебную проверку законности и обоснованности меры пресечения в виде содержания под стражей и срока его продления (ст. 2201, 2202 УПК РСФСР 1960 г.). Данный вид контроля представляет собой форму реализации судебной власти, цель которой – гарантировать участникам

процесса эффективную защиту их прав и свобод путем незамедлительного доступа к правосудию.

Исследователи выделяют признаки судебного контроля как формы реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве:

1) строгая регламентация уголовно-процессуальным законом соответствующих полномочий суда, которые в своей совокупности образуют самостоятельное направление уголовно-процессуальной деятельности;

2) форма осуществления судебного контроля, которая является элементом правосудия в широком понимании данного термина – как совокупности приемов и способов осуществления судебной деятельности;

3) цель судебного контроля – защита конституционных прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования;

4) механизм судебного контроля, приводимый в действие не по инициативе суда, а по инициативе заинтересованных субъектов уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлеченных в его орбиту;

5) результат судебного контроля – вынесение судом общеобязательного решения, исполнение которого обеспечивается принудительной силой государства. [7 с. 10]

В отличие от иных форм контроля и надзора судебный контроль имеет ряд преимуществ. Во-первых, суд позволяет устранить субъективизм при принятии соответствующих процессуальных решений, поскольку не связан с ведомственными интересами, не несет ответственности за раскрытие преступлений, не отвечает ни за количественные, ни за качественные показатели досудебного производства. Судебная власть заинтересована в устранении каждого нарушения, ведь законность и обоснованность стадии предварительного расследования есть основа правосудия по уголовным делам.

Во-вторых, это единственный орган, где осуществляется судебная процедура, особенностями которой не обладает ни одна форма государственной деятельности (она наиболее детально регламентирована законом, в ней главным образом реализуются принципы уго-

ловного судопроизводства, которые создают благоприятные условия для выяснения обстоятельств дела и установления истины). Таким образом, принципиальное отличие процессуального контроля руководителя следственного органа, прокурорского надзора и судебного контроля заключается именно в методах осуществления такового.

Рассмотрим дискуссию, которая разразилась в 2014-2015 гг. на многих научных площадках, среди ученых и практиков, занимающихся поиском наиболее эффективных форм предварительного расследования. В данный период оживленно обсуждался вопрос о необходимости введения самостоятельного субъекта – следственного судьи, осуществляющего активный судебный контроль в досудебном производстве, но без принятия на себя функций уголовного преследования. [9, с. 55-59]

Согласно данной идее корпус следственных судей должен способствовать обеспечению принципа состязательности и равноправия сторон, в том числе и на досудебном производстве, поскольку судьи, рассматривающие дела в первой инстанции, не будут связаны своими же собственными решениями, принятыми по тому же делу в стадии предварительного расследования.

Напомним, в первой редакции закона уже была закреплена норма, запрещающая рассматривать дело по существу судье, если он ранее принимал в досудебном производстве по этому делу решение (ч. 2 ст. 63 УПК РФ – исключена Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ). Данное правило распространялось на заключение под стражу, продление ее срока, а также на проверку законности и обоснованности применения задержания, стражи и срока ее продления. Сущность упраздненной нормы – всячески исключить влияние на суд предыдущего судебного решения, принятого в стадии предварительного расследования.

Не заостряя внимание на данной проблеме, считаем необходимым лишь обозначить основные позиции приверженцев этой инициативы, а также их оппонентов.

Поводом к научной дискуссии стало поручение главы государства В.В. Путина, данное

Верховному Суду РФ 14 октября 2014 г. по итогам заседания Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека: изучить до 15 марта 2015 г. предложения по воссозданию в России института следственных судей.

Идею поддержали многие ведущие ученые и правоприменители. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин высказывался, что данный институт может решить ряд системных проблем уголовного процесса. Бывший заместитель Председателя Конституционного Суда РФ в отставке Т.Г. Моршакова, проректор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова С.М. Шахрай, полномочный представитель Правительства РФ в высших судебных инстанциях М.Ю. Баршевский отмечали, что этот участник должен стать центральной фигурой в процессе судебного контроля на предварительном следствии. Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам гражданского общества А.А. Клишас, председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, советник Президента РФ М.А. Федотов рассматривают следственного судью как гарантию состоятельности процесса и реальную возможность для защиты прав обвиняемых.

Уже через год существовали три теоретические концепции, в которых авторы сходились во мнении о целесообразности введения в уголовный процесс следственного судьи: «О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации», разработанная Постоянной комиссией по гражданскому участию и правовой реформе Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека под руководством Т.Г. Моршаковой; «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе», разработанная советником Конституционного Суда РФ А.В. Смирновым (а вскоре и сам проект федерального закона «О следственных судьях в Российской Федерации»); «Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ», разработанная под

руководством А.С. Александрова.

М.В. Парфенова, рассматривая вопрос о возможности (невозможности) участия судьи в рассмотрении уголовного дела в случае осуществления им судебного контроля, пишет о введении в судебную систему следственных судей, отделенных от судов общей юрисдикции, как об идеальном варианте. [11, с. 77-78]

Наиболее приемлемым и эффективным средством состязательного типа судопроизводства, в том числе и на досудебных стадиях, – полагает В.Ю. Мельников, – является введение института следственных судей, которому целесообразно посвятить отдельную главу в УПК РФ. Современное состояние полномочий судей, где одновременно осуществляется правосудие и судебный контроль, недопустимо. Данные функции должны быть разделены. В качестве аргумента автор приводит пример законодательства США. Там по тяжким преступлениям судебное решение на арест, а также обыск выдает магистрат, при этом запрещается судье, выдававшему ордер на арест, в последующем осуществлять правосудие. [8, с. 26-27]

Схожую позицию в части разделения полномочий судей (судья следственный – исключительно для контроля в стадии предварительного расследования и предания суду, а также судья для осуществления правосудия) разделяют и другие авторы. И.С. Федотов, в частности, убежден, что в районных (городских) судах сразу снизится нагрузка на судей, осуществляющих правосудие. В течение «дежурной» недели судья рассматривает около ста ходатайств органов предварительного расследования, что с учетом подготовки, проведения судебного заседания и выдачи копий процессуальных документов занимает весьма значительное время. [15, с. 96] В.И. Руднев полагает, что судья, освобожденный от обязанности рассматривать дела по существу, будет объективнее выносить решения по ходатайствам следователей. [14, с. 110]

Суждения о целесообразности введения следственного судьи в целях осуществления контроля за процессуальными решениями органов предварительного расследования, ограничивающими права граждан в уголовном процессе (а также с иными полномочиями, но

различными в их объеме), можно обнаружить и в работах других авторов [6, с. 26-28; 18, с. 15].

Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что на страницах юридической печати идея введения должности следственного судьи была воспринята отдельными учеными достаточно критично.

Так, В.М. Быков, Н.С. Манова, Ю.П. Синельщиков, настаивая на возвращении утраченных функций прокурора, сомневаются, что следственный судья обеспечит в полной мере процессуальные гарантии прав и законных интересов участников процесса в досудебном производстве. Авторы убеждены, что предложения в данном виде декларативны, оторваны от действительности, от законодательных реалий. Они лишь утяжелят уголовный процесс и потребуют огромных финансовых вливаний со стороны федерального бюджета. [2, с. 44, 46; 14, с. 56]

Ю.А. Цветков видит в новой фигуре обычного «дежурного судью», работающего в режиме «нон-стоп», эффект от которого будет практически нулевым. Революционных изменений в судебном контроле на досудебном производстве не произойдет. Перераспределение полномочий приведет к предельной нагрузке на следственного судью, что, безусловно, отразится на качестве принятия решения. [17, с. 76] О введении нового субъекта автор высказался как об «угрозе национальному суверенитету в уголовном процессе» [16, с. 11].

В эмоциональной форме критикует создателей концепции возрождения института следственных судей Л.В. Головкин – указывая на ее нелогичность, выдуманные идеи, американизированную направленность и бюрократичность. [3, с. 9-15]

Отдельные исследователи, изучив рассматриваемого участника процесса в государствах ближнего зарубежья (Литва, Эстония, Латвия, Грузия, Казахстан, Молдова, Украина), констатируют, что данный институт «ограниченно вплетен в структуру иных институтов и норм УПК этих стран и согласован с законодательством о судостроительстве», существующая модель УПК РФ пока не готова включать следственного судью в ткань уго-

ловно-процессуального законодательства. [4, с. 15]

Рассматривая следственного судью через призму судебного контроля, М.Л. Поздняков считает, что новый участник уголовно-процессуальных отношений кардинально не изменит ситуацию в данном виде контроля. [12, с. 23] Более того, он своими полномочиями автоматически подменит следователя, – считают А.М. Багмет и Т.И. Розовская. Это существенно ограничит полномочия последнего и в итоге не будет эффективнее влиять на защиту прав и законных интересов граждан. [1, с. 58] В том же ключе высказываются и другие исследователи.

Следует обозначить, что Генеральная прокуратура Российской Федерации также высказалась против создания института следственных судей. Активный судебный контроль за расследованием преступлений, по их мнению, приведет к вторжению суда в сферу деятельности государственного обвинения, тем самым усматривается посягательство на принцип осуществления правосудия – отделения функции разрешения дела от иных функций. [5]

Спустя два года после поручения Президента РФ столь острая полемика в отношении возрождения следственного судьи стала постепенно угасать. Результаты активной дискуссии так и не нашли законодательного отражения. Многие предложения, особенно касающиеся стадии предварительного расследования, были трудно выполнимы (по крайней мере, в том виде, в которых обозначены в концепциях): реализация идеи требовала больших финансовых затрат; следственный судья отдельными полномочиями заменяет следователя, что существенно ограничивает и без того его усеченную самостоятельность и независимость; отдельные институты уголовно-процессуального законодательства, как оказалось, еще не готовы для «вливания» данного участника в «ткань» современного процесса; в окончании – новый участник революционно не изменит ситуацию в предварительном судебном контроле и не поднимет его эффективность на достаточно высокий уровень.

Библиографический список

1. Багмет, А.М. Следователь или следственный судья: необходимо ли возрождение института следственных судей? / А.М. Багмет, Т.И. Розовская // Российская юстиция. – 2015. – № 9.
2. Быков, В.М. Нужен ли уголовному судопроизводству России следственный судья? / В.М. Быков, Н.С. Манова // Законность. – 2015. – № 6.
3. Головкин, Л.В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия / Л.В. Головкин // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 2.
4. Григорьев, В.Н. Компаративистские заметки об институте следственного судьи в досудебном уголовном производстве / В.Н. Григорьев, И.А. Зинченко, А.П. Попов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 1.
5. Корня, А. Надзору не нужен контроль / А. Корня // Ведомости. – 2015. – 5 мая.
6. Красильников, А.В. О целесообразности формирования в российском уголовном процессе института следственных судей / А.В. Красильников // Российская юстиция. – 2016. – № 8.
7. Луценко, П.А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.А. Луценко. – М., 2014.
8. Мельников, В.Ю. Необходимость детального совершенствования института судебного контроля / В.Ю. Мельников // Российский судья. – 2015. – № 7.
9. Овчинников, Ю.Г. К чему привела полемика введения следственного судьи в материю уголовно-процессуального законодательства / Ю.Г. Овчинников // Российский судья. – 2019. – № 3.
10. Овчинников, Ю.Г. Эффективность судебного контроля за следственными действиями, ограничивающие конституционные права граждан: теоретический и практический взгляд на проблему / Ю.Г. Овчинников // Российский судья. – 2019. – № 5.
11. Парфенова, М.В. Охрана конституционных прав подозреваемого и обвиняемого в досудебных стадиях уголовного процесса России / М.В. Парфенова. – М.: Юрлитинформ, 2004.
12. Поздняков, М.Л. Перспективы института следственных судей / М.Л. Поздняков // Уголовный процесс. – 2015. – № 6.
13. Руднев, В.И. Следственный судья и меры уголовно-процессуального принуждения / В.И. Руднев // Уголовное право. – 2017. – № 4.
14. Синельщиков, Ю.П. Пути модернизации российского уголовного процесса: создание института следственных судей либо расширение полномочий прокурора? / Ю.П. Синельщиков // Законность. – 2018. – № 4.
15. Федотов, И.С. Судебный контроль в досудебном производстве по уголовным делам / И.С. Федотов // Уголовное право. – 2016. – № 5.
16. Цветков, Ю.А. «Благие» намерения МВД / Ю.А. Цветков // Уголовный процесс. – 2017. – № 4.
17. Цветков, Ю.А. Досудебное производство в ожидании современной доктрины / Ю.А. Цветков // Уголовный процесс. – 2015. – № 5.
18. Шейфер, С.А. Отечественное предварительное следствие: упразднить или усовершенствовать? / С.А. Шейфер // Уголовное судопроизводство. – 2015. – № 3.

Сергей Алексеевич ВОРОНЦОВ,

профессор кафедры процессуального права, профессор
кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского
института – филиала Российской академии народного хозяй-
ства и государственной службы при Президенте России
(г. Ростов-на-Дону), доктор юридических наук, профессор
raven_serg@mail.ru

**О ВОЗМОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ**

**ON POSSIBLE DIRECTIONS OF INCREASING THE EFFECTIVENESS
OF MEASURES TO COUNTER INTERNATIONAL TERRORISM**

В статье исследуются причины и условия, способствующие активизации международного терроризма, анализируются основные тенденции данного негативного феномена, рассматриваются особенности обращения с взрывчатыми веществами в Европейском сообществе, регулируемые директивой Совета 93/15/ЕЕС от 5 апреля 1993 года о гармонизации положений, касающихся выпуска на рынок и надзора за ВВ, применяемыми в гражданских целях, формулируются предложения, направленные на повышение эффективности противодействия деятельности международных террористических организаций.

The article examines possible ways to increase the effectiveness of measures to counter international terrorism, analyzes the main trends of modern terrorism, formulates areas of scientific support for a set of measures aimed at increasing the effectiveness of countering the activities of international terrorist organizations.

Ключевые слова: глобализм, мультикультурализм, терроризм, директива СЕ, маркировка взрывчатых веществ.

Keywords: globalism, multiculturalism, terrorism, directive of the European Union, marking of explosives.

В современном мире терроризм приобрел характер глобальной угрозы для всей системы международной и национальной безопасности. Характеризуя причины активизации данного негативного феномена, Президент России Владимир Путин еще в 2015 г., как бы предугадав политику США в Сирии в 2017-2018 гг., в выступлении на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» предостерег международное сообщество от попыток использовать террористов в своих целях: «Невозможно добиться успеха в борьбе с террористами, если часть из них использовать как таран для свержения неугодных режимов, – отметил он. – Никуда потом от этих террористов не деться, это только иллюзия, что удастся с ними справиться, отстранить от власти, как-то договориться» [5].

Российская Федерация на протяжении последних двух десятилетий находится в состоянии постоянного противодействия террористическим угрозам. Однако, несмотря на реализуемые антитеррористические меры, террористам удалось осуществить ряд резонансных террористических актов: захваты театрального центра на Дубровке, школы в городе Беслане, взрывы в Махачкале, Волгограде, Санкт-Петербурге, подрывы террористов-смертников в московском и санкт-петербургском метрополитенах, аэропорту Домодедово, волгоградском рейсовом транспорте. [7]

Обеспечить стопроцентное выявление, предупреждение и пресечение террористических атак на своей территории на протяжении сколько-нибудь длительного периода не

удалось ни одной стране. Для решения данной задачи необходимо системное приложение сил всего международного сообщества. Это аксиома. Террористические атаки в городах Великобритании, Франции, Германии, Бельгии и других европейских стран, а также в США, полномасштабные войны в Сирии, Ираке, Афганистане со всей очевидностью показывают, что недооценка угроз терроризма приводит к самым тяжким последствиям. Так, жертвами атак террористов в мире за последние пятнадцать лет стали 170 000 гражданских лиц, а экономики государств, потерпевшие граждане и юридические лица понесли совокупный ущерб не менее одного триллиона долларов. [1]

Следует подчеркнуть, что многие террористические атаки последних лет являются следствием недальновидной политики правительств США и ряда стран Европы, которые игнорировали нарастание террористических проявлений, считая их одной из либеральных ценностей, согласно которой каждый человек имеет право высказывать свои мысли, зачастую вызывающие у большинства законопослушных граждан оторопь и недоумение.

Процесс недооценки угрозы терроризма – не одномоментный акт, он продолжался достаточно долго. Можно констатировать, что вся послевоенная история Европы – это пересмотр норм морали, нравственности и даже результатов Великой отечественной войны, отношения к решениям Нюрнбергского процесса. Под маской демократии и плюрализма в ряде цивилизованных стран формировалась определенная «кислотная среда», в которой активно развивались бациллы ненависти, морального разложения, отрицания тысячелетних истин и неписаных норм, пересмотра исторических событий.

Идеалистическое представление о европейской гармонии привело к снижению порога чувствительности к формированию факторов, парализовавших работу западных правоохранительных органов и специальных служб. Невозможно работать на упреждение, если власть и общество выступают за право радикально настроенных лиц жить так, как они этого хотят, вопреки действующим законам. Под влиянием глобалистских на-

строений, идей мультикультурализма Европа получила тысячи очагов экстремизма, сотни районов в городах, в которых обитатели живут не благодаря, а вопреки законам страны пребывания, куда даже полиция не решается проникнуть. Не удивительно, что в определенный момент процессы нарастания экстремизма превысили «критическую массу» и перешли в фазу террористической активности.

Террористические проявления возникают в среде, где нарушен баланс гармонии между нищими и богатыми, между политическими партиями, между конфессиональными группами, нациями и народностями. Через экстремистские формы проявления возникающие на данной основе протесты и противостояние неминуемо приведут к террористическим акциям. Изучение механизма этой эволюции, выработка мер предупреждения являются ключевыми задачами не только для создания комфортных условий диалога между людьми, но и противодействия распространению идеологии и практики терроризма.

К числу основных тенденций современного терроризма следует отнести:

- существенное расширение географии терроризма, охватывающей страны Европы, Северной Африки, Ближнего Востока и Центральной Азии;
- интернациональный характер большинства террористических организаций, активно использующих этнорелигиозный фактор;
- усиливающееся взаимное влияние внутренних и внешних социальных, политических, экономических и иных факторов на возникновение и распространение терроризма;
- рост уровня организованности и системного характера террористической деятельности, формирование мощных террористических формирований с развитой инфраструктурой. Наиболее опасной силой выступает пусть значительно ослабленная в ходе сражений в Сирии, но пока еще боеспособная запрещенная в России международная террористическая организация «Исламское государство», сумевшая привлечь в свои ряды представителей из более чем 80 стран мира [3];
- совершенствование существующих и разработка более эффективных форм и методов террористической деятельности,

направленных на увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших;

– активное распространение террористической идеологии в сети Интернет, возможности которой широко используются в качестве средств связи для координации экстремистской и террористической деятельности, размещения инструкций по изготовлению средств террора, поиска новых источников финансирования, инструмента вербовки новых членов радикальных структур. [8]

Росту угроз со стороны международных террористических организаций мировое сообщество должно противопоставить комплекс скоординированных системных мер, поддерживаемых если не всеми, то подавляющим большинством государств мира.

Наиболее часто террористические акты осуществляются с использованием взрывчатых веществ. Это обусловлено компактностью взрывных устройств, возможностью транспортировки на различных видах транспорта, а в количестве нескольких килограмм – в чемоданах, хозяйственных сумках, портфелях и даже на теле человека. Немаловажное значение имеет широкий круг способов приведения взрывных устройств в действие (в том числе при помощи таймеров, радио-взрывателей и др.), позволяющих террористу удалиться на безопасное расстояние.

С учетом этого важным направлением противодействия международному терроризму является создание единой системы международного контроля за незаконным оборотом взрывчатых веществ. Основной проблемой в данной сфере является отсутствие единых международных стандартов маркировки взрывчатки. В большинстве террористических атак террористы используют взрывчатку заводского изготовления, так как она обладает большей мощностью при меньших размерах по сравнению с взрывчаткой, изготовленной в кустарных условиях. Предпочтение данным взрывчатым веществам отдают и представители криминальных сообществ. Маркировка взрывчатых веществ позволяет криминалистам по следам взрыва установить, в какой стране, на каком предприятии было изготовлено взрывчатое вещество. Обладая

данной информацией, сотрудники оперативно-розыскных подразделений могут вычислить каналы утечки взрывчатки с предприятий, где она была изготовлена, или складов, где она хранилась, и задержать лиц, причастных к данной преступной деятельности.

В Российской Федерации взрывчатые вещества производят на 151 предприятии отрасли боеприпасов и специальной химии. Ежегодно производится свыше 1 миллиона 134 тысяч тонн взрывчатки, из которых 800 тысяч тонн формируется по месту использования на 106 горнорудных предприятиях страны из невзрывных компонентов. В обороте взрывчатых материалов участвуют 1235 организаций на 5988 промышленных объектах, 66% этих организаций находятся в частной собственности. [6]

Для маркировки взрывчатки в целях повышения эффективности проведения досмотровых операций, упрощения, облегчения и удешевления аппаратуры обнаружения скрытых закладок взрывчатых веществ во многих странах используются химические метки, создаваемые путем введения во взрывчатое вещество маркирующей композиции, содержащей идентификаторы, количество которых равно количеству технических показателей, подлежащих маркировке. При этом вводят идентификаторы, обладающие масложирорастворимостью, химической стойкостью в средах с любым диапазоном pH, стойкостью к свободным радикалам, химической инертностью к компонентам взрывчатого вещества, химической инертностью к продуктам взрыва и отсутствием токсических свойств.

В нашей стране контроль за производством, хранением и оборотом взрывчатых веществ осуществляют МВД России и Ростехнадзор. [4]

В европейском сообществе обращение с взрывчатыми веществами регулируется директивой Совета 93/15/ЕЕС от 5 апреля 1993 г. о гармонизации положений, касающихся выпуска на рынок и надзора за взрывчатыми веществами, применяемыми в гражданских целях [2], которая предполагает создание условий для обеспечения высокого уровня безопасности. Для перемещения взрывчатых веществ в пределах стран, входя-

щих в Совет Европы (СЕ), осуществлена гармонизация законодательных актов о выпуске на рынок взрывчатых веществ. Получение разрешения на сбыт возможно только после удовлетворительного прохождения взрывчатыми веществами ряда испытаний.

Гармонизированы также различные национальные правила с целью обеспечения свободного перемещения данных видов продукции без снижения оптимальных уровней безопасности.

В качестве органа, имеющего компетенцию по принятию гармонизированных стандартов, признан Европейский Комитет по стандартизации (CEN).

Совет в постановлении 90/683/ЕЕС от 13 декабря 1990 г. ввел средства для применения процедур оценки соответствия взрывчатых веществ, что позволяет определить ответственность изготовителей и органов, ответственных за применение порядка оценки соответствия, путем учета характера указанных взрывчатых веществ.

Рассматриваемая директива распространяется на боеприпасы только в том, что касается правил, регламентирующих контроль над их перевозкой и связанные с ним мероприятия; принимая во внимание, что перевозка боеприпасов осуществляется в условиях, схожих с перевозкой оружия, она должна регламентироваться положениями, схожими с положениями, применяемыми при перевозке оружия, как указано в Директиве 91/477/ЕЕС от 18 июня 1991 г. о контроле за приобретением и владением оружием. В этой связи приемлемо для компетентных властей исходить в своем подходе из нормативного положения Совета (ЕЭС) № 1468/81 от 19 мая 1981 г. о взаимном содействии между административными властями государств-членов и сотрудничестве между последними и Комиссией в деле обеспечения должного применения законодательства по вопросам таможи и сельского хозяйства.

Государства-члены обязаны принимать необходимые меры для обеспечения такого положения вещей, при котором взрывчатые вещества, подпадающие под действие директивы, могут быть выпущены на рынок только в случае, если они соответствуют всем поло-

жениям директивы и имеют маркировку СЕ, а их соответствие прошло оценку согласно всем процедурам, указанным в директиве.

Государства-члены обязаны информировать Комиссию и прочие государства-члены об органах, которые назначены ими для осуществления процедур оценки соответствия, о специфических задачах, выполняющих которые назначены указанные органы, а также об идентификационных номерах, заблаговременно присвоенных им Комиссией.

Маркировка соответствия СЕ должна наноситься таким образом, чтобы быть хорошо различимой, разборчивой и нестираемой на самих взрывчатых веществах, или, если это невозможно, на идентификационной табличке, прикрепляемой к веществу, или, если оба указанных метода не могут быть применены, на упаковке. Идентификационная табличка должна выполняться таким образом, чтобы ее повторное применение было невозможно.

Если государство-член установило, что маркировка СЕ не была должным образом нанесена, изготовитель обязан привести продукцию в соответствие, предусмотренное положениями о маркировке, и прекратить выявленное нарушение согласно условиям, определяемым государствами-членами.

Если государство-член установит, что то или иное взрывчатое вещество с маркировкой соответствия СЕ, применяемое для своей предполагаемой цели, может ставить безопасность под угрозу, оно обязано принять все временные меры, необходимые для изъятия данного взрывчатого вещества с рынка, или запретить его выпуск на рынок либо лишить свободы перемещения.

Разрешение на перевозку взрывчатых веществ должно предоставляться грузополучателю компетентным органом в его стране. Данный орган обязан проверить факт того, что грузополучатель имеет законные полномочия приобретать взрывчатые вещества, а также необходимые лицензии и разрешения. Лицо, ответственное за перевозку, обязано информировать компетентные органы о транзитном государстве-члене или государствах-членах, на перемещение через территорию которого (которых) необходимо получить разрешение.

Государство-член в случае наличия серьезной угрозы нарушения общественной безопасности в результате незаконного владения или применения взрывчатых веществ или боеприпасов, на которые распространяется действие директивы, может принимать все необходимые меры, касающиеся перевозки взрывчатых веществ или боеприпасов, с тем чтобы не допустить данного незаконного владения или применения.

Государства-члены обязаны постоянно предоставлять прочим государствам-членам и Комиссии уточненную информацию о предприятиях, занимающихся изготовлением взрывчатых веществ и имеющих лицензии и разрешения.

Государства-члены обязаны проверять факт наличия у подобных предприятий системы отслеживания перемещения взрывчатых веществ, которая бы позволяла в любое время идентифицировать лиц, владеющих взрывчатыми веществами.

Государства-члены обязаны обеспечивать правильность маркировки взрывчатых веществ. Изготовитель обязан наносить на каждое взрывчатое вещество маркировку СЕ и составлять письменную декларацию соответствия. Маркировка СЕ должна сопровождаться идентификационным символом нотифицируемого органа, ответственного за проведение проверок.

Изготовитель обязан принимать все необходимые меры, чтобы процесс изготовле-

ния обеспечивал соответствие взрывчатых веществ типу, указанному в сертификате экспертизы типа ЕС, и требованиям директивы, которые на них распространяются. Он обязан наносить маркировку СЕ на каждое взрывчатое вещество и составлять декларацию соответствия.

Цель состоит в том, чтобы дать возможность оценки соответствия требованиям директивы, а также возможность понимания вопросов разработки, изготовления и эксплуатации взрывчатого вещества.

Каждое государство-член обязано принять в контексте своего национального законодательства необходимые меры, которые бы позволили компетентным властям конфисковывать любую продукцию, подпадающую под действие директивы, при наличии достаточных свидетельств о том, что указанная продукция незаконным образом приобретена, применяется или реализуется.

Депутат Государственной Думы Российской Федерации Николай Ковалев предложил распространить указанную директиву Совета ЕЭС на все государства, производящие и использующие взрывчатые вещества. [9] Положительное решение данного вопроса приведет к созданию системы всемирной маркировки взрывчатых веществ, что позволит существенно расширить возможности правоохранительных органов, ответственных за упреждение террористических атак.

Библиографический список

1. Выступление спецпредставителя Парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ПА ОБСЕ) Николая Ковалева. 24 апреля 2017. – URL: <http://www.militarynews.ru/Story.asp?rid=1&nid=449191>.
2. Директива Совета 93/15/ЕЕС от 5 апреля 1993 года о гармонизации положений, касающихся выпуска на рынок и надзора за взрывчатыми веществами, применяемыми в гражданских целях. – URL: <http://www.serti.ru/pages.php?id=441>.
3. Кулягин, И.В. Профилактика распространения идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде / И.В. Кулягин // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде (отечественный и зарубежный опыт) : материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием 21 апреля 2016 г., Ростов-на-Дону. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2017. С. 8-25.
4. Паспорт для бомбы // Российская газета. – 2011. – 15 февраля.
5. Путин: США обманывали Россию и весь мир, говоря о ядерной угрозе Ирана. URL: https://www.discred.ru/news/putin_ssha_obmanyvali_rf_i_ves_mir_govorja_o_jadernoj_ugroze_irana/2015-10-22-16439.
6. Тайную маркировку получают все взрывчатые вещества, произведенные в России // ИА «Амител». – URL: <http://www.amic.ru/news/142479>.
7. Терракты с использованием взрывных устройств в РФ с 2013 года. Досье. – URL: https://news.rambler.ru/crime/38789785/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.
8. Штейнбух, А.Г. Традиционные средства массовой информации и «новые медиа» как средства оценки результативности профилактических мероприятий / А.Г. Штейнбух // Современные системы безопасности – Антитеррор. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. – Ч. 1. – С. 102-115.
9. Экс-глава ФСБ Ковалев предложил ПА ОБСЕ разработать и принять Антитеррористический кодекс. 24 апреля 2017 г. – URL: <http://tass.ru/politika/4207599>.

УДК 340.66

Юлия Васильевна ЗИНЕНКО,

доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), кандидат медицинских наук

afrodita0601@mail.ru

Андрей Михайлович БОРТНИКОВ,

заведующий отделом потерпевших, обвиняемых и других лиц Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы (г. Красноярск)

bortnikov.andrew@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С НАЗНАЧЕНИЕМ
И ОРГАНИЗАЦИЕЙ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ
ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЯЖЕСТИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО
БЮРО СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ)**

**TO THE ISSUES RELATED TO APPOINTMENT AND ARRANGEMENT OF
FORENSIC MEDICAL EXAMINATION ON DETERMINING THE DEGREE
OF HARM TO HEALTH (ON ARCHIVE RECORDINGS KRASNOYARSK
REGIONAL BUREAU OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATION)**

В статье авторы на основе изучения архивных материалов отдела потерпевших, обвиняемых и других лиц КГБУЗ «Красноярское краевое бюро судебно-медицинской экспертизы» (постановлений о назначении судебно-медицинских экспертиз и заключений эксперта) анализируют проблемы, связанные с составлением правоохранительными органами постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы, формулировкой вопросов перед экспертом и направлением необходимых материалов на СМЭ, предлагают пути их разрешения в практической деятельности, а также анализируют проблемы, связанные с допросом эксперта.

The authors based on studying the archive recordings of Krasnoyarsk state budget institution of healthcare "Krasnoyarsk regional bureau of forensic medical examination", the department of victims, suspects and other persons (resolutions on the appointment of forensic medical examination and expert's report) analyze the issues related to making up a resolution on forensic medical examination by law enforcement agencies as well as the questions to an expert, sending the necessary materials for forensic medical examination; the ways of their solution are given and the issues of interrogating an expert are also analyzed in the following article.

Ключевые слова: постановление, судебно-медицинская экспертиза, вред здоровью, степень тяжести, заключение эксперта, допрос эксперта, допрос специалиста.

Keywords: resolution, forensic medical examination, harm to the health, degree of gravity, an expert's report, interrogation of an expert, interrogation of a specialist.

Судебно-медицинская экспертиза, в том числе определения степени тяжести вреда причиненного здоровью потерпевших, имеет большое значение при расследовании преступлений против жизни, здоровья,

личности, безопасности граждан и общественного порядка и представляет наиболее значительный по объему раздел работы врача – судебно-медицинского эксперта. [1, с. 5] В процессе ее проведения устанавливаются

существенные обстоятельства, имеющие значение для дела.

Однако производство судебно-медицинской экспертизы (СМЭ) – это не только профессиональная деятельность врача судебно-медицинского эксперта, в результате которой появляется такое важное доказательство, как заключение эксперта, но и процесс его взаимодействия с органом или лицом, назначающим экспертизу и определяющим дальнейшее направление следственных действий. [2, с. 197] От правильности постановки вопросов перед экспертом, доброкачественности и полноты собранных материалов во многом зависит законность и обоснованность итоговых выводов эксперта. [2, с. 197]

Ежегодный статистический анализ, проводимый Российским центром судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Российской Федерации (РЦСМЭ), показывает, что объем выполняемых экспертиз и обследований живых лиц в Российской Федерации постоянно растет.

В отделе экспертизы потерпевших, обвиняемых и других лиц краевого государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Красноярское краевое бюро судебно-медицинской экспертизы» (далее – КГБУЗ ККБСМЭ) ежегодно проводятся около 13 тысяч экспертиз и обследований живых лиц (табл.).

Таблица

Количество экспертиз и обследований живых лиц отдела потерпевших, обвиняемых и других лиц КГБУЗ ККБСМЭ за 2014-2018 гг.

Годы	Количество экспертиз	Количество обследований	Общее количество
2014	7086	5877	12963
2015	7967	6114	14081
2016	8008	5172	13180
2017	7804	5230	13034
2018	8487	3749	12236

Экспертизы по определению степени тяжести вреда здоровью составляют абсолютное большинство – около 98%, около 2% – экспертизы по определению половых состояний, возраста человека и ответов на иные вопросы.

Неверная тактика следователя, дознавателя и других лиц, назначающих СМЭ, может повлечь за собой вполне прогнозируемый результат – невозможность формулирования категорического экспертного вывода и в конечном счете определения тяжести вреда здоровью.

1. Нами проанализированы 287 постановлений о назначении СМЭ по определению тяжести вреда здоровью и экспертных заключений отдела потерпевших, обвиняемых и других лиц КГБУЗ ККБСМЭ за период 2014-2018 гг. Изучение архивных материалов позволило выявить большое количество недочетов, связанных с назначением СМЭ. Данное

обстоятельство существенно затрудняет проведение судебно-медицинских экспертиз. Кроме этого при наличии оснований, предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации (Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации») руководитель государственного судебно-экспертного учреждения вправе вернуть материалы экспертизы органу или лицу, назначившему экспертизу, без исполнения с указанием в сопроводительном письме причин возврата.

Нами выделены следующие проблемы, связанные с назначением и организацией СМЭ по определению тяжести вреда здоровью:

- 1) связанные с составлением постановлений о назначении СМЭ;
- 2) связанные с направлением материалов (медицинских документов и материалов дела) на СМЭ;

3) связанные с формулировкой вопросов на разрешение СМЭ.

Проблемы, связанные с составлением процессуального документа – постановления о назначении СМЭ по определению тяжести вреда здоровью:

– в описательной части постановления в изложении обстоятельств дела следователи (дознаватели) не указывают обстоятельств произошедших событий, ограничиваются лишь датами, а иногда участниками, без раскрытия конкретных обстоятельств.

Например, следователь ставит перед экспертом вопрос: «Могли ли указанные телесные повреждения возникнуть при обстоятельствах, указанных в постановлении?». Ответ эксперта: «Высказаться о том, могли ли данные телесные повреждения возникнуть при обстоятельствах, указанных в постановлении, не представляется возможным, так как в постановлении не указаны (не конкретизированы) обстоятельства причинения повреждения».

Следующий пример. Следователь ставит перед экспертом вопрос: «Возможно ли получение телесных повреждений у гр. И. в результате самоповреждения?». Ответ эксперта: «В описательной части постановления отсутствуют сведения о факте возможного самоповреждения, а также подробная характеристика травмирующей поверхности, которая могла быть применена при самоповреждении, поэтому высказаться о возможности получения телесных повреждений в результате самоповреждения не представляется возможным»;

– в постановлениях о назначении СМЭ должностные лица при перечислении материалов (медицинских документов), направляемых на СМЭ, предметно не указывают, какие именно материалы-доказательства предоставлены в распоряжение эксперта.

Например, вместо указания, что на СМЭ направлена медицинская карта стационарного больного № 335 из Красноярской межрайонной клинической больницы скорой медицинской помощи им. Н.С. Карповича на имя гр. <...>, в постановлении указано, что в распоряжение эксперта предоставлена медицинская карта стационарного больного на имя гр. <...>.

Проблемы, связанные с направлением материалов (медицинских документов и материалов, содержащих следственную информацию) на СМЭ по определению тяжести вреда здоровью:

– необходимые материалы (медицинские документы) предоставляются в неполном объеме либо вообще отсутствуют.

В качестве примера можно привести заключение эксперта Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы № 12197 от 02.12.2018 «Обстоятельства дела: 01.11.2018 примерно в 13 часов гр. Д. находился по месту своего проживания по адресу ... Реализуя свои преступные действия, действуя умышленно и осознанно, фарфоровой кружкой нанес один удар в область носа гр. Т., отчего последняя испытывала сильную физическую боль».

В распоряжение эксперта предоставлен лист первичного осмотра пациента № 1235 из КГБУЗ Красноярской межрайонной клинической больницы скорой медицинской помощи им. Н.С. Карповича от 01.11.2018 на имя гр. Т., согласно которому гр. Т. была осмотрена врачом, после осмотра был сделан рентген снимок костей носа. На рентгенограмме костей носа № 113 от 01.11.2018 отмечается перелом костей носа со смещением костных отломков. Диагноз: закрытый перелом костей носа со смещением костных отломков.

Согласно п. 27 приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24.04.2008 № 194н «Приказ Минздравсоцразвития «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» в процессе изучения медицинских документов сущность вреда здоровью определить не представляется возможным (не представлен рентген снимок костей носа, подтверждающий наличие перелома).

В данном случае должностным лицом, назначающим СМЭ по определению тяжести вреда здоровью, в распоряжение эксперта был предоставлен неполный комплект медицинских документов, а именно не предоставлена рентгенограмма костей носа № 113 от 01.11.2018, подтверждающая наличие перелома. Именно поэтому в данном случае вред

здоровью и механизм повреждения не определены;

- при назначении дополнительных экспертиз сотрудники правоохранительных органов не предоставляют никаких дополнительных материалов;

- при назначении дополнительных и повторных экспертиз не предоставляются материалы, которые были предоставлены в распоряжение эксперта при назначении первичной экспертизы;

- при назначении экспертиз сотрудники правоохранительных органов крайне редко предоставляют в распоряжение эксперта протоколы допросов и практически никогда не предоставляют протоколы осмотров мест происшествий, могущие сыграть существенную роль в правильной и объективной экспертной оценке обстоятельств произошедшего.

Например, следователь ставит перед экспертом вопрос: «Могли ли указанные телесные повреждения возникнуть при падении с высоты собственного роста?». Ответ эксперта: «Конкретно ответить на данный вопрос не представляется возможным, так как неизвестны обстоятельства падения из положения стоя (особенности поверхности, на которую произошло падение, положение тела во время падения и т.д.)». В данной ситуации сотруднику правоохранительных органов необходимо было предоставить эксперту протокол осмотра места происшествия, где наиболее полно и всесторонне отражается поверхность, на которую упал потерпевший.

Проблемы, связанные с формулировкой вопросов эксперту в постановлениях о назначении СМЭ:

- шаблонность при составлении вопросов;

- задаваемые вопросы не требуют медицинских знаний, а направлены на установление фактов по существу. Например, следователь ставит перед экспертом вопрос: «Возможно ли получение данной травмы несовершеннолетним гр. В. при условии свободного падения с поверхности дивана высотой 40 см?». Ответ эксперта: «Установление обстоятельств получения повреждений не входит в компетенцию судебно-медицинского эксперта, так как является действием,

направленным на установление фактов по существу»;

- должностное лицо при вынесении постановления пытается способом формулировки вопросов лицу, обладающему специальными медицинскими знаниями (эксперту), получить ответы на вопросы, подразумевающие правовую оценку действий тех или иных лиц. Безусловно, оценка деяния остается за правоохранительными органами. Правильными будут вопросы, без ответов на которые суду и следователю трудно сделать вывод о преступности деяния;

- в ряде случаев должностные лица допускают стилистические погрешности при формулировке вопросов перед экспертом, не позволяющие уловить смысл вопроса. Например, следователь ставит перед экспертом вопрос: «От скольких повреждений гр. С. мог получить имеющие у него телесные повреждения?»;

- вопросы эксперту формулируются разнообразными, но часто типовыми, подчеркнутые из методических рекомендаций: наличие и характер травмы, степень тяжести вреда здоровью, реже – давность и механизм нанесения повреждения и т.п., то есть отсутствует творческое переосмысление лицами, назначающими СМЭ, вопросов, которые являются «базовыми». В связи с этим ряд вопросов, имеющих значение для уголовного дела, остаются не решенными.

Для того чтобы органы суда и следствия могли использовать результаты судебно-медицинских экспертиз по определению тяжести вреда здоровью, лицам, назначающим СМЭ, необходимо знать её современные возможности для правильной постановки вопросов и качественной подготовки необходимых материалов эксперту. Этого требует профессионализм юристов, работающих в сфере расследования преступлений против личности.

В отделе потерпевших обвиняемых и других лиц КГБУЗ ККБСМЭ нами проведено неформальное интервьюирование 10 штатных государственных судебно-медицинских экспертов. Эксперты отметили, что на практике в ряде случаев должностные лица при проведении допроса эксперта по проведенному им исследованию формулируют новые вопросы,

не отмеченные в постановлении о назначении экспертизы и не связанные с проведенным экспертом исследованием. Однако в ч. 1 ст. 205 УПК РФ «Допрос эксперта» формулируется следующее: «Следователь вправе по собственной инициативе либо по ходатайству лиц, указанных в части статьи 206 настоящего Кодекса, допросить эксперта для разъяснения данного им заключения. Допрос эксперта до предъявления им заключения не допускается». В ч. 2 ст. 205 УПК РФ изложено следующее: «Эксперт не может быть допрошен по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством судебной экспертизы, если они не относятся к предмету данной судебной экспертизы».

Бесспорно, допрос следователем, дознавателем эксперта (именно эксперта) по вопросам, которые не сформулированы в постановлении и не связаны с проведенным им исследованием, является нарушением норм УПК РФ.

С другой стороны, в экспертной практике бывают случаи, когда эксперт указывает в своем заключении дополнительные сведения, которые были им установлены в процессе производства порученной ему экспертизы и которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, это, на наш взгляд, вполне правомерно. Однако, если в ходе допроса эксперта выясняются новые сведения, имеющие значение для расследуемого дела, но не относящиеся к предмету проведенной им судебно-медицинской экспертизы, они не могут расцениваться как доказательства.

Таким образом, полагаем, что для того, чтобы не допустить такую неточность, необходимо допросить врача судебно-медицинского эксперта по этим новым сведениям в качестве специалиста (ст. 58 УПК РФ). В этом случае можно будет говорить, что новые сведения отвечают требованиям норм УПК РФ, предъявляемым к доказательствам. Хочется подчеркнуть, что в данном случае не может выступать в качестве специалиста врач, который проводил экспертизу, явившуюся предметом допроса, привлечь к допросу в качестве специалиста необходимо другого штатного врача – судебно-медицинского эксперта.

Кроме этого считаем, что, если у лиц, назначающих судебно-медицинские экспертизы, в ходе проведения расследования возникают новые вопросы, требуется назначение дополнительной экспертизы (ч. 1 ст. 207 УПК РФ): «При недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела может быть назначена дополнительная судебная экспертиза, производство которой поручается тому же или другому эксперту»).

Таким образом, анализ экспертной практики (постановлений о назначении СМЭ и экспертных заключений) позволяет назвать несколько факторов, которые существенным образом затрудняют производство СМЭ по определению тяжести вреда здоровью, а в ряде случаев делают производство назначенной экспертизы и (или) ответы на поставленные перед экспертом вопросы невозможным.

Во-первых, неверное составление постановления о назначении СМЭ по определению тяжести вреда здоровью – при изложении обстоятельств дела, лицам, назначающим СМЭ, необходимо излагать конкретные сведения об условиях и обстоятельствах причинения повреждений.

Во-вторых, непредоставление материалов (медицинских документов и следственной информации). Хочется подчеркнуть, что зачастую одних лишь медицинских знаний бывает недостаточно для определения степени тяжести вреда здоровью, причиненного человеку. Эта задача наиболее полно и объективно может быть разрешена экспертом при анализе как медицинских документов, так и иных данных, добытых следственным путем (протоколы допросов, осмотры мест происшествий и др.).

В-третьих, некорректные формулировки вопросов на разрешение СМЭ – должностное лицо, выносящее постановление о назначении СМЭ, должно формулировать конкретные вопросы, входящие в компетенцию судебно-медицинского эксперта, при формулировке вопросов требуется творческое переосмысление базовых вопросов.

Для устранения указанных факторов требуется регулярное проведение совместных

совещаний и конференций (необходимо хорошо отлаженное взаимодействие по вопросам назначения СМЭ). С другой стороны, необходима разработка методических рекомендаций, информационных бюллетеней, писем по назначению судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью, а также повышение квалификации должностных

лиц, назначающих СМЭ, по дополнительным образовательным программам соответствующего направления подготовки, что, несомненно, положительно скажется на качестве вынесения постановлений, подготовке необходимых материалов на СМЭ и формулировке вопросов перед экспертом.

Библиографический список

1. Алексеев, И.В. Судебно-медицинская экспертиза тяжести вреда, причиненного здоровью человека : учебное пособие / И.В. Алексеев. – Иркутск: ИГМУ, 2017.
2. Жирова, М.Ю. Типичные ошибки, связанные с назначением судебно-медицинской экспертизы по делам о причинении легкого вреда здоровью и побоях / М.Ю. Жирова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 3. – С. 197-201.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ

УДК 340.6

Татьяна Викторовна БАРКОВА,

старший преподаватель кафедры криминалистики
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)

btv0@mail.ru

ДАВНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ СЛЕДОВ КАК ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ЗАДАЧ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

LIMITATION OF DEVELOPING TRACES AS ONE OF THE CRUCIAL TASKS OF FORENSIC EXAMINATION (PRACTICAL ASPECT)

В статье раскрываются понятие «установление давности» образования следов, значение данной задачи, решаемой в ходе экспертного исследования, для раскрытия и расследования преступлений; обосновывается необходимость повышения профессионализма следователей в своевременном изъятии следов, назначении экспертиз и знании возможностей этих экспертиз.

The article considers the notion of 'determining limitation' of traces' development, the importance of solving this task within an expert's research for investigation and solution of crimes. The need of improving professionalism of investigators in timely taking traces, appointing examinations and knowing the possibilities of these examinations are also substantiated in the following article.

Ключевые слова: расследование, давность следов преступления.

Keywords: investigation, limitation of criminal traces.

Преступление всегда совершается во времени и пространстве. И всегда остаются следы: идеальные, материальные, виртуальные, фоноскопические, одорологические и т.д. Идеальные следы – отразившиеся в сознании наблюдавшего событие лица – более подвержены изменению именно из-за субъективности их восприятия, индивидуальных особенностей их запоминания и воспроизведения. Материальные следы очень информативны и пригодны для решения диагностических и идентификационных задач. Каждый материальный след, каждый предмет несут на себе информацию об изменении с течением времени, которую можно выявить

с помощью различных методов исследования. По изменению материальных следов можно судить о времени их образования.

Вопросы изучения временных связей важны как для экспертного сообщества, так и для лиц, ведущих расследование преступлений (последним, к примеру, для изобличения во лжи подозреваемых при сопоставлении их показаний с экспертными выводами или предварительными суждениями специалиста об относительной давности образования следов на объектах).

Рассуждая о возможности установления давности образования следа и значении этого факта для расследования обстоятельств

преступного деяния, необходимо пояснить сам термин «установление давности», а также уточняющие понятия «абсолютная давность» и «относительная давность» как частнонаучные понятия.

Авторы в разных ситуациях используют термины «время», «возраст следа», «продолжительность», «период», «хронологическая последовательность» и другие, при этом каждый вкладывает в эти слова свое толкование. Исследования в этой области мы находим в трудах многих криминалистов: Г.Л. Грановского, М.В. Торопова, В.И. Шиканова, С.С. Самищенко, Р.М. Ропота.

Как справедливо отметил Р.М. Ропот, «наличие терминологических разночтений не способствует комплексному изучению рассматриваемого предмета, а также препятствует выработке эффективных рекомендаций по установлению давности в судебной экспертизе, поскольку в конечном итоге ведет к неверному пониманию содержания определяемых понятий и путанице при формулировании и оценке экспертных выводов» [4, с. 92].

Выработка точной единообразной терминологии для описания фактов и явлений – важнейшая задача любой науки, а в судебной экспертизе значение терминов нельзя недооценивать, поскольку от него напрямую зависят судьбы людей, в отношении которых проводились экспертные исследования.

Термин «время» представляется слишком общим, допускающим широкое толкование. Присоединяемся к мнению авторов, отвергающих термин «хронологическая последовательность» из-за его неопределенности и имеющейся тавтологии слов в словосочетании, означающем последовательность событий.

При анализе научной литературы, понятий, раскрывающих категорию «установление давности», предложенное Р.М. Ропотом деление давности на виды (абсолютную, относительную и конкретную) кажется очень правильным, облегчающим восприятие при постановке задач. По его определению, «абсолютная давность – точное значение времени происшедшего события, предельность измерения которого обусловлена сложившейся экспертной ситуацией; конкретная давность – действительное значение времени проис-

шедшего события, полнота определения которого обусловлена сложившейся экспертной ситуацией» [4, с. 97].

Криминалистический смысл понятия «относительная давность» можно определить как очередность происшедших событий (процессов, явлений), отражающую разновременность их существования вне всякой связи с конкретными моментами времени. Определяющим критерием в данном случае выступает только последовательность событий относительно друг друга, но безотносительно к мерности времени. [4, с. 95]

Оставив на время теорию, обратимся к практическому аспекту установления давности оставления следов. Для понимания сущности описываемых случаев остановимся на терминах «давность оставления следов» или «давность образования следов». Рассмотрим на примерах традиционных криминалистических экспертиз (дактилоскопической, технико-криминалистической экспертизы документов и баллистической), как данные об относительной давности образования следов влияют на дальнейший ход расследования.

Следы рук – это отображение папиллярных линий, окрашенных потожировым веществом, состоящим из воды и жирового компонента. Соответственно, на сохранность следов рук оказывают влияние множество факторов, связанных как с условиями оставления следа, так и с условиями сохранности потожирового вещества. К таким факторам можно отнести свойства следовоспринимающей поверхности и влияние окружающей среды. Например, на стекле при одинаковых условиях окружающей среды следы с большим количеством потожирового вещества («жирные», по терминологии авторов) сохраняются до 3-х лет, следы средней жирности – до 8-10 месяцев, с малым количеством потожирового вещества – до 2-3 месяцев. [2, с. 46]

Методика установления давности образования потожировых следов человека основана на изменениях, которые происходят в составе потожирового вещества, а также на внешних проявлениях данных изменений в морфологии следа и реакции потожирового вещества на реагенты, используемые для его выведения.

В 1960-е годы отечественными криминалистами Г.Л. Грановским и Г.А. Цимакуридзе на основании большого количества экспериментов по выявляемости следов пальцев на поверхностях наиболее часто встречающихся в экспертной практике предметов вещной обстановки (стекле, бумаге, пластмассе, никелированном металле, окрашенном дереве) в разных климатических условиях была установлена зависимость сроков сохранения следов от свойств поверхности, на которой они оставлены, условий окружающей среды, в которой следы находились до выявления, и от проявляющего средства. Эти данные и в настоящее время являются основным руководством для экспертов при решении вопросов о давности следов рук.

В 2005-2006 годы Ю.А. Донцовой и В.Е. Капитоновым была проведена экспериментальная научно-исследовательская работа, которая позволила получить результаты, в определенной степени способствующие решению одной из сложнейших задач дактилоскопии – установлению времени (в определенных пределах) образования бесцветных потожировых следов рук, обнаруженных на местах происшествий. [1]

Следы рук подозреваемого на предметах вещной обстановки места происшествия могли быть оставлены до преступления, во время совершения преступления либо после него. Личный экспертный опыт автора свидетельствует, что в большинстве случаев в силу имеющихся экспертных методик, основанных на экспериментальных исследованиях по скорости испарения влаги, эксперты определяют лишь относительную давность.

По мнению профессора С.С. Самищенко [5, с. 105], информация о времени возникновения следов рук может помочь в решении нескольких вариантов следственных задач:

1) временной привязки субъекта преступления к событию преступления, когда эта связь неочевидна по другим обстоятельствам дела;

2) исключения подозреваемого из числа таковых на основании установления истинного времени слеодообразования;

3) установления времени совершения преступления по времени возникновения по-

тожировых следов в случаях, когда иные методы не дают результатов.

Кроме того, установление времени возникновения следов рук вместе с другими косвенными свидетельствами в совокупности дает более веские основания судить о времени совершения преступления.

Преступники имеют некоторое представление о возможностях современной дактилоскопии, Интернет доступен всем. Однако их знания, к счастью, не так глубоки. А следовательно, сотрудники правоохранительных органов способны и должны применять криминалистический опыт в борьбе с ними.

Один из свежих примеров: при изучении упаковки с наркотическим веществом были обнаружены следы пальцев подозреваемого лица, которое, ознакомившись с выводами эксперта, на допросе пояснило, что не отрицает своего контакта с этим пакетом, но три года назад. Поскольку в данном случае мы устанавливаем пространственную, а не временную связь с объектом, данный факт можно было использовать для объяснения его невиновности. Если бы не сомнение в возможности сохранения следа на полиэтиленовой упаковке в течение трех лет. Такие сроки сохранения дактилоскопических следов маловероятны. Следовательно, подозреваемый может быть изобличен во лжи. Как видим на этом примере, вопрос о давности имеет большое практическое значение для расследования.

Другой актуальной задачей последних лет является установление давности рукописных реквизитов в документах. Давность выполнения рукописных реквизитов определяется по методике, разработанной в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России [6], согласно которой возраст рукописных записей, в том числе подписей, выполненных пастами для шариковых ручек, оценивают по изменению во времени относительного содержания в штрихах пасты летучих растворителей в процессе естественного старения штрихов. Методика основана на изучении процесса естественного старения штрихов (в условиях их хранения при температуре, близкой к комнатной, без доступа света) в проверяемом временном интервале, границами которого являются

время, указанное в документе, и время представления документа (его копии) следствию или суду – время, позднее которого документ заведомо не мог быть выполнен. В результате исследования устанавливается промежуток времени, в течение которого исследуемые реквизиты были выполнены.

Приведем пример успешного выполнения этой задачи. В августе 2018 г. в экспертное учреждение поступил рукописный текст в договоре купли-продажи доли квартиры. На разрешение экспертизы поставлен вопрос: «Соответствует ли время изготовления договора купли-продажи доли квартиры, заключенного между гр. С. и П., указанной в нем дате?». Время выполнения подписей от имени С. и П. оценивалось по результатам исследования процесса старения паст в штрихах за определенный период. В результате было установлено несоответствие времени выполнения подписей от имени С. и П. указанной в договоре дате.

Необходимо заметить, что указанная методика применима для штрихов, возраст которых не превышает двух лет. Зная это, возможно назначение экспертиз, надеясь на положительные выводы. Если же этот срок упущен, назначение экспертизы нецелесообразно и ведет к удорожанию процесса расследования.

Технико-криминалистическое исследование документов в настоящее время – очень востребованный вид экспертного исследования, ученые и практики постоянно работают по совершенствованию имеющихся методик и разработки новых. Необходимо отметить, что используемые методики по решению вопросов установления давности реквизитов имеют ряд ограничений. К ним можно отнести невысокую точность, недостаточный хронологический диапазон решения вопросов установления давности, значительную зависимость от качественных характеристик исследуемых материалов и большое разнообразие современных паст и материалов. В перспективе развития судебной экспертизы – развитие новых методов, отвечающих требованиям универсальности, экономичности и эффективности.

Продолжая тему экономичности и эффективности экспертных методов, хотелось бы остановиться на необходимости соблюдения требований экономичности и целесообразности процесса расследования, но уже применительно к работникам следственного аппарата, для решения вопроса давности следов.

Следователи при назначении экспертиз, как показывает изучение экспертной практики, иногда допускают формулировку вопросов, выходящих за рамки компетенции эксперта, имеющих правовой характер. В качестве примера вспомним термин «искусственное старение» документа.

Термин «искусственное старение» подразумевает квалификацию деяния и не входит в компетенцию судебного эксперта. В соответствии со ст. 8, ст. 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», п. 2.3 Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации (утв. приказом Минюста России от 20.12.2002 от № 346) эксперт в порядке экспертной инициативы решает подобный вопрос определения в следующей редакции: «Подвергалась ли расписка от имени И. о получении от С. в долг денежных средств в сумме 500 000 (пятьсот тысяч) рублей и обязательством возврата до 31.12.2017, датированная 15.02.2015, световому, химическому или термическому воздействию, повлекшим за собой изменение свойств материалов письма и подложки документа (изменившим его первоначальное состояние)?».

Часто следователи ставят перед экспертами задачу установления «возраста» документа. «Возраст» документа может быть определен посредством определения давности выполнения его реквизитов. Решение поставленных вопросов требует определения возраста штрихов, выполненных электрофотографическим способом и пастами для шариковых ручек.

В настоящее время в экспертной практике не существует методик определения «возраста штрихов», выполненных электро-

фотографическим способом, на основании изучения состояния красящего вещества (тонера) в штрихах.

Не всегда возможно решить вопрос о давности образования следов выстрела на одежде подозреваемых, в силу определенных обстоятельств. К их числу относятся следы выстрела на длительно носимой верхней одежде охотников, при исследовании которой невозможно дифференцировать следы выстрела, не относящиеся к событию преступления, и следы преступления.

Еще один аспект, на котором хотелось бы остановиться в связи с рассмотрением вопроса об установлении давности оставления следов, – это вопрос о процессуальном закреплении обязанностей по собиранию доказательств за следователем, а не экспертом. Эксперт не вправе собирать материалы для производства судебной экспертизы, не вправе подменять собой следователя или других субъектов, назначивших экспертизу согласно п. 2 ч. 5 ст. 25.9 КоАП РФ. Эксперт изучает лишь те материалы, которые ему предоставлены следователем первоначально либо после соответствующего запроса о предоставлении недостающих материалов. Вот здесь и появляются проблемы: следователи не знают, какие материалы необходимы эксперту для решения той или иной задачи. К тому же судебно-следственная практика показывает необходимость назначения экспертиз по определению относительной давности оставленных следов в максимально короткие сроки, учитывая, что несвоевременность назна-

чения экспертиз, связанных с установлением временных связей, не позволит ее решить.

В заключение констатируем следующее:

- вопросы определения давности образования следов на объектах имеют важнейшее значение для процесса расследования практически всех категорий расследуемых преступлений;

- в настоящее время остается необходимость совершенствования понятийного аппарата «установление давности», «временной интервал», «временные связи», выработки единого понятийного аппарата;

- современные методики экспертного исследования по решению вопросов давности образования следов в различных видах экспертиз, требуют развития и доработки в повышении критериев эффективности, экономичности, универсальности и надежности экспертного вывода;

- остается актуальной задача повышения профессионализма следователей в своевременном изъятии следов, назначении экспертиз в максимально короткие сроки и знании возможностей этих экспертиз.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что успешное решение вопроса об установлении давности оставления следов напрямую зависит не только от развития науки (в нашем случае экспертных методик), но и от грамотных действий следователя и лиц, использующих институт судебной экспертизы для процесса доказывания при расследовании преступлений.

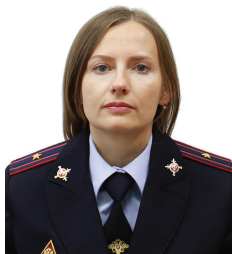

Библиографический список

1. Донцова, Ю.А. Давность следов рук и оптимальные способы обнаружения следов рук различной давности на различных поверхностях : учебное пособие / Ю.А. Донцова, В.Е. Капитонов. – М.: ЭКЦ МВД России, 2008.
2. Морозова, А.Л. Криминалистическое исследование потожировых следов рук человека с целью установления их давности : дис. ... канд. юрид. наук / А.Л. Морозова. – М., 2000.
3. Развитие новых видов и направлений судебной экспертизы : материалы Всероссийского семинара / сост.: Т.М. Жакова [и др.] ; ФБУ Южный РЦСЭ Минюста России. – Ростов-на-Дону, 2011.
4. Ропот, Р.М. Виды давности в судебной экспертизе: понятие и определяющие критерии / Р.М. Ропот // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2016. – № 2 (40).
5. Самищенко, С.С. Определение давности оставления потожировых следов рук как одно из диагностических направлений в дактилоскопии / С.С. Самищенко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 7.
6. Состав и свойства материалов письма : справочное пособие для экспертов / ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. – М., 2017.

УДК 342.56

Ирина Владимировна ДИКОВА,

адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени
В.В. Лукьянова

irinadikowa@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

TO THE ISSUE OF THE PRINCIPLES OF JUDICIAL POWER

В статье рассмотрены принципы судебной власти как общетеоретические основы ее деятельности и стратегические направления развития. Автором выделены базовые принципы судебной власти, содержащиеся как в основном законе государства, так и в ряде других нормативных правовых актах, регулирующих данную сферу правоотношений. На основе проведенного анализа научной юридической литературы определены различные подходы к классификации принципов судебной власти и предложен собственный взгляд на иерархию принципов с выделением в качестве основных принципов судебной власти как феномена и принципов ее организации и реализации.

The article considers the principles of judicial power as general and theoretical bases of its activity and strategic directions of its development. The author distinguishes the basic principles of judicial power contained both in the fundamental law of the state and in some other legal acts regulating this sphere of legal relationships. On the basis of the carried-out analysis of scientific and legal literature the various approaches to classification of the principles of judicial power are defined and own view of hierarchy of the principles with allocation as the main principles of judicial power as a phenomenon and principles of its organization and realization is suggested.

Ключевые слова: судебная власть, принципы судебной власти, судебная система.

Keywords: judicial power, principles of judicial power, judicial system.

В настоящее время в связи с интенсивной трансформацией общества, государства и его институтов наиболее актуальными становятся вопросы идейного и теоретического обоснования конструирования и развития последних.

На базе закрепленного статьей 13 Конституции Российской Федерации плюрализма мнений происходит глобальное переосмысление таких базовых понятий, как право и государство в системе его взаимоотношений с обществом и личностью. Все это невозможно без осмысления накопленного опыта, в рамках которого зарождается новое, более глубокое понимание исследуемых социальных и правовых явлений, что, в свою очередь, порождает процесс реформирования социальных институтов.

Указанные тенденции наглядно прослеживаются на примере трансформации рос-

сийской судебной системы, которая с 1990-х годов и по настоящее время является наиболее интенсивно реформируемым институтом. Примером тому может служить перечень концептуальных документов, на основе которых происходит процесс реформирования. Особо следует отметить разработанную в 1991 г. Концепцию судебной реформы в РСФСР и последовавший за ней ряд федеральных целевых программ: «Развитие судебной системы России» на 2002-2006 и на 2007-2011 годы, а также действующую федеральную целевую программу «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы», утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406.

В основе всякого реформирования, безусловно, лежат глубинные процессы изменения самого общества, а также представлений о тех или иных явлениях, связанные с появ-

лением новых взглядов, теорий, концепций и сопровождающиеся изменениями государства и его институтов.

Понимание суда как специфического социального механизма, не замыкающегося в государственных рамках, природа которого корреспондирует с правом в широком его понимании, создает необходимость более детального изучения его идейно-теоретического обоснования, без разработки которого невозможно проводить грамотное, общественно целесообразное и эффективное изменение и развитие данного института.

Авторы современных научных исследований рассматривают судебную систему не просто как систему судов разного уровня, а как зародившийся в недрах государства самостоятельный властный институт, в основе которого лежат специфические, отличные от принципов построения исполнительной и законодательной власти идеи, позволяющие ему осуществлять контроль за деятельностью последних на основе права как приоритетного регулятора общественных отношений в современном мире. [2; 3; 5; 6; 11]

Наиболее полно, на наш взгляд, указанные идеи отражаются в принципах судебной власти.

Под принципами понимаются основные положения, руководящие начала, сущностные (исходные) идеи какой-либо теории или явления. Следует отметить, что принципы как базовые идеи составляют первичную основу возникновения, действия и развития самого института права и связанного с ним института судебной власти.

Относительно принципов судебной власти можно отметить, что под таковыми подразумеваются исходные идеи, заложенные в основу ее конституирования, выступающие в качестве общих устойчивых ориентиров, своеобразного вектора ее развития и закладывающие основы ее материализации в виде судебной системы.

При наличии достаточно большого количества исследований, посвященных принципам судебной власти, следует, однако, признать, что на сегодняшний день их полная классификация не разработана, что, без-

условно, свидетельствует о сложности и многомерности судебной власти как явления.

На наш взгляд, рассмотрение вопроса о принципах судебной власти логично начать с анализа законодательства, касающегося данной области правоотношений.

Часть принципов изложена в главе 7 «Судебная власть» Конституции Российской Федерации, которая содержит такие принципы, как:

- осуществление правосудия только судом;
- независимость, несменяемость и неприкосновенность судей;
- открытость судебного разбирательства, недопущение, кроме определенных законом случаев, заочного разбирательства уголовных дел;
- национальный язык судопроизводства;
- осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон;
- участие в судопроизводстве, в предусмотренных законом случаях, присяжных заседателей.

Другая часть принципов вытекает из анализа положений законодательства: Конституции Российской Федерации (1993 г.), закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» (1992 г.), Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» (1996 г.), Федерального закона «О судах общей юрисдикции Российской Федерации» (2011 г.) и ряда других. К ним можно отнести следующие принципы:

- принцип безусловной ценности и приоритета для государства человека и его прав и свобод;
- принцип прямого подчинения судей Конституции Российской Федерации;
- принцип обязательности для всех органов и лиц судебных постановлений, а также требований и распоряжений судей, нарушение которого влечет предусмотренную законом ответственность;
- принцип единства судебной системы Российской Федерации и единого статуса всех судей;

- принцип верховенства права и вытекающий из него принцип законности;
- принцип обеспечения судебной защиты со стороны государства;
- принцип самостоятельности и независимости судебной власти от законодательной и исполнительной властей;
- принцип равенства всех перед законом и судом;
- принцип участия граждан в осуществлении правосудия.

Исследуя принципы судебной власти, ученые к таковым, помимо указанных выше, относят доступ к правосудию (Ю.И. Стецовский) [10, с. 115-128]; транспарентность (Е.Б. Абросимова) [1, с. 119-145]; публичность, диспозитивность и презумпции (И.Л. Петрухин) [11, с. 210-230]; гласность, оперативность правосудия, участие народа в отправлении правосудия, беспристрастность (В.М. Лебедев) [9, с. 113-196]; верховенство и прямое действие Конституции РФ, самостоятельность судебной власти; сочетание коллегиального и единоличного порядка рассмотрения дел (Н.М. Чепурнова) [13, с. 116-120, 122-126, 179-202]; непосредственность судебного разбирательства, свобода обжалования судебных актов, приоритет примирительных процедур, свобода оценки доказательств (Э.М. Мурадян) [7, с. 570-573].

Кроме того, ряд принципов вытекают из анализа международных норм:

- независимость судебной власти,
- свободный доступ к суду,
- осуществление правосудия в разумные сроки,
- обязательная мотивированность (обоснованность) деятельности суда,
- правовая определенность.

Активно реализовываться в российском правосудии указанные принципы начали после присоединения России в 1998 году к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод юрисдикции Европейского Суда по правам человека.

В основу большинства имеющихся в научной юридической литературе классификаций принципов судебной власти положены критерии отнесения их к различным видам судопроизводства: конституционного, граждан-

ского, административного и уголовного. [11, с. 615-677]

Е.Б. Абросимова предлагает подразделить принципы судебной власти на две подгруппы: институциональные (принципы построения), такие как универсальность правосудия или свободный доступ к правосудию, осуществление правосудия только законными судьями и надлежащими судами, включая запрет на создание чрезвычайных судов и трибуналов, самостоятельность и независимость судебной власти, участие народа в осуществлении правосудия, и процессуальные (принципы реализации), к которым автор относит устность и непосредственность судебного процесса, мотивированность, транспарентность (публичность, гласность, доступность) судебной деятельности. [1, с. 51-52]

Некоторые исследователи принципов судебной власти предлагают классифицировать их по критерию соотношения с основными признаками ее независимости, разделив их на две группы:

1) принципы, определяющие внешнюю независимость судебной власти, вытекающие из идеи ее автономии в системе разделения властей;

2) принципы внутрисистемной независимости, к которым относят принципы статуса судьи и принципы, обеспечивающие независимость судопроизводства в процессе правосудия. [3, с. 57]

По нашему мнению, представленные классификации достаточно полно описывают скорее внешнюю составляющую судебной власти – судебную систему, оставляя в стороне общетеоретические основания судебной власти как таковой.

При этом следует отметить, что все перечисленные принципы можно отнести к принципам организации и реализации (осуществления в ходе судопроизводства) судебной власти.

Однако, на наш взгляд, данные принципы не являются собственно исходными идеями феномена судебной власти, а, будучи производными от них, служат в некоторой степени их отражением, но саму природу судебной власти не определяют, указывая лишь на отдельные ее признаки.

Как обоснованно отмечает М.Н. Марченко, следует говорить о принципах судебной власти как таковой и о принципах ее носителя – судебной системы. [8, с. 30]

Полагаем, что идейными основами судебной власти как специфического механизма реализации права следует считать более широкие понятия, такие как принцип независимости, принцип справедливости, принцип истины, принцип авторитета, принцип полновластности, принцип компетентности, принцип доверия, принцип взаимодействия, поскольку все они обусловлены правовой природой правосудия и спецификой судебного способа.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что принципы судебной власти как феномена являются наиболее общими по отношению к закрепленным в законодательстве принципам организации и деятельности судебной системы, поскольку носят общетеоретический характер, отличаются фундаментальностью и стабильностью, выступая всеобщей основой для принципов построения судебной системы и осуществления правосудия.

Следует согласиться с мнением Э.М. Мурзьян в том, что «несмотря на их фундаментальный (базовый) характер, принципы реализации судебной власти не являются статичными образованиями и находятся в состоянии поступательного эволюционного развития» [7, с. 422].

Безусловно, принципы судебной власти в своей совокупности не являются полностью статичной системой. Свидетельством тому

можно считать появление в современном мире новых идей – как направлений развития данного института, среди которых особо следует отметить идею ответственности государства перед личностью за обеспечение права на судебную защиту и за судебную ошибку, идею восстановительного правосудия [4], идею правовой определенности судебной практики, идею выработки общей стратегии деятельности судебной власти.

Отсюда следует вывод, что развитие системы принципов есть наглядное свидетельство изменения и развития рассматриваемого нами явления – судебной власти.

Специфика природы принципов судебной власти заключается в их двойственности, поскольку, с одной стороны, являясь основополагающими идеями, они принадлежат к области идеального должностования, а с другой стороны, реализуются как общие ориентиры в процессе практической деятельности по отправлению правосудия.

Завершая рассуждения по данному вопросу, следует отметить, что предложенный нами взгляд на систему принципов судебной власти с выделением ее собственных принципов и принципов ее организации и реализации позволяет в дальнейшем провести их более полный системный анализ и глубже проникнуть в суть сложного и многогранного явления под названием «судебная власть», без теоретического осмысления основополагающих идей которого невозможно разработать эффективную стратегию реформирования ее материализованной части – судебной системы.

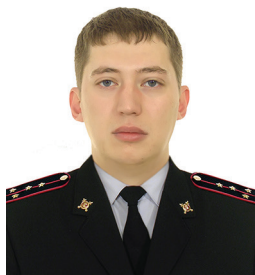

Библиографический список

1. Абросимова, Е.Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы / Е. Б. Абросимова. – М., Институт права и публичной политики, 2002.
2. Воскобитова, Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... докт.юрид.наук / Л.А. Воскобитова. – М., 2004.
3. Даниелян, А.А. Правовые принципы как основа статуса судебной власти в современной России / А.А. Даниелян // Бизнес в законе. – 2009. – № 5.
4. Зер, Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / Х. Зер ; общ. ред. Л.М. Карнозовой ; коммент. Л.М. Карнозовой и С.А. Пашина. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
5. Колоколов, Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен : дис. ... докт.юрид.наук / Н.А. Колоколов. – Владимир. 2006.
6. Лебедев, В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации / В.М. Лебедев. – М., 2000.
7. Мурадян, Э.М. Судебное право / Э.М. Мурадян. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.
8. Марченко, М.Н. Судебное правотворчество и судейское право / М.Н. Марченко. – М.: ТК Велби, Проспект, 2008.
9. Правосудие в современном мире : монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.
10. Стецовский, Ю.И. Судебная власть : учебное пособие / Ю.И. Стецовский. – 2-е изд. – М.: Дело, 2000.
11. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. – М., 2003.
12. Цыганаш, В.Н. Судебная власть в российском обществе: концептуальное обоснование и способ социального функционирования : дис. ... докт.филос.наук / В.Н. Цыганаш. – Ростов-на-Дону, 2011.
13. Чепурнова, Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: проблемы теории и государственно-правовой практики : дис. ... докт.юрид.наук / Н.М. Чепурнова. – Ростов-на-Дону, 1999.

УДК 343.3

Виктор Александрович ШЕСЛЕР,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)

victor444@inbox.ru

**ОБЪЕКТ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО
СТАТЬЕЙ 229 УК РФ (ХИЩЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ)**

**THE OBJECT OF CORPUS DELICTI UNDER ARTICLE 229
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RF (THEFT OF NARCOTIC
DRUGS OR PSYCHOTROPIC SUBSTANCES)**

В статье рассматривается объект преступления, предусмотренного статьей 229 УК РФ (хищение наркотических средств или психотропных веществ), исходя из традиционной концепции понимания объекта преступления как общественных отношений. Автор приходит к выводу, что родовым объектом преступления, предусмотренного статьей 229 УК РФ, является общественная безопасность, видовым – часть общественной безопасности в виде состояния защищенности здоровья населения и общественной нравственности от преступных посягательств. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного статьей 229 УК РФ, выступает часть общественной безопасности в виде состояния защищенности здоровья населения от немедицинского потребления наркотиков. Дополнительный объект отсутствует.

При насильственном хищении наркотиков его основным объектом является здоровье населения, а факультативным – здоровье, конкретного человека, в отношении которого осуществляется насилие.

В хищениях наркотиков специальным субъектом – лицом, использующим свое служебное положение (пункт «в» части 2 статьи 229 УК РФ), – факультативный объект представлен конкретными отношениями, обеспечивающими нормальное функционирование отдельных государственных, муниципальных, коммерческих или иных организаций в различных сферах деятельности.

The article considers the object of the crime under Article 229 of the Criminal code of the RF (theft of narcotic drugs or psychotropic substances) on the basis of the traditional concept of understanding the object of the crime as social relations. The author comes to the conclusion that the generic object of the crime under Article 229 of the Criminal code of the RF is public safety, species - part of public safety in the form of a state of protection of public health and public morality from criminal attacks. The direct object of the crime under Article 229 of the Criminal code of the RF is a part of public safety in the form of protection of public health from non-medical drug use. There is no additional object.

In the case of forced drug theft, its main purpose is the health of the population, and optional – the health of the individual against whom violence is committed.

In the theft of drugs by a special subject – a person who uses his official position (p. «b» part 2 of Article 229 of the Criminal code of the RF) - the optional object is represented by specific relations that ensure the normal functioning of individual state, municipal, commercial or other organizations in various fields of activity

Ключевые слова: объект, дополнительный, факультативный, преступление, наркотики, наркотические средства, психотропные вещества, хищение.

Keywords: object, additional, optional, crime, drugs, narcotic drugs, psychotropic substances, theft.

Важность изучения вопросов квалификации наркопреступлений обусловлена значительной напряженностью наркоситуации в современном обществе, постоянной оптимизацией функционирования правоохранительных органов и усилением мер по противодействию данному виду преступности. При этом специалистами отмечается, что продолжают оставаться стабильно высокими объемы изъятия наркотических средств при доминировании наркотиков каннабисной и опиоидной групп. Наблюдается значительный незаконный оборот синтетических («дизайнерских») наркотиков и психоактивных веществ иностранного происхождения (стимуляторы амфетаминового ряда, синтетические анальгетики и синтетические опиаты, синтетические каннабиноиды группы JWH, AM и др.), сохраняются значительные масштабы незаконного оборота спайсов и курительных смесей. В связи с этим обращение к особенностям квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, представляется актуальным и своевременным.

Объект преступления является ключевым элементом каждого состава преступления, в том числе предусмотренного ст. 229 УК РФ. Объект преступления в наибольшей степени характеризует сущностное свойство преступления – его общественную опасность, отражает то, на какие общественные отношения происходит преступное посягательство. В науке уголовного права советского периода большинством ученых под объектом преступления понимались охраняемые уголовным законом общественные отношения. Такой подход к определению объекта преступления характерен для многих современных исследователей. [6, с. 188; 17, 15, 14]

Вместе с тем в юридической литературе встречаются и другие определения объекта преступления. Например, высказывались точки зрения о том, что объектом всех преступлений является человек [10], правоохраняемые интересы жизни или блага [8], материальное выражение соответствующих общественных отношений, например имущество в смысле совокупности вещей [7]. Недостаток этих подходов заключается, во-первых, в том,

что благо или интерес не могут существовать сами по себе, вне общественных отношений. Посягательство на них происходит, прежде всего, через общественное взаимодействие, в которое вступает виновное лицо с другими людьми, юридическими лицами, иными субъектами и тем самым воздействует на общественное отношение. Не случайно ученые, определяющие объект преступления как интерес или социальное благо, развивая свою позицию, в конечном счете приходят к выводу о том, что общественные отношения существуют по поводу этого блага или интереса. При посягательстве на социальное благо лицо, совершающее преступление, причиняет тем самым ущерб и тому общественному отношению, предметом которого данное социальное благо является. [17, с. 21]

Во-вторых, оперируя только определенной вещью (благом или ценностью), определить объект посягательства, понять социальную сущность преступления невозможно. [20] В частности, применительно к объекту преступления, предусмотренному ст. 229 УК РФ, можно задать вопрос о том, какой вред причиняется похищенному наркотику, который очищается, разделяется на дозы, удобные для потребления, и впоследствии бережно хранится. При совершении такого хищения вред здоровью населения причиняется путем воздействия на социальную связь, составляющую содержание охраняемого такого общественного отношения, как безопасность здоровья населения от немедицинского потребления наркотиков.

Исходя из указанных аргументов, автор придерживается традиционного понимания объекта преступления как охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Отнесение определенных общественных отношений к охраняемым уголовным законом не превращает любое нарушение этих отношений в преступное деяние. Общественные отношения охраняются и другими нормами законодательства, не только предусматривающими наказания за определенные действия, но и регламентирующими определенные отношения. Например, здоровье населения от немедицинского потребления наркотических средств или психотропных веществ охраняет-

ся не только посредством установления уголовной или административной ответственности за незаконные действия с наркотиками, но и путем регуляции правил обращения с наркотическими средствами или психотропными веществами в медицинских и иных организациях. Специфика норм уголовного права состоит в том, что нормы охраняют общественные отношения от наиболее существенного вреда. [9, с. 230] Поэтому преступления признаются только наиболее опасные посягательства на общественные отношения, которыми причиняется вред или создается угроза причинения такого вреда.

Содержательную характеристику объекта преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, помогает осуществить классификация объектов на виды. Деление объектов преступления на виды осуществляется по различным основаниям. Объекты преступления различаются по степени обобщенности общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Так, Н.И. Коржанский выделяет четыре вида объектов преступления: общий, родовой, видовой и непосредственный. [4, с. 248] Аналогичного подхода придерживаются и другие исследователи.

Общий объект преступления представляет собой совокупность всех охраняемых уголовным законом общественных отношений. [2, с. 70] В соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ к общему объекту преступления относятся общественные отношения по охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества.

Родовой объект является частью общего объекта преступления. Родовой объект преступления лежит в основе выделения раздела Особенной части УК РФ. Родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, является общественная безопасность (раздел 9 УК РФ). Общественная безопасность относится к части национальной безопасности государства. Под общественной безопасностью согласно Концепции общественной безопасности в Российской

Федерации, утвержденной Президентом РФ 14 ноября 2013 г., понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Видовой объект преступления является частью родового объекта преступления и лежит в основе выделения главы Особенной части УК РФ. Видовым объектом преступлений, предусмотренных главой 25 УК РФ, является часть общественной безопасности в виде состояния защищенности здоровья населения и общественной нравственности от преступных посягательств.

Непосредственный объект преступления является частью видového объекта преступления и лежит в основе выделения конкретного состава преступления. В качестве непосредственного объекта преступления выступает то отношение, которое определенным преступлением нарушается. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, является часть общественной безопасности в виде состояния защищенности здоровья населения от немедицинского потребления наркотиков. Преступления, связанные с нелегальным оборотом наркотиков, посягают не на само по себе здоровье населения, а на его безопасность. [12, с. 153]

Здоровье является естественным правом человека, охрана здоровья гарантируется государством. В соответствии с ч. 1 Конституции РФ каждый имеет право на охрану здоровья. Через установление запрета на хищение наркотических средств или психотропных веществ уголовный закон охраняет здоровье населения от возможного воздействия данных опасных предметов.

Здоровье населения охраняется нормами УК РФ от различных видов реального и потенциального воздействия человека и предметов окружающего мира: от насильственных посягательств (гл. 16 УК РФ), от источников повышенной опасности (ст. 221, 224-226 УК РФ), от деятельности, не соответствующей требованиям безопасности (ст. 236, 238 УК РФ), и др. Отличие в непосредственном объ-

екте указанных преступлений состоит в том, от каких посягательств обеспечивается охрана здоровья населения. Например, объектом преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, является состояние защищенности здоровья от насильственного посягательства, объектом преступления, предусмотренного ст. 118 УК РФ, – состояние защищенности здоровья от нарушения обыденных правил предосторожности, объектом преступления, предусмотренного ст. 219 УК РФ, – состояние защищенности здоровья от нарушения требований пожарной безопасности и т.д.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, является состояние защищенности здоровья от немедицинского потребления населением наркотических средств или психотропных веществ. Причем особенностью рассматриваемого непосредственного объекта преступления является то, что в качестве него выступает здоровье не конкретного человека, а здоровье населения в целом. [18] Это связано с тем, что неконтролируемый оборот наркотических средств поддерживает общее состояние наркотизации населения. При этом не важно, намерено ли было лицо, похитившее наркотик, само использовать его для немедицинского потребления или передать его другими лицами. Такое понимание объекта преступления важно для практического применения уголовного закона в связи с тем, что правоприменитель иногда считает, что должна быть угроза немедицинского потребления наркотика конкретными лицами.

Например, приговором федерального районного суда общей юрисдикции Сузунского района Новосибирской области от 8 октября 2008 г. врач Сузунской ЦРБ И.Р.М. осужден по п. «б» ч. 3 ст. 229 УК РФ. Деяние совершено при следующих обстоятельствах. Находясь на рабочем месте, используя свое служебное положение, И.Р.М. внес в историю болезни одного из пациентов ложную запись о необходимости при проведении анестезии использовать препарат кетамин, относящийся к психотропным средствам, и похитил его. Впоследствии И.Р.М. передал похищенный наркотик своему знакомому, который планировал использовать его для инъекции жи-

вотному. Постановлением суда надзорной инстанции г. Новосибирска от 16 декабря 2011 г. приговор в отношении И.Р.М. был отменен, производство по делу прекращено за отсутствием в действиях И.Р.М. признаков состава преступления. В обоснование своей позиции президиум суда надзорной инстанции указал, что действия И.Р.М., связанные с нарушением установленных правил оборота с наркотиками, совершены в целях введения препарата животному, что исключает уголовную ответственность за данное деяние ввиду отсутствия состава преступления. На наш взгляд, позиция президиума суда надзорной инстанции не является правильной, т.к. само по себе нахождение похищенного наркотика в незаконном обороте создает условия для его немедицинского потребления. Поэтому нет разницы, для чего был похищен наркотик (для проведения укола свинье, собаке, химических опытов, коллекционирования и т.д.).

Отметим, что безопасность здоровья населения от немедицинского потребления наркотиков является не единственным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ. Наличие иных объектов преступления позволяет выявить разработанная в литературе классификация объектов преступления на основной, дополнительный и факультативный. В качестве основного (непосредственного) объекта преступления выступают те общественные отношения, при отсутствии посягательств на которые данный состав преступления отсутствует. [3] Основным объектом рассматриваемого преступления, как уже отмечалось, является безопасность здоровья населения от немедицинского потребления наркотиков. Дополнительный объект преступления характеризуется тем, что ему причиняется вред лишь потому, что преступное посягательство осуществляется на основной объект преступления. Однако дополнительный объект является обязательным признаком состава определенных преступлений, он вместе с основным объектом преступления лежит в основе установления уголовной ответственности за совершение деяния, без наличия дополнительного объекта преступления отсутствует и сам состав преступления. [5,

с. 120; 20] Например, хищение, совершенное с нападением без насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, не является разбоем, т.к. отсутствует такой дополнительный объект преступления, как отношения, обеспечивающие жизнь, здоровье и психическую неприкосновенность человека. Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, позволяет утверждать, что дополнительный объект у него отсутствует, так как при хищении наркотического средства или психотропного вещества вред всегда причиняется только безопасности здоровья населения от немедицинского потребления наркотиков. Остальным общественным отношениям вред может не причиняться.

Иное значение имеет факультативный объект преступления. Он не лежит в основе установления уголовной ответственности за определенные деяния, без посягательства на факультативный объект преступления состав преступления существует. Обычно значение факультативного объекта преступления состоит в том, что он, являясь квалифицирующим признаком состава преступления, выступает в качестве средства дифференциации уголовного наказания, его наличие влечет повышенное наказание по сравнению с преступлением, содержащим признаки основного состава преступления. Например, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ предусматривает в качестве квалифицирующего признака грабежа применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозы такого насилия. Повышенная наказуемость насильственного грабежа связана с наличием такого факультативного объекта преступления, как отношения, обеспечивающие телесную и психическую неприкосновенность человека. Однако указанное насилие не лежит в основе установления уголовной наказуемости за грабеж. Открытое хищение, совершенное без такого насилия либо угрозы его применения, содержит в себе признаки состава грабежа, предусмотренного ст. 161 УК РФ. В ряде случаев признаки факультативного объекта преступления не являются квалифицирующими признаками состава преступления. В отдельных случаях посягательство на основной объект

преступления может сопровождаться посягательством на иные общественные отношения. Например, при создании банды (ст. 209 УК РФ) всегда причиняется вред общественной безопасности, т.к. возникает преступная среда, нарушающая состояние защищенности важнейших социальных ценностей. Однако если при создании банды у ее участников уже сформировался умысел на совершение определенных преступлений, возникает факультативный объект в виде общественных отношений, которым может быть причинен вред при совершении бандой конкретных нападений (собственности, отношениям, обеспечивающим жизнь и здоровье человека, и т.д.).

В качестве факультативного объекта преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, выступают самые разнообразные общественные отношения. Прежде всего в качестве факультативного объекта этого преступления может выступать собственность в тех случаях, когда хищение наркотиков происходит из гражданского оборота. Некоторые наркотические средства и психотропные вещества, разрешенные в гражданском обороте, являются объектами таких гражданских прав, как вещи [1], в отношении которых определенным субъектам дозволено совершение сделок по специальному разрешению (ст. 129 ГК РФ). В связи с этим следует не согласиться с позицией ряда исследователей, которые считают, что дополнительным объектом такого хищения выступают имущественные отношения [14] или отношения собственности на наркотические средства [14].

Факультативным объектом хищения, предусмотренного ст. 229 УК РФ, могут быть отношения, обеспечивающие нормальную деятельность предприятия, изготавливающего, поставляющего или реализующего наркотические средства, медицинские учреждения, применяющие их для лечения, и т.д.

Признаки факультативного объекта преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, являются в основном квалифицирующими, в связи с чем влекут повышенную наказуемость хищения наркотиков. При хищении наркотиков с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, или путем

угрозы применения такого насилия (п. «г» ч. 2 ст. 229 УК РФ) факультативным объектом будут выступать общественные отношения, обеспечивающие телесную и психическую неприкосновенность личности. Первая характеризуется отсутствием какого-либо физического контакта с человеком против его воли, а вторая – отсутствием контакта, подавляющего сознание, мысли, волю человека и оказывающего принудительное воздействие на его поведение. [11, с. 22-23] Определяя насилие как умышленное неправомерное причинение физического вреда другому человеку против и помимо его воли, Р.Д. Шарапов справедливо отмечает, что под это определение подпадает наиболее опасный вид насилия – психическое насилие. [19] Уголовно наказуемое психическое насилие – это противоправное общественно опасное воздействие (способ выполнения деяния) на психику другого лица (или группы лиц) помимо или против его (их) воли, совершаемое с прямым умыслом и преследующее цель причинения ему (им) психического, физического или материального вреда (ущерба). [13]

При хищении наркотиков с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, или путем угрозы применения такого насилия (п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ) факультативным объектом будут выступать общественные отношения, обеспечивающие жизнь, здоровье и психическую неприкосновенность личности.

Отметим, что при насильственных хищениях насилие или угроза его применения осуществляются в отношении конкретного человека: владельца наркотика, лица, в ведении, пользовании или под охраной которых находятся наркотики. Это означает, что при насильственном хищении наркотиков его основным объектом является здоровье населения, а факультативным – здоровье, кон-

кретного человека, в отношении которого осуществляется насилие.

В хищениях наркотиков специальным субъектом – лицом, использующим свое служебное положение (п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ), – факультативный объект представлен конкретными отношениями, обеспечивающими нормальное функционирование отдельных государственных, муниципальных, коммерческих или иных организаций в различных сферах деятельности. Так, при хищении психотропных средств из частного аптечного магазина фармацевтом нарушается нормальное функционирование коммерческой организации. В случае хищения наркотика сотрудником полиции из камеры хранения вещественных доказательств нарушаются отношения, обеспечивающие нормальное функционирование государственного органа – Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Выводы:

1) родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, является общественная безопасность (раздел 9 УК РФ);

2) видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, является часть общественной безопасности в виде состояния защищенности здоровья населения и общественной нравственности от преступных посягательств;

3) непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, выступает часть общественной безопасности в виде состояния защищенности здоровья населения от немедицинского потребления наркотиков;

4) дополнительный объект в ст. 229 УК РФ отсутствует;

5) факультативный объект в ст. 229 УК РФ может быть представлен различными общественными отношениями.

Библиографический список

1. Болотин, В.С. К вопросу о содержании понятия гражданского оборота наркотических средств или психотропных веществ / В.С. Болотин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – № 4. – С. 101-108.
2. Галиакбаров, Р.Р. Уголовное право РФ. Общая часть : конспекты лекций и иные материалы / Р.Р. Галиакбаров. – Краснодар: Изд-во Кубанского государственного аграрного ун-та, 1999.
3. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – 2-е изд., перер. и дополн. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003.
4. Коржанский, Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / Н.И. Коржанский. – М.: Академия МВД СССР.
5. Коржанский, Н.И. Объект посягательства и квалификации преступлений / Н.И. Коржанский. – Волгоград, 1976.
6. Мальков, С.М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : монография / С.М. Мальков. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2002.
7. Михайлов, М.П. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой / М.П. Михайлов. – М., 1958.
8. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А.В. Наумов. – М.: БЕК, 1996.
9. Никифоров, Б.С. Объект преступления / Б.С. Никифоров. – М., 1960.
10. Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г.П. Новоселов. – М.: Норма, 2001.
11. Писарев, А.В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Писарев. – Омск, 2002.
12. Прохорова, М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование / М.Л. Прохорова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
13. Решетников, А.Ю. Психологические и правовые основы учения о психическом насилии / А.Ю. Решетников, Л.Н. Клоченко // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2018. – № 3. – С. 100-111.
14. Романова, Л.И. Наркопреступность: Криминологическая и уголовно-правовая характеристика : учебное пособие / Л.И. Романова. – 2 изд. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2009.
15. Совершенствование деятельности по предупреждению незаконного оборота наркотических средств в Тюменской области : монография / отв. ред. А.И. Числов, А.В. Шеслер, В.И. Морозов. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 2003.
16. Токманцев, Д.В. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта метрополитена : монография / Д.В. Токманцев. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2012.
17. Филимонов, В.Д. О соотношении объекта преступления и блага / В.Д. Филимонов // Охранительная функция уголовного права. – СПб., 2003.
18. Шалагин, А.Е. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ: криминологические и уголовно-правовые аспекты : монография А.Е. Шалагин. – Казань: КЮИ МВД РФ, 2005.
19. Шарапов, Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве / Р.Д. Шарапов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
20. Шеслер, А.В. Состав преступления : монография / А.В. Шеслер. – Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2016.

Приглашаем к сотрудничеству!

Приглашаем ученых, сотрудников правоохранительных органов, соискателей и аспирантов юридических вузов и факультетов опубликовать свои научные статьи в нашем журнале.

Научное направление журнала – «Юридические науки»: вопросы теории права и его отдельных отраслей, правоохранительных органов и правоохранительной деятельности, проблемы раскрытия и расследования преступлений, профилактики преступности, в том числе противодействия наркоугрозе.

К публикации принимаются статьи, посвященные актуальным проблемам по заявленной тематике, направленные на развитие научных знаний в области юриспруденции; распространение российского и зарубежного опыта борьбы с преступностью (теоретический и практический аспекты); апробацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований.

По решению редакционной коллегии в журнале могут быть опубликованы научные и информационные материалы, не предусмотренные тематикой журнала.

Редакция организует рецензирование каждой представленной рукописи.

Материалы публикуются на безгонорарной основе.

Рукописи и диски как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс Роспечати 70589.

Электронная версия журнала размещается в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на сайте института (<http://сибюи.мвд.рф>), в научной электронной библиотеке (<http://www.elibrary.ru>), а также на социальной международной платформе Readera (<https://readera.ru>).

Требования к статьям

1. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.

2. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).

3. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.

4. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.

5. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

6. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

7. Элементы издательского оформления материалов включают:

- сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);

- заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;

- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);

- аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);

- приставный библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.100 – 2018 (в алфавитном порядке).

8. Технические требования:

- текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, *.docx);

- параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0х29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;

- шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;

- абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»), межстрочный интервал полуторный;

- объем статьи 8-16 страниц;

- сноски на литературу оформляются отсылками к приставному библиографическому списку (в квадратных скобках);

- графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpg, *.jpeg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;

- файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

9. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не рассматриваются.

Ждем Ваши материалы по адресу:

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник
Сибирского юридического института
МВД России**
Научно-практический журнал

Редакционная коллегия:

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – И.А. Медведев, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Н.Н. Цуканов, д.ю.н., доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

члены редакционной коллегии:

А.В. Жильцов – к.ю.н., начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Т.В. Куприянчик – к.пед.н, доцент, заведующая кафедрой иностранных и русского языков Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

С.М. Мальков – к.ю.н., доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Е.В. Панов – к.пед.н., доцент, начальник кафедры физической подготовки Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

В.В. Пономарева – д.ю.н., профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

В.Е. Шинкевич – д.с.н., доцент, действительный член Академии педагогических и социальных наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

**Vestnik
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia**
Scientific and practical journal

Editorial Board:

Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board – I.A. Medvedev, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Editor-in-Chief, also being in charge for the issue – Nicolai N. Tsukanov, Doctor of Law, Ass. Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Editorial Board Members:

Andrey V. Zhiltsov, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of the Administrative Law and the Administrative Activity, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Tatyana V. Koupriyanchik, Candidate of Pedagogic Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Foreign and Russian Languages, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Sergey M. Mal'kov, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Evgeny V. Panov, Candidate of Pedagogic Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Physical Training, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State Legal Disciplines, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Vladimir Ye. Shinkevich, Doctor of Sociology, Ass. Professor, Full Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Professor of the Department of Humanities and Social Disciplines, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk).

Редакторы номера: Ю.В. Леонтьева, О.В. Сергиенко, Е.А. Никитина
Верстка: Ю.В. Леонтьева, А.О. Скудра

Подписано в печать 20.06.2019.
Формат Р 60х84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Souvenir.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 21.
Тираж 150 экз.
Заказ 161.

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20
Отпечатано в типографии НИРИО
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.